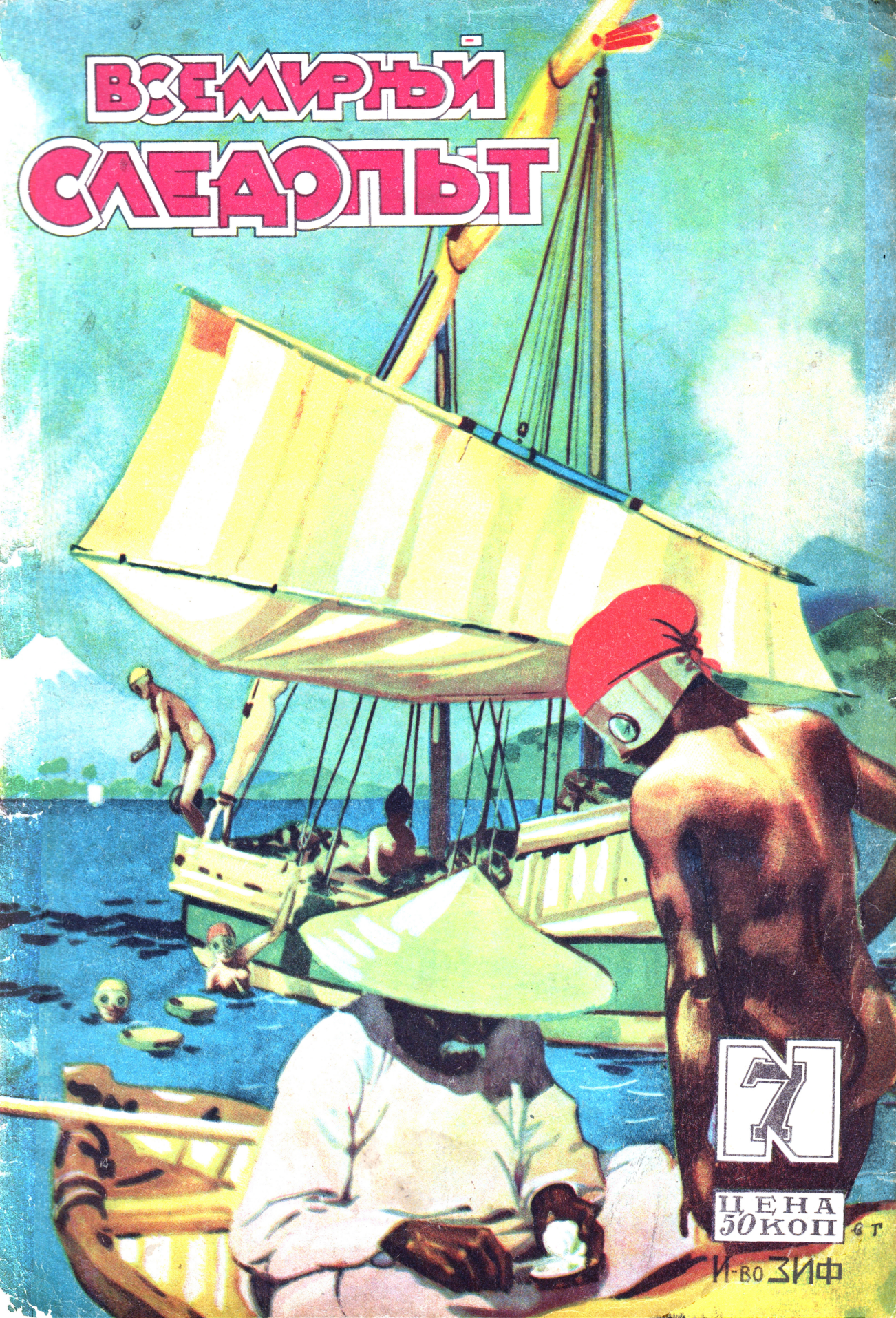

ВЗЕМИРЪИ СЛЕДОПЪИ

7

ЦЕНА
50 КОП

И-ВО ЗИФ

М. Гнездиковский пер., 7

ПРОИЗВОДСТВО «СОВКИНО»

Всер. Акц. О-во «**СОВЕТСКОЕ КИНО**»

ВЫПУСКАЕТ ПОПУЛЯРНЫЕ
КУЛЬТУРФИЛЬМЫ

1. **ВОРОТА КАВКАЗА**

(ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА)

Руководитель НИК. ЛЕБЕДЕВ
Оператор ИВ. БЕЛЯКОВ

2. **КАРАДАГ**

(ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОЧН. КРЫМА)

Руководитель А. ЖАРДИНЬЕ
Операторы ЕВГ. ЕФИМОВ
и Ю. СЕРЕБРЯКОВ
Научный ред. проф. Д. В. СОКОЛОВ

3. **ПО РЕКЕ КУБАНИ**

ЭТНОГРАФИЧЕСК. ОЧЕРК в 6 част.

Руководитель . . . Я. П. КОРНИЛЬЕВ
Оператор Н. ЮДИН

4. **БОЛЬШЕ СОЛНЦА ДЕТЯМ**

(БОРЬБА С ТУБЕРКУЛЕЗОМ В ДЕТ-
СКОМ ВОЗРАСТЕ)

Снято под руководством
д-ра КУРТА КЛАРЕ

1929

№ 7

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
..... Ж У Р Н А Л

ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ФАНТАСТИКИ
❖❖❖ ОХОТЫ ❖❖❖

Угод издания

СОДЕРЖАНИЕ:

Обложка худ. В. Голицына.
✓ В снегах Лапландии. Очерки В.
Белоусова, участника экспедиции
«Следопыта» на оленях (продолжение).
✓ Жемчужный паук. Рассказ Б.
Рустам Бек Тагеева. ✓ Загадка озера
Кара-нор. Рассказ В. Яна. ✓ Подводный
клад. Рассказ П. Аникстера.

✓ Остров гориллоидов. Научно-фантастический роман В. Турова
(продолжение). ✓ Под млечным
путем. Рассказ П. Орловца. ✓
Галерея колониальных народов
мира: Туареги. Очерк к таблицам на
4-й странице обложки. ✓ Из великой
книги природы. ✓ Праздник книги.
✓ Шахматная доска «Следопыта».

.....
Гос. Акц. Изд. О-во
Москва —

.....
„Земля и Фабрика“
— ЛЕНИНГРАД

1929 г.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ПОДПИСЧИКУ ВЫПИСЫВАЮЩЕМУ

ЖУРНАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

«ЗЕМЛЯ И
ФАБРИКА»

— НА 1929 ГОД —

1. Во избежание разных недоразумений и в целях скорейшего получения журналов надо высылать подписную плату непосредственно в Изд-во—Москва, ул. Герцена, 12/а—и не забывать в купоне перевода указывать почтовое отделение, куда должен направляться журнал, а затем подробный адрес (неуказание почтового места вызывает невозможность высылки изданий).
2. Точно указать, на какой журнал посланы деньги, по какому абонементу, на какой срок, и при подписке в рассрочку указывать: «В РАССРОЧКУ».
3. При всех необходимых обращениях в Издательство, как-то: при высылке доплаты, о неполучении отдельных номеров и т. п.—ПРИЛАГАТЬ АДРЕСНЫЙ ЯРЛЫК, по которому получается журнал.
4. Заявления о неполучении отдельных номеров присылать не позднее получения следующего номера, иначе наведение справок в Почтамте будет □ □ □ □ затруднено, и заявление может оказаться безрезультатным.

□ □ □ □

Для ускорения ответа на ваше письмо в Издательство «Земля и Фабрика» каждый вопрос (о высылке журналов, о книгах и по редакционным делам) пишите на отдельном листке. При высылке денег обязательно указывайте их назначение на отрезном купоне перевода.

ОТ КОНТОРЫ «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА»:

О перемене адреса извещайте контору по возможности заблаговременно. В случае невозможности этого перед отъездом сообщите о перемене места жительства в свое почтовое отделение и одновременно напишите в контору журнала, указав подробно свой прежний и новый адреса и приложив к письму на 20 копеек почтовых марок (за перемену адреса).

□ □ □ □

БЕРЕГИТЕ СВОЕ И ЧУЖОЕ ВРЕМЯ! Все письма в контору пишите возможно более кратко и ясно, избегая ненужных подробностей. Это значительно облегчит работу конторы и ускорит рассмотрение заявлений, жалоб и т. д.

□ АДРЕС РЕДАКЦИИ □ | □ АДРЕС КОНТОРЫ □
«ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА»

Москва, центр, Пушечная, Лубянский | Москва, улица Герцена, 12/а
пассаж, пом. 63. □ Тел. 34-89. □ □ □ □ Телефон 54-03.

ПРИЕМ В РЕДАКЦИИ:

понедельник, среда, пятница—с 3 ч. до 5 ч.

Рукописи размером менее $\frac{1}{2}$ печатного листа не возвращаются. Рукописи размером более $\frac{1}{2}$ печатного листа возвращаются лишь при условии □ □ присылки марок на пересылку.

Рукописи должны быть четко переписаны на одной стороне листа, по возможности на пишущей машинке. Вступать в переписку по поводу отклоненных рукописей редакция не □ □ □ имеет возможности.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЖУРНАЛЕ:

1 страница — 400 р.; $\frac{1}{2}$ стр. — 200 руб.; 1 строка — 1 р. 50 к.

о Сверх того—10% госналога □

ПРИ МНОГОКРАТНОМ ПЕЧАТАНИИ
СКИДКА ПО СОГЛАШЕНИЮ

В снегах Лопландии

Очерки В. Белоусова

(Продолжение)

Рисунки Д. Горлова

XIV

Бесхитростный оранг-утан. — Нежный сын. — Изба на полозьях. — Смертельная борьба. — Деревья-самоубийцы. — Четвероногий лыжник. — Жертва серых хищников. — Ехидный заяц. — Несколько слов о будущем.

На Куцкель-озере живет лопарь Кондратий. Это маленький неряшливый человек с низким черепом, вдавленным лицом и выступающими вперед челюстями. Когда он сидит на полу, сгорбившись, опустив руки между коленями и уставившись в одну точку маленькими неподвижными красными глазами, сходство его с обезьяной становится поразительным.

У Кондратия и ухватки обезьяны. Когда он чинит упряжь, больше всего работы достается его зубам. С помощью зубов он раздирает на куски и вареную оленью ногу, перед тем как положить ее на стол и предложить нам:

— Закусывайте, закусывайте.

Он очень бесхитростный человек. Если ему например нужно рассказать о том, как долго он бежал за медведем, он повествует так:

— Я бежал-бежал-бежал-бежал-бежал-бежал-бежал-бежал-бежал-бежал...

И повторяет это слово столько раз, сколько времени бежал.

Когда кто-нибудь скажет или сделает смешное, Кондратий издает короткий, средний между лаяньем и бляньем звук. При этом он плотно сжимает губы. Это значит — ему весело.

Кондратий — оленевод. Его стадо пасется в Волчьей тундре. Живет он в «веже» — круглом досчатом шатре. Собственно Кондратий собирался построить избу и уже положил несколько бревен, но потом решил, что изба чересчур канительное дело, и на положенных бревнах устроил купол из досок. Получилось сносное жилище, просторное и настолько высокое, что посредине в нем можно было стоять. Пол «вежи» устлан оленьими шкурами.

С Кондратием живет его жена. В этой старой лопарке очень много детского. Целый день она с кем-нибудь разговаривает: с котом, который опалил себе всю шкуру, потому что ходит гулять через трубу камелька, с оленьей головой, приготовляя ее к обеду, с камельком, с пешней, с погодой, наконец с собой.

Есть еще у Кондратия сын — мальчик лет пятнадцати. Он уже считается взрослым. Иван сообразителен и в противоположность отцу подвижен. Каждый день

На Куцкель-озере живет лопарь Кондратий...

он бродит с ружьем по лесу, и постоянные его трофеи — куропатки — приятно разнообразят наше тоскливое лопарское меню. Иногда на Ивана находит нежность, он кладет голову на колени матери, и старуха любовно скребет всей пятерней его курчавый затылок...

Каждый год во второй половине зимы Кондратий со всем своим хозяйством перебирается на восемьдесят километров к северу, на лесоразработки. Там он возит на оленях бревна из леса.

Будет он переключиваться и в этом году. Как раз теперь он начинает готовиться к этому сложному путешествию. Но Кондратий медлителен и ленив, и его приготовления могут продолжаться несколько недель. К тому же еще понаехали московские гости, и можно дать себе заслуженный отдых.

Для житья в дороге у Кондратия устроена любопытная кибитка: целая изба на полозьях, с железной печкой внутри, с дверью и окном. Правда ее размеры таковы, что когда мы сложили в нее наши четыре мешка, в ней не осталось свободного места. Но все-таки — кров.

Для путешествия на север ему придется переловить всех оленей и связать их длинной райдой. Несколько раз в день нужно будет развязывать их и пускать в лес кормиться, а потом снова ловить и связывать. Двигаться придется постепенно: сначала перевезти на новое место чум и часть оленей, потом кибитку. Даже при удаче таким порядком можно будет делать не больше пяти километров в сутки, и путешествие займет недели три, а то и месяц.

Впрочем теперь все это откладывается, потому что Кондратий берется быть нашим проводником. Он поведет нас на запад.

* * *

Вокруг Куцкель-озера сошлись горы — хмурая скалистая Волчья тундра, двуглавая Воронья тундра и громоздкая Юавденч-тундра. Озеро легло извиристо и выдвинуло тупые щупальцы-заливы в каждую выемку, каждый разлог между горами.

На склонах гор — лес. Но какой он странный, непривычный. Это не наш лес средней полосы, где деревья стоят ров-

ненько, все одинаково прямо и где не знаешь, сами ли выросли эти спокойные стволы или кто-то расставил их, вкопав в землю.

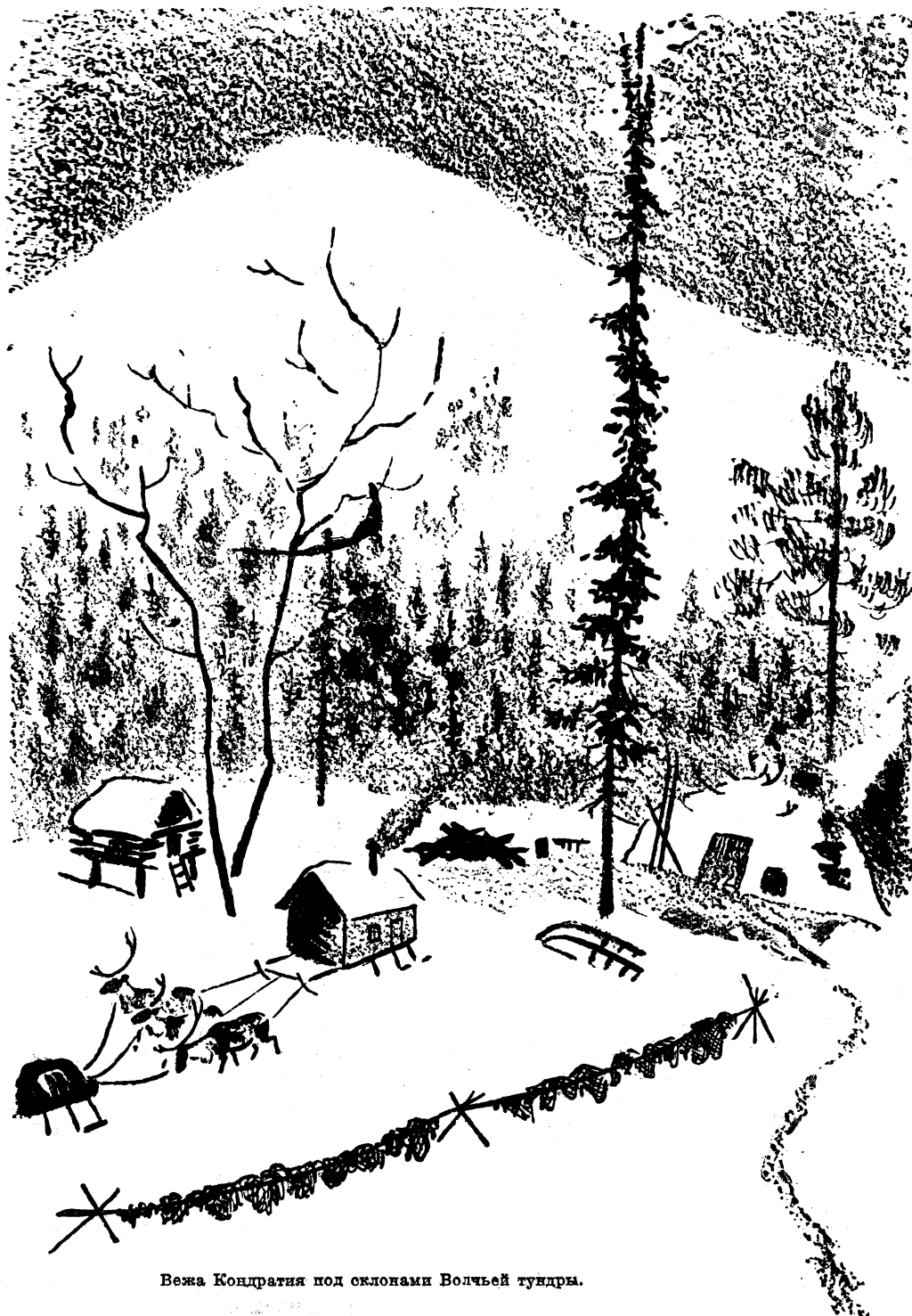
В лапландском лесу нет ровных прямых стволов. Жизнь дерева за Полярным кругом — это непрерывная судорога, это цепь страданий. Здесь деревья не просто вырастают: они силой выдираются из узких щелей между камнями, где есть кое-какая почва. Только что выпустив растение, скала, точно спохватившись, опять хочет вернуть его в свои жесткие объятия. Вступая в борьбу со скалой, дерево изгибается то вниз, то в сторону, закручивается винтом. Каждый лишний сантиметр роста достается ему ценою диких усилий и напряжений. И можно только удивляться, как много жизненной силы заключено в этих тонких кривых стволах.

На склоне Вороньей тундры мы видели настоящую трагедию: уже большая и казалось бы крепкая сосна вдруг сама себя завязала в узел и засохла, перетянув сосуды. Это было похоже на то, как будто бесконечно уставшее растение решилось на самоубийство.

Хорошо держатся ели. Они вырастают трепанными, ощищенными, но высокими и крепкими. Сосны же большей частью не выдерживают борьбы. Ствол их перестает расти — он весь уходит в искривленные как щупальцы спрута сухие косящие ветки.

В лесу под Волчьей тундрой мы увидели странный след: словно кто-то проволоком между деревьями толстую жердь. Это был след выдры. Зверь прошел с Волчьей реки на Ольдже-реку. Он шел прямо-прямо, словно по компасу.

Недавно был мороз, снег затвердел, и выдре итти было легко. Она втыкала в снег все четыре лапы, потом прыгала вперед и скользила как на лыжах на толстом мохнатом животе, грудью раскидывая снег на обе стороны. По дороге она пересекла лисьи следы и внимательно обнюхала их. Дальше она свернула в сторону, чтобы посмотреть на лыжные следы, которые мы оставили здесь накануне, видимо взволновалась, но решив, что и здесь никакой опасности пока не грозит, двинулась дальше. На пути ее была большая варака. Выдра могла обойти

Вежа Кондратия под склонами Волчьей тундры.

возвышенность стороной, но очевидно звериный компас приказывал идти все прямо. И зверь мелкими шажками с боль-

шим трудом поднялся на вараку. Зато спуск он совершил удобно и быстро на животе, подобрав короткие ноги и по-

Каждый лишний сантиметр роста достается дереву
пеною диких усилий...

добно искусному лыжнику ловко избегать столкновений с деревьями.

Дальше выдра шла по Ольдже-озеру. Ветер замел ее следы, но на длинных наволоках, вдававшихся в озеро, было видно, что и здесь зверь шел прямо-прямо, не обходя выступов берега. За озером выдра прошла еще немного в лесу, потом свернула к незамерзшей Ольдже-реке и нырнула в ее холодные быстрины.

А на берегу Ольдже-озера пробежали следы другого зверя — росوماхи. Следы очень интересные: зверь мчался большими прыжками, кидался из стороны в сторону, словно пытался от кого-то спрятаться. Чуть подальше мы увидели причину такого поведения росوماхи: за ней гналась стая волков — следы их, не меньше сорока длинных лап, изрыли в лесу не мало снега.

На маленькой лужайке произошла битва. Росوماха защищалась героически. Охотники рассказывают, что в драке один-на-один волку не удается победить росوماху. Но здесь и десятерым волкам хватило работы. Когда хищники, сделав свое дело, ушли с поля битвы — одним следом, лапа в лапу, — у многих из них поредела серая шуба.

Росوماха лежала здесь же на лужайке, мертвая, искалеченная, и ветер шевелил ее изорванную шерсть. Волки не съели росوماхи. Они только отомстили постоянному сопернику в охоте на мелких обитателей лапландской тайги.

С обветренной вершины Волчьей тундры Лапландия кажется почти такой же, как и с Нетцис. Но здесь более дико, больше гор, и озера лежат между ними небольшими белыми вкраплениями. А сама вершина — это целое плато с ущельями и долинами, идущими среди обледенелых скал, с широкими полями, покрытыми затвердевшим, наметенным в бугры снегом. Плато все время закутано туманом, и здесь дуют такие жестокие ветры, что наш план пройти всю Волчью тундру вдоль оказался невыполнимым.

Зато по склонам тундры мы проложили сверху-донижу на зависть многим лыжникам прекраснейшую лыжню в полтора километра длиной, с поворотами, с прыжками — со всем тем, что требуется для вольного лыжного спуска, который по-норвежски называется «слалом». Эта лыжня подарила нам много хороших спортивных минут. На ней же с Горловым произошел весьма забавный случай.

Мой спутник на наших ежедневных лыжных экскурсиях не расставался с винтовкой. Он все надеялся встретить какого-то очень крупного зверя и отважно его прикончить. Но недели шли за неделями, следов мы видели много, но живых зверей кроме куропаток не встретили ни одного. А тут спускался Горлов по лыжне с Волчьей тундры, и вдруг на дороге... заяц. Настоящий живой заяц! Сидит и удивленно смотрит на стремительно несущегося прямо на него человека. Горлову предстояло сразу сделать три вещи: остановиться на полном ходу, схватить ружье, висевшее за спиной, и не упустить зайца, который вовсе не намеревался долго любоваться представлением. Легко догадаться, что все это кончилось акробатическим номером, большой ямой в снегу и градом восклицаний возмущенного охотника. Злые языки рассказывали, что заяц, скрывшись за сугробом, ехидно хихикнул.

* * *

Край, где живет похожий на оранга лопарь с семьей, пока дик, глух и неисследован. Но по тем отрывочным сведениям, которые добываются то там, то здесь отдельными путешественниками и экспедициями, можно быть уверенным, что в будущем жизнь этих мест пойдет

совершенно иначе. Так требуют богатства Кольского полуострова.

Первое богатство Лапландии — пушнина. Тот кустарный пушной промысел, который сейчас здесь развит, конечно ничего хорошего дать не может. Он требует от охотников громадного труда, плохо вознаграждает их и благодаря своей неорганизованности только уничтожает ценные породы зверей.

В самое последнее время Лапландия становится на новый путь. Не столько пушной промысел, сколько пушная культура скоро будет здесь процветать. Первая ласточка — питомник голубых песцов (зверя, уже уничтоженного в Мурманском округе) на острове Кильдине в Ледовитом море. Питомник находится в стадии организации, и скоро первая партия зверей будет поселена в нем. Вторым шагом будет олений заповедник на Мончегундре. Он позволит сохранить и развести диких. Ими будут потом пополняться стада коллективных оленеводческих хозяйств, которые уже организуются в лапландских тундрах.

Следующее богатство — лес. Те лесозаготовки, которые кое-где сейчас ведутся на Кольском полуострове, далеко не все, что можно получить от лапландской тайги.

Не малое значение будут иметь в экономике страны и полезные ископаемые. Вот их краткий перечень: золото, серебро, молибден, никель, медь, свинец, цинк, железо, сера, апатит, титан, барит, соль, цирконий, асбест, нефелин, точи́льный камень. Кроме того экспедициям посчастливилось найти в Лапландии много драгоценных и поделочных камней, среди них: алмаз, аметист, эвдиолит, гранат, жемчуг.

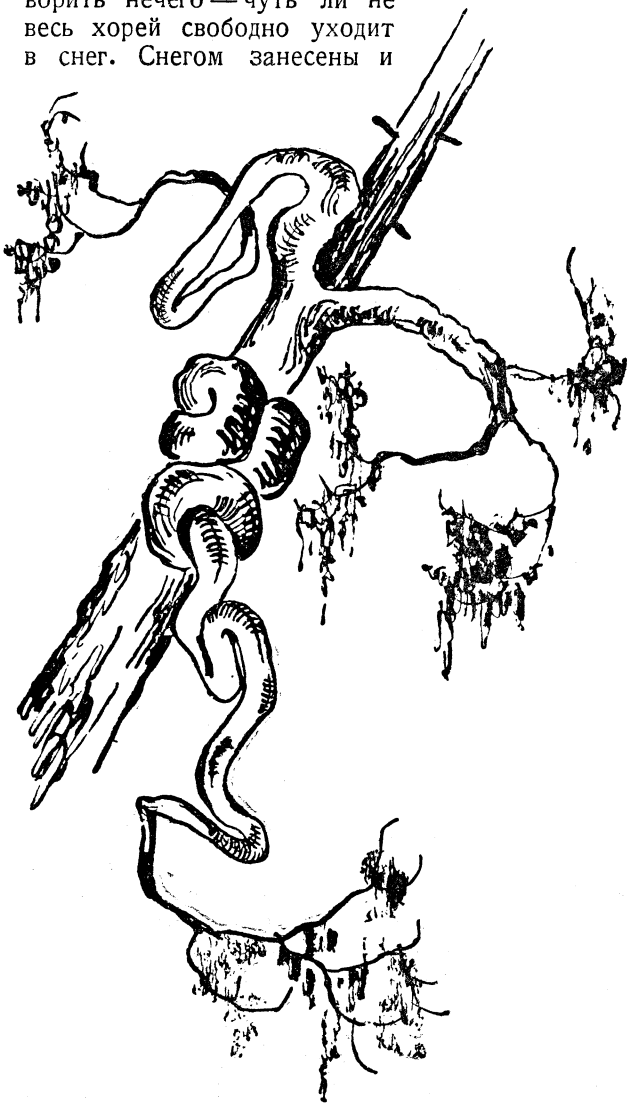
Весьма распространен на Кольском полуострове торф. Жители побережья Полярного моря давно употребляют его в качестве топлива. Наконец солидным богатством Лапландии является белый уголь. Одна река Нива несет в себе запас энергии до 280 000 лошадиных сил. Столько же заключено в реке Туломе, а река Кола по скромным подсчетам обладает энергией в 300 000 лошадиных сил. Это все — исследованные реки. А сколько прерываемых мощными водопадами рек скрыто в скалистых дебрях тундр!

И не так долго придется ждать коренного преобразования края. Уже в результате проведения пятилетнего плана хозяйственного развития страны лик Лапландии изменится до неузнаваемости...

XV

Снег «толстой». — Утонувшее стадо. — Лопарский режим. — «Мочала» и сырая рыба. — Праздничный обед. — «А не попасть нам будет». — Возвращение.

В этом году снега, как здесь говорят, «толстые». Даже на озерах олени часто вязнут по брюхо. А уж в лесу — и говорить нечего — чуть ли не весь хорей свободно уходит в снег. Снегом занесены и

На склоне Вороньей тундры сосна окончила жизнь самоубийством...

амбар Кондратия и шалаш для овец. От вежи торчит только купол крыши, заваленный оленьими рогами. Но несмотря на то, что снегу слишком достаточно, небо кажется решило засыпать всю страну, до самых макушек тундр. Оно хмурится вот уже неделю, и круглые сутки большими мокрыми клоками валит снег. И каждое утро, с трудом отворяя засыпанную за ночь дверь вежи, Кондратий злобно шутит:

— Ну, вот и снежок выпал! Погодка хорошая пришла... А то всю зиму снегу не видели...

Это бессмысленный снегопад нас сильно смущает. Ведь отсюда мы должны пробраться дальше на запад — в места еще более глухие. И если до Куцкель-озера кое-где можно было найти относительные следы дороги, то дальше на них никакой надежды нет. Пройдут ли олени? Не завязнут ли в снегу?

А тут еще Кондратий рассказывает про «щельгу (водораздел) проклятую», которая попадется нам на пути.

— Такая эта щельга вредная есть, что завсегда на ней сильно снежно бывает. Другой раз везде уже снег сошел, а на щельге той проклятой сугробами лежит. Мы с Ванькой ехали так на озере, нисколько снегу не было, лед чистый, а через щельгу силу-насилу попали. А зять мой Петра Герасимов от меня домой пешком осенью пошел; совсем еще сухо было, а на щельге проклятой лыжи работал — на лыжах попадал. Такая уж щельга та снежна есть...

И Калин Иванович, оставшийся погостить у Кондратия денка на два, вспоминает о другой такой же снежной зиме, случившейся еще во времена его молодости.

— Тоже щибко снежно тогда было, — рассказывает он. — Пошел я в лес капканы проверить и кстати, думаю, кого-нибудь промышлю по пути. Шел-шел, вижу — волчий

след. И вижу — подкрадывается волк к кому-то. Полз потихоньку и пузо волочил. За кем, думаю, промышлял здесь этот зверь? Только перешел вараку, смотрю — олень лежит. Наполовину сожрал его волк. И видно не один раз приходил сюда обедать... А кругом следов оленьих, следов — целое стадо! И вижу, что дикие. Сотни четыре или пять. Толстой снег всегда плох для оленей: и бегать нельзя и мох доставать трудно. В снежную зиму дикие всегда кочуются

с места на место, чтобы менее снежное место найти. Так и эти видно искали, где бы мох им полегче достать. Тут волк одного и прихлопнул. Посмотрел я — следы чистые. Дай, думаю, догоню: далеко не ушли. И пошел по следам. Прошел я так с полчаса, поднялся на небольшую тундрицу, глянул вниз — так и ахнул. Стоят это все олени подо мной на болоте в снегу. Иные стоят, иные лежат. И не двигаются. Видно замучились и с места тронуться не могут. Изголодались. Пробовали копать мох, да достать не могли. И здесь же в стаде

сидит спокойно волк и пожирает оленя. А еще два загрызанных по другую сторону лежат. Вот какую моду взял; стадо в снегу утонуло, а он приходит кормиться здесь свежатиной. Ну, уж я его накормил... свинцовой свежатиной. Хороша шкура вышла. А оленей оставил. В них не стрелял. Как-то стрелять было плохо: стоят, словно свое стадо. Попробовал было, да мушка так прыгала, что и прицелиться не мог. Ветер был что ль тогда сильный...

И слушая эти рассказы, мы начинали думать: не из легкомысленного ли желания заработать согласился Кондратий быть нашим проводником? Возможно ли вообще пробраться на оленях через такие снега?

Виной всему теплый северный ветер, дующий с Ледовитого моря. Согретый Гольфштремом, он несет с собой теплоту, пасмурную погоду и этот бесконечный несносный снег. Мы ждем не дождемся, когда задует наконец холодный южный ветер с Белого моря. Но против обычного здешняя погода проявляет постоянство, и надежды на небесные перемены у нас очень слабые.

Все же мы решаем покинуть Куцкель-озеро. Мы хотим обмануть погоду.

В день отъезда хозяйка устраивает праздничный обед. С тех пор как выяснилось, что все наши консервы безнадежно испорчены, нам волей-неволей при-

шлось перейти на лопарский режим. Это значит, что изо дня в день мы ели только одно оленьё мясо.

Разрубив смерзшуюся тушу на части, лопарь вносит голову или ногу оленя в избу и оставляет лежать их там на самом видном месте целые сутки, пока мясо не оттает. Потом большой кусок мяса кладут в котел с водой и кипятят часов пять-шесть подряд. В результате этой инквизиции от мяса остается одна сухая клетчатка: все питательное вываривается из него. И навар, который казалось бы должен быть настоящей пищей, выливается за дверь в снег.

Мясо рвут на куски руками, кладут в тарелку и ставят на стол.

— Закусывайте, закусывайте!

И мы «закусывали». Мы работали над этой «мочалой» (как называл нашу тощую пищу Горлов) целыми часами. Работали обреченно, без малейшей надежды насытиться: после самой обильной трапезы у нас кружилась голова от голода.

Для лопарей было новшеством, почти ересью, что мы ели мясо с хлебом и с солью: они предпочитали жевать его без всяких приправ.

После того как все обедающие складывали кости и другие несъедобные остатки на стол, хозяйка сгребала эти ошметки себе в передник и начинала старательно копать в них. В результате оказывалось, что среди остатков есть

Фантастичной казалась фигура, освещенная отблесками огня...

Мы выехали с лопарским опозданием...

еще вполне съедобные куски. Они возвращались обратно в общую тарелку, и вежливость предписывала продолжать трапезу.

Несколько раз Кондратий угощал нас сырой рыбой, которую лопари едят с большим удовольствием. Рыба была поймана еще осенью, потом лежала в амбаре и прежде чем замерзла успела сильно испортиться. Пробуя ее в первый раз, я смело засунул в рот большой кусок. Почувствовав, что проглотить его выше моих сил, я стал соображать, как избавиться от него, не обидев хозяев. В конце концов поступил просто: отвернулся, выплюнул кусок и спрятал в карман. Позже я усердно жевал собственный язык, делая вид, что ем рыбу. Приходилось удивляться на Горлова, который не только уверял, что рыба превосходна, но слова свои подтверждал по всей видимости и действием. Удивление мое скоро сменилось

целую коллекцию кусков этой злополучной рыбы.

Естественно, что к обещанию накормить нас по-праздничному, мы отнеслись очень благосклонно. В этот день мы даже не уходили далеко, чтобы не опоздать к обеду. И за всеми приготовлениями следили не только с любопытством, но и с жадностью.

Праздничность обеда выразилась лишь в том, что к мясу подали растопленное оленье сало. Но и этого было достаточно. Не беда, что в сале плавала оленья шерсть. Мы к ней привыкли. С самого первого дня нашей жизни у лопарей оленья шерсть окружала нас всюду: мы ели ее с хлебом, во время сна она набивалась нам в уши и в нос, одежда безнадежно была выпачкана в ней, наши шевелюры приняли сероватый цвет, потому что в них оленьих волос было столько же, сколько и собственных. Мы привыкли не только к шерсти, но и к неприятному специфическому запаху оленьей кожи, которым пропитались все наши вещи.

Оказалось, что есть сало надо умеючи. Прежде всего необходимо выбрать кусок мяса себе по рту. Потом окунуть его в тарелку с салом, погрузив в тепловатую жидкость всю пятерню. Быстрое встряхивание (чтобы стекло лишнее сало) — и кусок стремительно отправляется в рот. По дороге нужно успеть облизать пальцы. Ни одной капли сала не должно быть обронено на стол.

Первые попытки подражать лопарям кончались неудачей. Мы или попадали мимо рта или так медленно несли кусок по воздуху, что все сало успевало стечь.

Сын Кондратия блеснул деликатностью: он не брал руками куски, а насаживал их на финский нож. Зато потом запикивал их так решительно и глубоко в рот, что каждый раз мне становилось жутко: а ну как он себе горло распорет!

Вечером хозяйка пекла хлеб. Для этого пришлось выкопать из-под снега малень-

злорадством. Выйдя со мной после обеда из вежи, приятель вытряхнул из кармана

кую печку, сложенную из плоских камней неподалеку от вежи, на берегу озера. Печку протопили двумя охапками дров, потом жена Кондратия выгребла из нее все угли, положила туда тесто и, закрыв сверху шкурами, задвинула большим камнем трубу. Было темно, дул ветер, раздувая угли, лежащие на снегу, и очень фантастичной казалась фигура лопарки в развевающемся платье, освещенная снизу красными колеблющимися отблесками.

«А не попасть нам будет...»

* * *

Мы выехали с лопарским опозданием: вместо двух часов — в шесть. Валил снег. Малицы скоро вымокли, неприятная сырость чувствовалась в пимах. Снова мы с Горловым тянули жребий — кому «понужать» оленей, но на этот раз каждый из нас стремился вытянуть короткую сличку, освобождавшую от почетных обязанностей «кучера». В ветер и снег смотреть все время вперед, кричать на оленей, часто слезать с саней, чтобы поправить упряжь, и размахивать хореем — доставляет мало удовольствия.

Кондратий взял с собой одиннадцать оленей. Впереди ехал он на четверке,

далее два оленя везли вещи, и райду замыкали мы — на тройке. Два оленя составляли резерв.

Первая тайбола за Куцкель-озером оказалась не слишком снежной. Олени хотя и проваливались, но тянули легко. Дальше путь стал трудней. За Малым Ольдже-озером пришлось подниматься на высокую вараку. Когда олени, высунув язык и вытаращив от напряжения глаза, стали карабкаться вверх по крутому снежному склону, нам стало жутко. Казалось невероятным проехать по такой «дороге» и несколько километров. Было бы безнадежно слезать с саней и

пытаться помочь оленям. Но олени и не нуждались в помощи. Прыгая из сугроба в сугроб, они с удивительной быстротой втянули сани на вараку. Впервые мы видели таких крепких оленей.

За варакой было снова озеро, и по нему олени бежали рысью, осторожно и жеманно поднимая копыта. Темнотой и мглой были затянуты горы, окружавшие озеро. Проехали мимо высокого обрывистого и угрюмого мыса. На самом краю его росла елка. Камень, за который она уцепилась корнями, каждую минуту грозил обрушиться, и словно пытаясь удержаться, дерево судорожно изогнулось. А длинные ветки его словно руки тянулись к скале. На том же мысу

мы видели березу в объятьях сосны. Оба дерева росли почти из одного места. Сосна была кривая, похожая на злого сказочного горбуна, жадно впившегося в свою жертву. Береза рвалась из цепких объятий, и ее поднятые ветки казалось молили о помощи.

Проехав озеро, застряли в самом начале подъема на следующую тайболу. Олени совсем тонули в снегу и не могли тянуть сани. Покричав и подергав вожжой, Кондратий спокойно положил хорей и равнодушно сказал:

— А не попасть нам будет.

— Куда?

— А куда запоезжали.

И не спеша стал закуривать. Олени лежали на снегу и дышали так, словно хотели задуть пожар.

Мы предложили надеть лыжи и вести оленей под уздцы.

Тут Кондратий вспомнил о «проклятой щельге». Если здесь снегу столько, что у оленей ноги не хватают, то там и с лыжами не пробраться. Ведь не будем же мы оленей на спине перетаскивать.

Открывается военный совет. Вперед двигаться как будто безнадежно, но возвращаться обидно, и мы долго не можем ни на что решиться. Тем временем Кондратий снова пытается заставить оленей двинуться вперед. Животные делают героические усилия, встают на дыбы, храпят, но сани не двигаются ни на сантиметр. Кондратий сердится и бьет оленей хореем. Это зрелище заставляет нас принять решение.

— Нужно вернуться обратно, — говорю я. — Завтра попробуем пробраться другой дорогой. А то только зря оленей мучаем.

— А вот и выйдет, что зря, — мрачно отвечает Кондратий.

Он снова кричит на оленей и тычет в них хореем.

— Довольно, Кондратий Тихонович! — уговаривает его Горлов. — Поворачивайте назад.

Но Кондратий Тихонович вошел во вкус и прекращает свое бесплодное занятие только вспотев и утомившись.

Сразмаху он втыкает хорей в снег и выражает крепкими словами удивление перед таким количеством снега.

Простояв в сугробах с час, поворачиваем сани и возвращаемся по своим следам вспять. В душе каждый из нас рад вынужденному возвращению под крышу, к яркому теплему камельку: ночевка на мокром снегу, под мглистым промозглым небом никого не прельщала. Но на словах все очень недовольны переменной в наших планах.

XVI

Небесная перемена. — Сорок семь «градусников». — Подвиги лесных пионеров. — Кондратий тянет оленей. — Комбинация с карандашом, альбомом и хореем. — Черное озеро. — Ложка-лопата. — Хлеб со льдом. — «Лосий двор». — Военные олены.

За ночь случилось то, чего мы так давно ждали. Задул южный ветер, небо сразу очистилось, и к утру наш ртутный термометр замерз. Вчерашней мглы как не бывало. Леса на вараках стояли все в инее, словно посыпанные пеплом, а деревья казались застывшими клубами белого дыма.

Горлов достал спиртовой термометр и, выйдя наружу, объявил, что сегодня ровно сорок семь «градусников» моро-

Мы шли по сторонам с хореем в руках...

за по Реомюру. Мы были удовлетворены этой цифрой.

После вчерашней неудачи пришлось отказаться от плана добраться до финской границы. Толстый снег не позволял этого сделать. Нам оставался теперь только один путь: на север к реке Туломе. Он тоже возбуждал сомнения, но по нему «попадать» мы должны во что бы то ни стало. Не возвращаться же

нам на Монче-губу! И в этот день мы снова покинули вежу под Волчьей тундрой.

На Куцкель-озере не было до сих пор ни одной экспедиции. Мы—первые. Лишь в будущем году Академия Наук предполагает произвести здесь географические исследования. А пока карта этих мест настолько фантастична, что она давно лежит на самом дне мешка.

Единственные люди из центра, которые здесь бывают,—это таксаторы, работники по лесоустройству. В самых глухих углах Севера они пользуются большой популярностью, и о незаметной, но подчас героической их работе рассказывают здесь с большим уважением. Таксаторские отесанные столбики с цифрами можно найти в самых недоступных районах Лапландии. А в окрестностях Монче-губы мы видели как-то целый ряд вех, который на много километров тянулся по лесу и был очень точно ориентирован с юга на север.

Столбик с надписью мы нашли и в лесу за Куцкель-озером, там, где была наша первая остановка. Кондратий знал таксаторов, которые поставили этот столбик: он был у них проводником.

Таксаторы пришли сюда с юга—с пиренг-озера. По Ольдже-реке они спускались в лодке. Была весна, а в это время года самые маленькие речки превращаются в грозные потоки, вода, затопляя берега, катится через камни, и на каждом метре пути опасность караулит людей, рискнувших в эту пору ехать на лодке. Но таксаторам нужно было как можно скорее добраться до столбика под Оленьей варакой и начать от него работы. Их участок был так велик, что они не мог-

ли терять времени на длинный переход пешком.

Таксаторы были опытные гребцы. Там, где другие давно были бы выброшены на камни, они одним ударом весла избегали опасности. Но они в первый раз были в этих краях. Река была им неизвестна. Им нужно было бы высадиться на берег на Лебяжьем озере и протаскать некоторое время лодку по камням, потому что ниже озера был падун. Весной через него невозможно провести лодку. Но таксаторы этого не знали. Они проехали озеро и спокойно стали спускаться дальше. Весной вся река ревет и шумит. Шум падуна путешественники услышали слишком поздно. Пристать к берегу уже надежды не было. С отчаяния они направили лодку на скалу, макушка которой высывалась из воды, но сила течения была такова, что лодку перебросило через камень и опрокинуло в падун. Один таксатор утонул. Его труп с разбитой головой выкинуло на берег много ниже. Двое других выбрались на берег. В тот же день они починили лодку и поплыли дальше.

* * *

Первый день нашего продвижения на север начался очень удачно. Снега на тайболах было не слишком много, олени могли брести, и мы не слезали с саней. Прекрасен был лес. Деревья стояли все в снегу, и ветки елок казались мягкими белыми лапами. Снег вспухал сугробами над валунами и валежником. И был он необыкновенно легкий и чист. Когда хо-

Кондратий надев лыжи...

рей задевал за ветки, снег падал на нас, ложился на рукавах малиц, и мы видели, что он состоит из крупных как пыльца одуванчика красивых пушистых снежинок.

Лес был густой. Деревья стояли так тесно, что часто сани задевали за них. Удивительно, как бережно обращаются олени со своими рогами. Проходя под деревом, они не заденут ими ни за одну ветку и при этом очень изящно наклоняют и поворачивают голову.

На смену тучам снова вернулось то удивительное изумрудное небо, которым мы не уставали любоваться. И снова позади, за вараками горела заря. Было очень тихо, и сильный мороз замечался разве только по облаку пара, поднимавшемуся над оленями и оседавшему на наших малицах.

Чем дальше от Куцкель-озера, тем больше становилось снега. Скоро олени начали барахтаться в снегу так же жутко, как и вчера. А на одном болоте они совсем завязли, легли в снег и отказались дальше тянуть сани.

— Снег порато толстой, — объявил Кондратий. — Ноги не хватают.

Но сегодня у нас не было впереди «щелги проклятой», и поэтому мы поступили более смело, чем накануне.

Из-под шкур, покрывавших сани, были извлечены лыжи. Кондратий привязал к уздечкам передовых оленей по ремню, снял малицу, впрягся в ремни и двинулся вперед по глубокому снегу, таща за собой упряжку. Это была нелегкая работа. Олени то натягивали ремни, не желая двигаться, то прыгали вперед или вбок и так дергали ремни, что наш проводник еле удерживался на ногах.

Мы оба шли по сторонам с хореями в руках и погоняли оленей. И тоже вскоре вспотели несмотря на мороз. Передняя упряжка то и дело ложилась в снег с безнадежным видом, и нужно было много изобретательности, много пинков хореям и криков, чтобы заставить оленей встать и сделать пару прыжков. Но

когда мы побеждали здесь, ложилась вторая упряжка, привязанная на буксире к передней, и останавливала всю райду. А потом снова ложились передние.

Глубокий рыхлый снег, кусты и кучи валежника, которыми был засыпан лес, сильно мешали. И чтобы обойти оленей с другой стороны или вернуться к застрявшим задним саням, нужно было потратить много времени. Следует удивляться не медленности нашего продвижения, а тому, что мы все-таки ухитрились делать в таких условиях километра по два в час.

Особенно интересен был в этом трудном переходе Горлов. Мой спутник не представлял себе, как это он вдруг пропустит какой-нибудь интересный момент и не зарисует лежащего или барахтающегося в снегу оленя. Поэтому он выступал с карандашом в зубах и альбомом подмышкой, в другой подмышке у него был хорей.

Каждый раз, как только Кондратий, выбившись из сил, бросал ремни, объявлял остановку и лез в дальний карман за махоркой (что было трудным и долгим делом), Горлов сейчас же втыкал хорей в снег, снимал рукавицы и хватался за карандаш и альбом. В эти минуты было безнадежно просить его помочь перевязать вещи на санях или поправить упряжь.

— Перетянуть веревки вы сами сумеете, а бык этот так больше никогда не ляжет, — спокойно отвечал он.

И рисовал до тех пор, пока из зако-ченевших пальцев не вываливался карандаш.

А потом по команде Кондратия карандаш отправлялся обратно в зубы, альбом и хорей подмышку, и похлопывая рукавицами, Горлов кричал на оленей:

— Нно! Милые дьяволы! Ну-ка!..

К темноте мы добрались до чудесного озера, окруженного дикой тайгой и высокими обрывистыми вараками. Черное озеро находится на водоразделе, и дальше наш путь пойдет вниз. Это не значит конечно, что он будет легче.

На Черном озере Кондратий объявил:

— Здесь занадобится ночевать.

По нашим расчетам в первый день мы сделали двенадцать километров. Цифра не очень утешительная, принимая во внимание слабые продовольственные запасы и длинный путь впереди. Но останавливаться на «ночляг» было действительно пора. Уже скрылась в сумраке белая вершина Юавденч-тундры, и в лесу притаилась вечерняя настороженность. Совсем недавно здесь прошел лось и уронил на озере широкие тяжелые следы.

Пока Кондратий распрягал оленей и искал в лесу ягельные места, мы, вооружась топорами, отправились за то-

пливом. Лыжи были оставлены у сани.

Сделав несколько шагов от берега, мы завязли. Пришлось ползти по снегу на четвереньках, и тотчас же пимы и рукава курточек оказались полны снегом. Но все же сушины были повалены, разрублены на поленья, и веселый костер не заставил себя долго ждать.

Вернувшись, Кондратий достал с сани давно интриговавший нас деревянный инструмент — нечто среднее между черпаком и детской лопаткой — и принялся с его помощью устраивать логово в снегу около костра. Горлов, вообще не очень-то веривший в способности лопарей, на этот раз всерьез возмущился:

— Ну и народ: ложкой снег разгребают!

Кондратий же эту странность объяснил просто: здесь нет толстых деревьев, из которых можно было бы смастерить настоящую широкую лопату.

Как бы то ни было логово устроено и устлано хвоей. Больше Кондратий ничего не делал. Остаток вечера он сидел у костра, молча курил, сплевывал и пил чай. Должно быть он сильно устал за день.

Каждый, кому приходилось устраивать зимний бивак, знает, насколько он трудней летнего. Костер зимой требует гораздо больше внимания. Мало того, что его трудно развести, — подтаивающий снег каждую минуту грозит затушить огонь. Разложенный на снегу костер в любой момент может «уйти» — провалиться в яму, внезапно появившуюся в снегу, или скатиться куда-нибудь в сторону.

И тогда поправить его — хлопотное и неприятное дело. Барахтаясь по пояс в снегу, не легко увертываться от дыма, который так и норовит залезть в глотку и глаза. А уж о подтаскивании хвороста к огню и говорить нечего. Это сложная работа.

Решив, что устройство лагеря больше не требует забот, мы залезли в малицы и занялись опустошением «съедобного» мешка. Преимущество здешнего климата то, что хлеб не черствеет. Его не нужно заменять сухарями. Зато он мерзнет. Он весь словно пропитывается льдом и становится еще менее съедобным, чем

Лось поднялся на вараку и осмотрелся...

черствый. И прежде чем отрезать кусок, нужно класть ковригу поближе к костру и греть ее. Тогда хлеб сверху поджаривается, покрывается вкусной хрустящей корочкой, но как бы ни был тонок отрезанный кусок, другая его сторона всегда оказывается промерзшей.

Кондратий отогревал у костра сырую рыбу, ел ее в одиночестве, а к нашей каше отнесся скептически. Потом он выбрал себе самое лучшее место в биваке, разделся совсем как дома, ноги накрыл «ровой», залез в малицу, не просовывая в отверстия ни рук ни головы, и заснул.

Мы тоже устроились не плохо, запеленавшись в шкуры, насыпав под голову снега, который, как оказалось, может служить хорошей подушкой. Ночью термометр показывал—50° по Реомюру. От мороза деревья трескались, и всю ночь по лесу шла пальба. Тепло от костра заставляло таять иней на сосне, протянувшей ветки над нами, и дерево усердно оплакивало нас холодными слезами. Эта бессловесная жалость доставила нам ночью не мало скверных минут.

* * *

Я проснулся с ощущением отека во всем теле. Пальцы отказывались сгибаться, ноги были словно чужие. Множество всяких одежд и перетяжек давали себя знать. С трудом я вылез из ровы. Было еще темно, но судя по желтоватому отсвету неба, скоро должен был начаться рассвет. Я разбудил Горлова. Его часы показывали шесть.

Раздув костер и повесив над ним чайник, мы пошли посмотреть на лосиные следы, замеченные вчера. Мы думали, что Кондратий скоро проснется и посмотрит за костром.

Лось—это был крупный самец—пришел с другой стороны озера. Он шел не спеша, и видимо ничто не тревожило его. Он обходил кучи валежника, не перепрыгивая через них. Поднявшись на берег, лось остановился и осмотрелся.

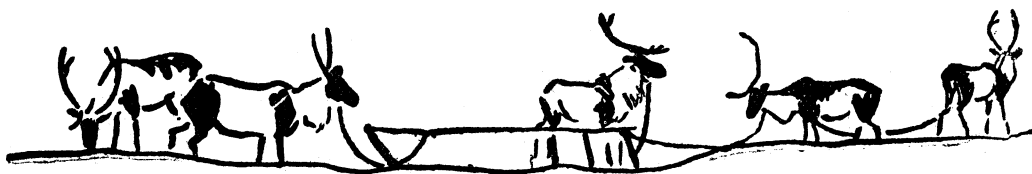
Все спокойно. Поднялся на вараку. Снова осмотрелся. Потом, окончательно успокоенный, широкими шагами побегал в лес. Глубокий снег был ему нипочем. Он шагал на длинных ногах как на ходулях. Белка перебежала ему дорогу. Она несколько не боялась большого зверя и, вскарабкавшись на дерево, наверное с любопытством смотрела на него.

Сохатый поднялся на следующую вараку. По его следам поднялись и мы. И здесь с вершины холма нам удалось подсмотреть еще одну хитрость тайги. Под варакой была вытоптана в снегу большая круглая яма метров шести в диаметре и метра в полтора глубиной. Это был «лосий двор», о котором я читал у Чарльза Робертса, но который никогда не надеялся увидеть. Мы были так удивлены, что долго осматривались: нет ли здесь человеческих следов, не люди ли выкопали эту яму? Но до нас здесь не было никого. Зато лосиных следов было сколько угодно.

Взволнованные неожиданным проникновением в «святая святых» большого леса, мы спустились с вараки. Рассвет еще только начинался. Но ночи на Севере никогда не бывают очень темны, и при мягком отраженном свете, который давал снег, можно было легко разглядеть внутренность ямы.

Да, это без сомнения «лосий двор». Его вытоптало стадо сохатых, чтобы переждать самую снежную часть зимы, когда трудно бегать и когда у лося в лесу много врагов. Посредине «двора» и по краям его росли кусты. Их молодыми ветками и питались лоси. Но недавно кто-то потревожил обитателей «двора», и они ушли на восток. В яме так мало было свежего снега, что наверное еще два дня назад здесь были лоси.

Мы легко нашли «спальню» животных. Там был больше примят снег, и на стенке «двора» отпечаталась широкая, немного горбатая спина. Лоси протоптали тропинки на «дворе». По ним гу-

ляли» животные, которым было скучно в этом вынужденном заключении. Одна тропинка шла кругом ямы под самой стеной ее, другие две пересекали «двор», сходясь в центре.

В одном углу «двора» снег был сильно взрыт. Здесь произошла драка. Дрались ли самцы из-за самок? Или строгая мать наказывала провинившегося детеныша? Или играли молодые лоси?

Место для логовища животные выбрали очень удачно. Пищи кругом много, охотники сюда не заходят, и нужен был исключительный случай, чтобы на Черное озеро попали этой зимой люди. Что же прогнало отсюда животных? Почему вожак увел их так поспешно? Ведь не испугался же он того одинокого голодного волка, который долго бродил вокруг «двора» и, не решившись напасть, ушел. Рассматривая следы, мы решили, что наше приближение встревожило зверей и заставило их покинуть это укромное место. За ночь они прошли несколько десятков километров, и конечно преследовать их было бесцельно.

Мы с удовольствием пробыли бы несколько часов в «лосьем дворе» — так интересно было разглядывать следы и гадать по ним о жизни, какую вели в этом своеобразном жилище лоси. Но пора было двигаться в путь. Кондратий наверное заждался нас.

Подходя к биваку, мы оказались свидетелями еще одного интересного зрелища. На лужайке дрались два наших быка. Они были очень сильны, и их драка производила впечатление серьезной схватки. Оба были без рог и, желая нанести противнику удар, вставляли на дыбы и размахивали в воздухе передними копытами. К счастью оба были неловки и к тому же боялись подойти друг к другу поближе, поэтому дело ограничивалось довольно безобидными военными демонстрациями. Но случайный меткий удар копытом мог легко раскроить череп более несчастливому из противников, и мы поспешили разо-

гнать не поделивших что-то между собой оленей.

К нашему удивлению Кондратий все еще спал. А ведь было уже восемь часов, и давно пора собираться в путь. На наши призывы Кондратий ответил ворчанием. Потом он сел, стащил с головы малицу и, раскрыв широко рот, захрипел:

— А-а-а-а...

Этим его утренний туалет окончился. Не спеша он достал табак, свернул козью ножку и закурил. Повидимому он и не думал торопиться. Любопытно, что движения Кондратия экономны, правильны и очень плавны, но они раза в четыре медленнее нормальных. Это черта, свойственная очень многим лопарям, если не большинству. Убогое питание замедляет все жизненные функции их организма. Фигурально выражаясь, кинолента их жизни крутится медленнее, чем это надо было бы для нормального показа кинофильма.

Стоит посмотреть, как например Кондратий складывает папиросную бумагу. Это какое-то священнодействие, целый ритуал, при чем «жертвами заклания» являются конечно зрители. Ухватив бумагу заскорузлыми пальцами, Кондратий снепостижимой медленностью начинает приближать один ее край к другому. Пока он проводит ногтем по сгибу, можно успеть вскипятить чайник на хорошем огне. Потом следует примерка, в результате которой оказывается, что бумага сложена неровно, и все начинается сначала. При этом Кондратий сидит в своей черной малице неподвижно, с каменным лицом, поджав под себя ноги. В этой позе он сильно походит на какого-то идола. Таким наверное был бы Будда, родись он лопарем.

Сначала исключительно хладнокровный темперамент нашего проводника лишь потешал нас, но потом, когда стали проходить все сроки отъезда, мы понемножку начали выходить из себя.

Ко всем явным и тайным намекам Кондратий был глух. Наконец он встал, взял аркан и пошел ловить оленей. Мы проводили его со вздохом облегчения.

Но в отличие от своих соотечественников Кондратий оказался неважным «имальщиком». Олени у него были смирные, к ним можно было подойти совсем близко и без всякого «иманья» обвязать ремнем. Но обычай требовал, чтобы они были пойманы арканом. Кондратий подходил и на расстоянии двух шагов бросал веревку. Вместо того чтобы попасть на рога, петля хлопала оленя по спине, тот пугался и отскакивал в сторону.

лесу, а Кондратий сидит у костра и курит. Потеряв самообладание, кричу, требую немедленного отправления. Горлов сидит на санях и уныло машет рукой:

— Зря... не поможет...

Кондратий непоколебимо продолжает курить и на мою тираду сначала молчит, а потом бесстрастно отвечает:

На лужайке дрались два быка...

Лишь после трех попыток он бывал пойман. А ведь всего было одиннадцать оленей!

Наблюдая за лопарем, Горлов с необыкновенной злостью в голосе ворчал:

— Ну и ковбой, залягай его лягушки!

Я не мог больше терпеть, надел лыжи и ушел гулять по озеру. Возвращаюсь— два оленя запряжены, остальные еще в

— Я с малолетства порато нерасторопный был. Еще подросточком. Бывало люди тридцать оленей сьмают, а я все передовых запрягаю. Такой уж я есть...

Вышли мы с Черного озера в одиннадцать. До темноты нам оставалось всего-навсего три часа.

(Окончание в следующем номере)

Японский рассказ Б. Рустам Бек Тагеева

I. Жемчужина О-Таки.

Над морем пронесся пронзительный свисток. Шесть японок, дремавших вповалку на джонке, зашевелились, лениво потягиваясь. Лежавшая у самой кормы вдруг вскочила. Прищутив от спящего солнца узкие глаза, она крикнула:

— Вставайте! Такеда-сан свищет, не слышите! Бамбука захотелось?

Напоминание о бамбуке произвело свое действие. Одна за другой японки начали подниматься. Они оправляли сбившиеся во время сна белые куртки и подтягивали узлы холщевых повязок, плотно обхватывавших голову. В длинных парусиновых штанах они походили на молодых японских матросов.

— На других джонках уже начали работу, — указала на море вскочившая первой девушка.

— Откуда у тебя столько прыти берется, О-Таки-сан? — засмеялась ее подруга. — С рассвета до полудня ныряла, потом считала раковины, пока мы спали, и все тебе нипочем.

Улыбаясь смотрела она на О-Таки и думала: «Какая она красавица! Отчего я не такая? И кожа-то у нее не желтая, а золотистая, а волосы будто воронье крыло. Ножки маленькие, прямые, а когда плавает, так не отличишь от лягушки».

— Ну, чего ты на меня уставилась, О-Мацу-сан?

— Я люблюсь тобой, О-Таки-сан. Твои глаза расходятся стрелками, словно распушенные крылья ласточки. Такие только на рисунках рисуют.

О-Таки засмеялась. Сунув в рот указательные пальцы, она надула щеки и свистнула. Подруги последовали ее примеру. Воздух наполнился оглушительным свистом. Так японские ныряльщицы расправляют легкие перед спуском в воду. Этот обычай существует у японских водолазов с очень древних времен. Чем сильнее и продолжительнее свист, тем дольше человек может пробыть под водой, — говорят они.

Девушки засуетились. Сбросив с себя куртки и штаны, они торопливо надевали большие уродливые очки, вправленные в резиновые полумаски, не допускающие воду к глазам и плотно прикрывающие уши. В этих очках миловидные японки походили на сказочных морских чудовищ.

— Скорее, скорее! — торопила ныряльщиц О-Таки, с беспокойством глядя на приближавшуюся шлюпку. На носу шлюпки стоял коренастый японец в голубом кимоно и широкополой соломенной шляпе. Помахивая тонкой бамбуковой тростью, он крикнул:

— О-Таки-сан! Разве для того я назначил тебя старшей, чтобы ты мне устраивала беспорядок? Пять минут просрочено сверх положенного часового отдыха. За это твоя джонка отработает лишние пятьдесят минут. — Он говорил улыбаясь, словно сообщал ныряльщицам приятную новость.

О-Таки швырнула в море деревянную шайку, остальные девушки сделали то же. Затем с громким свистом одна за другой стали бросаться в воду. Джонка сиротливо покачивалась на волнах. Япо-

нец не отрывал глаз от морской поверхности. В одной руке он держал золотые часы, в другой — бамбуковую трость.

Прошла минута. Вот над водой мелькнула желтая рука. За ней показалась уродливая голова в очках, другая, третья. Желтые женские тела, прорезывая зеленоватую воду, всплывали на поверхность. С ловкостью рыб проносились ныряльщицы между качающимися на волнах шайками, вытряхивали в них из небольших мешочков черносерые раковины и снова исчезали в морской глубине.

О-Таки появилась возле кормы шлюпки. Лодочник едва не задел ее таранным веслом по голове. Она ловко увернулась и, нырнув, проплыла под самой поверхностью воды. Вытряхнув в шайку из мешочка добычу, ныряльщица перевернулась на спину и заломила руки под голову. Она отдыхала.

— О-Таки-сан! — крикнул Такеда.

— Хаай¹⁾. — Девушка легла набок и поплыла к шлюпке.

— Почему ныряльщицы спускаются без груза? — спросил синдо (подрядчик).

— Здесь неглубоко, Такеда-сан, не стоит. Мы и так легко добираемся до дна.

— Это непорядок. Камней вам жалко, что ли?

— Соодес²⁾. — Девушка поплыла к джонке.

Такеда знал, что ныряльщицы не любят пользоваться камнями в неглубоких местах. Он сам когда-то пробовал спускаться на дно с зажатым между коленями камнем. На другой день после этого он едва передвигал ноги. Однако Такеда упорно стоял на своем. С грузом ныряльщица скорее достигала дна, а потому у нее оставалось больше времени для сбора раковин.

Такеда окликал появлявшихся из воды ныряльщиц и приказывал:

— Спускаться с грузом!

Через некоторое время все шесть японков собрались в джонке. В кормовой ее части лежала груда камней. О-Мацу выбрала большой плоский камень и зажала между коленями. Лицо ее выражало

досаду. Она подошла к борту, грузно бухнулась в воду, за нею попрыгали подруги.

Такеда смотрел на часы. Больше полутора минут ныряльщицы обычно не оставались под водой. Несмотря на то, что в своих уродливых очках они все казались на одно лицо, опытный синдо прекрасно отличал каждую. Он аккуратно записывал в блокноте сколько времени каждая находилась под водой.

Прошло две минуты. Пять ныряльщиц уже были в джонке. Они переводили дух и выбирали камни. О-Таки все еще не возвращалась. Такеда следил за секундной стрелкой, то-и-дело взглядывая на море. Он мысленно подсчитывал: «Уже две с половиной минуты, как она под водой».

Еще десять секунд, и подрячика охватило беспокойство. Мелькнула мысль: «Не случилось ли что-нибудь? В эти места, в особенности в октябре, приплывает много осьминогов». О-Таки считалась одной из лучших ныряльщиц на жемчужных промыслах в бухте Овари. К тому же она была красивая крепкая мусмэ (девушка). Недаром ею гордились рыбаки поселка Тобо. «Беда, если пропадет».

Но вот японец облегченно вздохнул. Словно кусок меди что-то блеснуло под водой. Оставляя серебристый след пузыря, перед джонкой вильнуло тело ныряльщицы. Вынырнув, она уцепилась рукой за борт. Девушка тяжело дышала, жадно захватывая ртом воздух.

Такеда не сводил с нее глаз. Его карие зрачки улыбались. Три минуты и две секунды! Ни одна ныряльщица так долго еще не оставалась под водой.

— Давай руку, О-Таки-сан! — раздались голоса с джонки.

Девушка с трудом перевалилась через борт, подхваченная ныряльщицами. В правой руке у нее была затиснута большая продолговатая раковина. Она показала ее подругам.

— Дайте нож. Такая огромная и старая, наверное в ней большая жемчужина.

— Не трогать! — крикнул Такеда.

Шлюпка ткнулась бортом о джонку, в один прыжок Такеда был возле ныряльщицы:

— Что принесла?

1) Хаай — слышу. Так откликаются японцы.

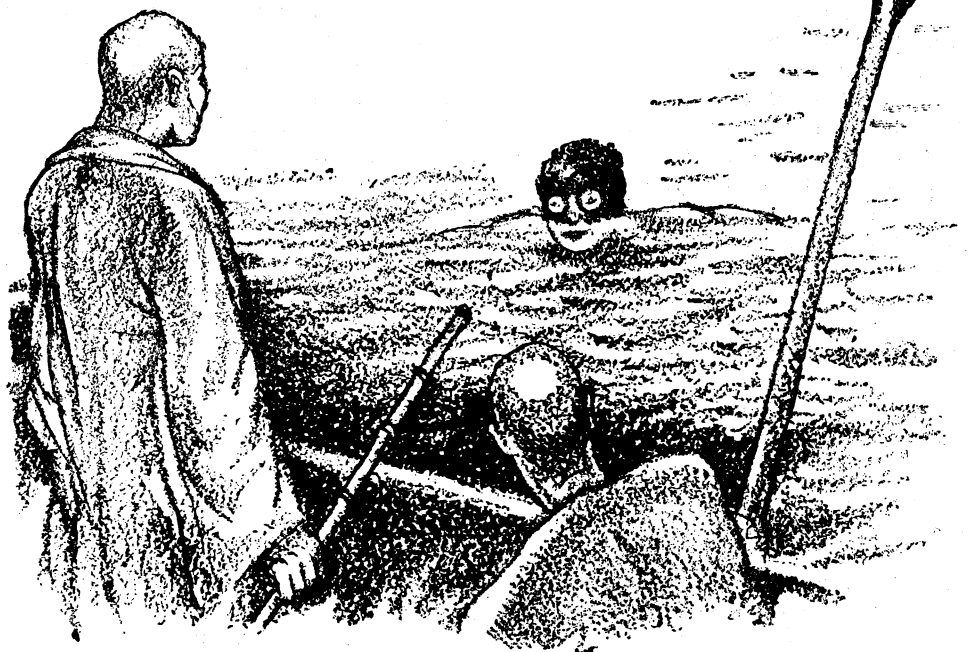
2) Соодес — слушаю.

О-Таки протянула ему раковину:
— В ней большая жемчужина, данна-сан¹⁾.

— Ты почему знаешь? — рассмеялся синдо.

Девушка молча улыбалась. Такеда вырвал из ее рук нож и привычным движением разжал крепко стиснутые половинки раковины. В белой чаше рако-

провинция Айсэ. Полуостров Ямато очень живописен. Громадные горные хребты, которые тянутся с севера на юг, преграждают путь холодным ветрам, а теплое течение Куро-Сиво²⁾ — Гольфштрем Азии — обогревает полуостров. Поэтому

О-Таки появилась возле кормы шлюпки...

вины поблескивала огромная круглая жемчужина. Такеда молча смотрел на жемчужину и думал: «Такой крупной я еще никогда не видал. Вот хозяин то будет доволен».

— Откуда ты знала, что в этой раковине большая жемчужина? — спросил Такеда, пытливо глядя на О-Таки.

Улыбка не сходила с губ девушки. Она низко поклонилась синдо и молчала. Такеда засмеялся, потом, приняв деловой вид, сказал:

— Так и быть, на этот раз штраф с вас снимается.

II. Где родится жемчуг.

На юге главного острова Японии Хонсю, на полуострове Ямато, находится

климат Ямато резко отличается от климата остальной части острова. Здесь не бывает сильных холодов, и склоны гор и долин покрыты богатой растительностью³⁾. Здесь сосне не приходится грезить о прекрасной пальме: они растут почти рядом. Листья столетних дубов вечно зелены и никогда не опадают. Японский кедр достигает огромных размеров. Среди рододендронов, гардений и азалий раскинулись кипарисовые рощицы. Клен и бамбук встречаются повсеместно на полуострове. Особенно кра-

²⁾ Теплое течение Куро-Сиво берет начало у Филиппинских островов и, проносясь мимо острова Формозы, огибает с востока Японию. Часть этого течения устремляется и в Японское море и почти достигает берегов Восточной Сибири.

³⁾ В Японии 168 видов деревьев, то есть в два раза больше, чем в Европе.

¹⁾ Данна-сан — господин.

сивы кленовые леса осенью, когда их листья окрашиваются в ярко багряные тона. Во время заката и восхода солнца они кажутся пылающими. Мандариновые рощи унизаны желтокрасными плодами. В садах зреют абрикосы, сливы, персики и завезенные из Китая якуро и бива. Весной красуется пышным белым нарядом знаменитая японская вишня сакура. Еще листья не показались из почек, а вишня уже сплошь покрыта цветами.

Отлогие песчаные берега южной части полуострова изрезаны множеством маленьких бухт. Разбросанные вдоль побережья вечно зеленые острова представляют природную дамбу, о которую разбиваются гигантские валы прибой. Между островками по глади зеркальных вод словно горделивые лебеди скользят джонки.

На берегу бухты Овари, в пяти километрах от Ямадо — главного города провинции Айсэ, конечного пункта железной дороги, приютилось селение Тобо. Селение утопает в густой зелени садов. Строений не видно. Только блестит черепица крыш, да кое-где высоко поднимаются тори¹⁾. С давних пор бухта Овари славилась особым рода мелкими устрицами. Они не только употреблялись в пищу, но ценились потому, что в их раковинах находили жемчуг.

Сбором жемчуженосных устриц занимались исключительно женщины поселка Тобо. За раковинами нередко приходилось спускаться на глубину до тринадцати метров. Мужчины не выдерживали такой тяжелой работы и, уступив ее женам и дочерям, занялись рыболовством. Жемчуг, вылавливаемый в бухте Овари, был мелок и малоценен. Его скупали для вышивок только китайцы. Европейцы и американцы никогда не заглядывали в этот забытый уголок Японии.

Полуостров Ямато считается колыбелью населения страны Восходящего Солнца. Его горные племена ведут свой род от первых завоевателей японских островов. Кто были эти завоеватели, достоверно не известно.

Но вот лет двадцать назад о полуострове Ямато заговорил весь промыш-

ленный мир. На выставке в Париже, в Лондоне и в Нью-Йорке появился необыкновенной величины жемчуг. Родиной его была бухта Овари. Больше всего взволновало западных ювелиров то, что жемчуг этот был искусственно выращенный. Подделкой его назвать было нельзя. По своим качествам он ничем не отличался от настоящего. Японские жемчужины из Овари были живые, полновесные и чрезвычайно ценные.

Утверждали, что тайну выращивания жемчужин открыл японский рыбак Кокочи Микимото. Но это не верно. Уже 2000 лет назад искусство выращивать жемчужины было известно китайцам. В 1761 году англичанин Линней привез из Китая этот секрет и тщетно старался продать его в Англии и в Норвегии. Над ним смеялись и в конце концов признали его шарлатаном. Он поехал в Россию, где за 500 червонцев продал свою тайну прибалтийскому купцу Багге.

В старину Россия была очень богата жемчугом. Русские боярыни гордились своими жемчужными монисто. Иностранцы приезжали в Москву покупать отборные жемчужины. В Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Волынской, Ярославской, Вятской, Казанской, Симбирской и Пермской губерниях водилась, да и сейчас водится, пресноводная жемчужница. Позднее в Восточной Сибири и в Туркестане были также найдены раковины, содержащие жемчуг. В свое время жители этих губерний занимались ловом жемчужниц.

Царское правительство не обращало внимания на развитие жемчужной промышленности. Мало-по-малу она заглохла²⁾. Русское барство стало покупать главным образом индийский жемчуг. В особенности ценился персидский, который вошел в моду, когда на короне персидского шаха появилась самая большая жемчужина в мире³⁾.

За последние десятилетия жемчужный промысел в бухте Овари широко раз-

²⁾ В 1760 году было вывезено русского жемчуга на 181 520 руб., а в 1870 году всего лишь на 1 505 руб.

³⁾ Эта жемчужина была найдена в Персидском заливе в XVII веке. Она весила 126 карат (карат=0,205 грамма) и оценивалась в 1 600 000 франков.

¹⁾ Тори—ворота из двух столбов с перекладиной, указывающие путь к буддийскому или шинтоистскому храму.

вился. Кокичи Микимото культивирует в год три миллиона раковин, из которых каждая сотня в среднем содержит 26 круглых жемчужин стоимостью по 200 долларов. Нет ничего удивительного, что в течение нескольких лет этот рыбак сделался миллионером. Он взял концессию у японского правительства почти на всю бухту Овари. Лишенное лучших рыболовных участков, население разорилось, и волей-неволей рыбаки шли на службу к жемчужному пауку. В конце концов он прибрал к рукам все рыбацкое население бухты. Старики, женщины и дети—все теперь работали на Микимото. А он все шире расставлял свои тенета.

Маленькое селение Тобо превратилось в красивый городок. Появились школы, больницы, электрическое освещение и телефон. Универсальные магазины нового предприятия снабжали тысячную армию рабочих и служащих всем необходимым. Хозяин на этом предприятии неизменно наживался.

Микимото был человек «либеральных воззрений». Он не посягал на свободу совести рыбацкого населения, широко открыл двери христианским миссионерам и не без задней мысли выстроил на свой счет два христианских храма. За это духовные отцы призывали своих прихожан к почитанию хозяина и повиновению ему как благодетелю.

Жемчужный паук не терпел никаких рабочих организаций. Он с гордостью говорил:

— Генри Форд в Америке, а я в Японии не признаю этих нелепых нововведений. Между нами только та разница, что Форд уменьшает число рабочих часов и увеличивает количество рабочих, а я не делаю ни того, ни другого. Закон дает мне право заставлять работать рыбаков с восхода до заката солнца. Так пусть они поступают по закону, как подобает каждому японцу.

— А как же насчет страхования жизни рабочих?—спрашивали его агенты страховых обществ.

Микимото возмущался:

— Страховать, кого? Ныряльщиц? Да если вам придется выплачивать премию за каждую утонувшую ныряльщицу, то ваша компания скоро треснет по всем

швам. Одни осьминоги и акулы сколько их пожирают!..

Вечером, когда джонки с ныряльщицами приставали к берегу, их всегда встречал сам хозяин. Утомленные девушки выстраивались рядами. Не торопясь, инспектора начинали осмотр. Они заглядывали ныряльщицам в рот и ноздри, шарили в одежде. После окончания осмотра ныряльщиц отпускали домой...

Сумерки так стусились, что едва можно было разобрать человеческие лица. Грузная фигура Микимото в сером хаори (верхнее платье) резко выделялась среди его приближенных.

— Необыкновенной величины жемчужина, данна-сан!—Такеда, низко кланяясь, подошел к хозяину и протянул ему находку О-Таки. Тот вынул из кармана электрический фонарик и внимательно осмотрел жемчужину:

— Хороша! Это нашей культуры. Кто нашел?

— Дочь рыбака Иевато Маццуро, О-Таки-сан.

— Завтра до выхода на работу приведишь ее ко мне.—Микимото повернулся и пошел к ожидавшему его на дороге автомобилю.

III. Допрос.

Легкий стук в раму переплета, заклеенного белой бумагой. Один из щитов-сиодзи прихожей большого японского дома беззвучно сдвинулся в сторону. На пороге появилась маленькая миловидная японка в слегка накрахмаленном синем кимоно. Талию ее перетягивал широкий шелковый оби (пояс), завязанный на спине огромным плоским бантом. Она опустилась на колени, вытянула перед собой на татами¹⁾ руки, накрыв одну ладонь другою, и пригнулась к ним головой:

— Охайо гозаримас²⁾.—Кланяясь, она окинула взглядом посетительницу. В ней она сразу узнала местную рыбацку.— Кто вы?

¹⁾ Полы японских домов застланы большими плетенками из тонкой рисовой соломы, натянутыми на квадратные деревянные рамы. Они лоснятся и выглядят как паркет. Это и есть татами.

²⁾ Доброе утро.

Микимото вынул из кармана электрический фонарик и внимательно осмотрел жемчужину...

Девушка стояла согнувшись, с прижатыми к животу руками:

— Мое имя О-Таки-сан, я дочь рыбака Иовато Мацуро из Тобо.

Она улыбнулась и поклонилась в пояс. Служанка приподняла голову и, опершись руками о блестящий татами, оставалась на четвереньках. В этой позе она походила на маленького красивого зверька.

— Вам кого нужно?

— Такеда-сан—синдо велел мне притти сюда.

— Вы очень поторопились, О-Таки-сан. Хозяин еще спит.

Служанка снова припала головой к татами, затем встала и задвинула сиодзи. Девушка поклонилась и, постукивая деревянными гэта, пошла по дорожке к выходу. У калитки она столкнулась с Такедой. Они поздоровались. Оба улыбались, кланялись и характерно сопели.

— Спит еще Микимото-сан, — засмеялся Такеда. — Хорошо быть богатым! Подождем в саду. Такого сада ты, наверное, еще не видала. Ему больше трехсот лет.

Японец вынул из рукава кимоно пачку папирос и направился к садику. Неуклю-

жей утиной походкой девушка робко последовала за ним. Они вошли на горбатый мостик, сложенный из двух каменных плит. Он был переброшен через журчащий поток. Отсюда открывался живописный пейзаж. Старый сосновый лес покрывал склон горы. Справа, срываясь с каменного обрыва, падал горный поток в озеро. Берега его зеленели бархатными лугами, терявшимися в кленовых рощах. Среди одного из лугов стояли три развесистых столетних дуба. Верхушки их поднимались над землей не больше чем на полметра. Маленькие мандариновые деревья были покрыты крошечными золотисто-оранжевыми плодами. А дальше тянулись густые заросли азалий и лавровых кустов, над которыми поднимались лучеобразные листья пальм. Весь этот живописный уголок занимал площадь не больше пятнадцати квадратных метров. Девушка с восхищением смотрела на прекрасный ландшафт.

— Да, наши садовники чудодеи, — сказал Такеда. — Никто кроме них не знает тайны выращивания таких маленьких деревьев. Ни европейцы ни американцы не в состоянии создать подобного волшебства.

Они пошли по плотно убитой и усыпанной мельчайшей галькой дорожке. По обеим сторонам ее сидели две громадные зеленые лягушки. Они мерно дышали, вздрагивая белым горлом и раздувая широкие бока, и равнодушно щурили золотистые глаза на проходящих. В конце дорожки поднимались тори. Возле пруда подрядчик и девушка остановились, наблюдая золотых рыбок. Маленький синий зимородок, плаксиво щебеча, пронесся над водой. Огромный серый паук, величиной с чайную чашку, шевеля мохнатыми лапами, старательно плел паутину в тени, между двумя кустами азалий.

Владелец жемчужных промыслов жил в небольшой усадьбе. Деревянные постройки, напоминавшие коробочки, были разбросаны среди зелени садов. Домики соединялись между собой длинными крытыми коридорами. В каждом доме имелось несколько комнат. Только одна стена в них оставалась неподвижной, все же остальные были раздвижные. Они

состояли из рам, оклеенных бумагой. Когда эти сиодзи раздвигались, внутренность всего дома открывалась как на ладони.

Потолок и все деревянные части построек были сделаны из полированного темного дерева. Внутренние картонные перегородки — фусума — были оклеены бумагой кремового цвета с золотым бордюром. В капитальной стене каждой комнаты имелась широкая ниша. В таких нишах на полу стояло по вазочке с веткой цветущего фруктового дерева или хризантемой. В глубине на стенке висела продолговатая картина, изображавшая японский пейзаж, одного из многочисленных буддийских богов или же рыб, зверей и птиц. В некоторых из комнат стояли ширмы, затянутые золотой бумагой. Мебели не было видно. Маленькие столики для письма, низенькие лакированные табуреточки для еды, матрасы для спанья, квадратные или круглые плоские подушки для сиденья, даже медные жаровни — хибати, служащие зимой и пепельницей и печкой, — все это было спрятано в специальных стеллах шкафов рядом с нишей.

Комнаты сияли чистотой. Воздух был легкий и свежий, так как помещения проветривались постоянным легким сквозняком. Японцы никогда не входят в свои жилища в обуви. Пол их комнат служит им постелью, столом и сиденьем. Вся жизнь японца под кровлей дома проходит в ползаньи и лежании на полу. И так живут в Японии все, начиная с микадо и кончая бедняком. Вся разница в обстановке бедных и богатых заключается в качестве материала, из которого выстроен дом или сделаны мебель, посуда и одежда.

Послышалось несколько ударов в ладоши. Такеда засмеялся.

— Вот и хозяин проснулся. Подождем.

Они присели на корточки на двух больших камнях. Отсюда можно было видеть, что делалось в доме, сиодзи которого поползли в разные стороны. Молоденькая служанка появилась на пороге соседнего домика. Она проворно прыгнула на землю, сунула босые ноги в деревянные гета, перебежала дворик и, сбросив с ног обувь, вскочила на узкую терраску, окружавшую домик хозяина.

— Охайо гозаримас. Хорошо спали, данна-сан?

— Очень хорошо, благодарю.

Упитанный грузный японец с коротко остриженной головой и выбритым лицом, потянувшись, поднялся на ноги. Он снял с себя ночное кимоно. Возле террасы на земле стояла бочка, наполненная почти горячей водой. Тучное тело Микимото погрузилось в нее. Просидев в ванне несколько минут, он вышел. Служанка стала обтирать мокрой тряпкой¹⁾ его рыхлое волосатое тело.

— Давай одеваться. Где Такеда-сан?

Когда синдо и ныряльщица подошли к дому, комната была уже приведена в порядок. Посредине ее стоял старинный бронзовый хибати (таган) с золой и горячими древесными угольками. Возле него лежали две квадратные шелковые подушки. На одной в утреннем кимоно сидел хозяин, другая предназначалась для посетителя.

— Ирашай гозаримас²⁾.

Такеда сбросил гэта и вполз на четвереньках в комнату. И хозяин и гость долго стояли на четвереньках, упершись головой в татами. Они сопели, бормотали обычные приветствия и наконец уселись, поджав ноги. Микимото протянул подрядчику пачку папирос:

— Привел ныряльщицу?

Такеда движением головы указал на скромно стоявшую возле дома девушку. Хозяин смерил ее взглядом и пригласил войти. О-Таки робко вошла и, отвесив земной поклон, уселась в углу. Служанка принесла лакированный поднос с двумя чашками. Мужчины пили чай, курили и вели долгую беседу.

Вдруг Микимото поднялся, прошел в соседнее помещение и вернулся оттуда, держа на ладони большую круглую жемчужину. Он показал ее девушке:

— Это ты нашла? Где?

— Не знаю точно где. Посчастливилось, вот и нашла... — О-Таки засмеялась. Ее щеки загорелись ярким румянцем.

Японец сдвинул брови:

— Не может быть. А почему ты так была уверена, что в раковине есть жем-

¹⁾ Японцы после ванны обтираются не сухой, а мокрой тряпкой.

²⁾ Войдите, пожалуйста.

чужина, да еще крупная? Ты, наверное, знаешь место. Всмотрела?

Он поднял с полу половинку раковины и внимательно ее осмотрел. Она действительно была от устрицы одной из самых ранних культур. После землетрясения все они исчезли, так как рельеф морского дна сильно изменился.

— Раз ты нашла одну, там, наверное, есть и другие. Ты должна мне их добыть, слышишь!

О-Таки сидела с низко опущенной головой. Она понимала, какую трудную и опасную задачу возлагал на нее хозяин. Отказываться же не было возможности. Уже два года она тяжелым трудом содержала родителей. Ее отец работать уже не мог: он страдал суставным ревматизмом. Мать находилась в последней стадии чахотки, а когда-то она считалась на промыслах лучшей ныряльщицей. Десять лет тяжелой работы в море унесли ее железное здоровье. Когда О-Мацу перестала выполнять установленную норму, ее рассчитали. Шестнадцатилетней О-Таки пришлось бросить школу и заменить на промыслах мать.

Девушка тяжело вздохнула. Она вспомнила друга детства, молодого рыбака Накамуру. Только накануне она получила от него письмо из далекой Камчатки. Он уехал туда на заработки после землетрясения, когда чудовищная волна смыла дом его родителей. «У меня никого кроме тебя не осталось на свете, О-Таки-сан, — говорил он, прощаясь с девушкой. — Жди моего возвращения, мы поженимся и будем вместе работать... «Поскорее бы возвращался Накамура-сан!» — подумала девушка и, подняв голову, робко взглянула на хозяина.

— Ты поняла меня, О-Таки-сан? — Микимото пристально поглядел на девушку.

О-Таки ответила земным поклоном.

— Так ступай домой. Пока ты будешь таскать таких же устриц, как эта, я буду платить тебе вдвойне. Скажи отцу, что я подумаю и о нем. Ревматизм — это пустяки, он поработает у меня в лаборатории. Сайнора гозаримас¹⁾.

¹⁾ До свиданья.

Когда стих шум удаляющихся гэта, Микимото нагнулся к уху подрядчика:

— Не выпускай из вида этой девчонки. Она напала на клад. — Он разжал руку. Огромная жемчужина нежно розовела на его желтой ладони. — Ведь это целое состояние, Такеда-сан! Мы должны их иметь все до одной. Слышишь!

IV. Снова на родине.

День угасал. Солнце медленно опускалось в море. Весь небосклон был охвачен алым заревом, и только восточная его сторона погружалась в сумерки. Сквозь легкую мглу, застилавшую небо, виднелся месяц, безжизненный и бледный, словно отхваченный ножом кусок репы. По грунтовой дороге, поднимавшейся в гору между сплошными стенами старого кленового леса, шел молодой японец. В левой руке он нес небольшой дорожный чемоданчик. На правом бедре болталась перекинутая через плечо кожаная сумка. Он шел без кепки, заткнув ее за пояс. Поднявшись на вершину холма, путник сел на большой, поросший мхом камень и взглянул вверх. Озаренные закатом гигантские деревья казались пылающими. В чаще ветвей отрывисто свистал соловей, и уныло, глухо стонала сова. Маленький заяц перебежал дорогу. Он на мгновение остановился возле кустов, наострил уши, беспокойно повел мордочкой и юркнул в зелень.

Японец взглянул на часы и подумал: «От Ямада до Тобо всего пять километров, а я в час сделал только половину. Видно, разучился ходить, после того как проехал почти три тысячи километров на пароходе и в вагоне».

Он встал и начал бодро спускаться под гору. Внизу темнел густой бамбуковый лес. Сердце путника сильно забило. Он узнал родные места. В лицо пахло свежим ветерком.

— Бамбук! Бамбук! — прошептал путник. — Три года я тебя не видел.

Свернув с дороги, он вошел в бамбуковые заросли. Кругом поднимались ровные, словно выточенные из желтой кости, суставчатые стволы. Неба не было видно. Оно скрывалось за мелкой листвою, шелестящей высоко над головой.

Окидывая восторженным взглядом стройные бамбуковые колонны, молодой человек думал: «Можно ли себе представить Японию без бамбука? Жилища, обувь, мебель, посуда, водопроводные трубы, лодки, письменные принадлежности — словом все необходимое делается из него. Бамбук эластичен и красив и по прочности не уступает металлу».

При воспоминании о вкусных молодых бамбуковых побегах у Накамура защекотало в желудке. Молодой вареный бамбук в белом мучном соусе на ряду с маринованными корнями лотоса и редькой считается в Японии одним из самых лакомых блюд. Японец прибавил шагу и вышел на опушку. Два старых рыбака проходили мимо по тропинке.

— Ком бава¹⁾.

Прохожий согнулся и, просопев, ответил на приветствие. Он пристально вглядывался в рыбаков. Вдруг он вскрикнул:

— Судзуки-сан! Вот неожиданная встреча!

— Накамура-сан, ты ли это? Когда приехал? — Рыбаки радостно улыбались.

— С поездом в шесть часов. Прямо из Аомори²⁾. Всю Японию проехал в поезде с севера на юг, больше тысячи километров сделал.

Все трое уселись на корточки. Накамура вытащил из-за пазухи кимоно пачку папирос. Рыбаки прошипели в благодарность и закурили.

— О-Таки-сан получила твое письмо из Петропавловска, — сказал Судзуки. — Она рассказывала, что ты работаешь у русских на промыслах. Ну, как там? Холодно, говорят.

— Холодно и темно. Солнце светит только в летние месяцы.

— А работа, поди, тоже тяжелая? — попытывался рыбак.

— У наших плохо. У русских лучше. Я служил у частного рыбопромышленника.

— Ну, тогда понятно, что тебе хорошо жилось.

— Плохо ты понимаешь, Судзуки-сан, — рассмеялся Накамура. — Не будь краевого совета большевиков, шкуру бы

с меня снял русский арендатор, как с доброго тюленя.

— Что же сделал этот совет для рыбаков?

— А вот что: теперь на русских промыслах все рыбаки работают по коллективным договорам. Рабочий день — восемь часов. Кроме праздников, установлен еженедельный день отдыха. Зарботная плата выдается по расчетным книжкам, а продукты закупает выборный артельщик.

— А как же работают у подрядчиков?

— Никаких синдо между хозяином и рыбаками нет.

Старики недоумевающе покачивали головой. Судзуки пробормотал:

— Вот так так! А у нас говорят, что большевики хуже диких зверей.

— Кто это говорит? — Накамура нахмурился. — Наши газеты, которым за это платит Ре-Сун-Сан-Куликай³⁾. Но не долго им осталось морочить вас. В Хаккайдо уже образовалась федера-

³⁾ Союз рыбопромышленников.

Он показал ее девушке: «Это тышла? Где?»

¹⁾ Добрый вечер.

²⁾ Аомори — порт на северном берегу острова Хонсю.

ция рыбаков. Еще в прошлом году их насчитывалось больше пятидесяти тысяч. Нам в Овари тоже надо организовать. — Накамура встал. — Идем, а то уже поздно. Я хочу застать Иовато Маццу-ро. — Он не сказал, что считал минуты, когда наконец увидит любимую девушку.

Судзуки засмеялся:

— Опоздал ты, Накамура-сан. О-Таки-сан вот уже с неделю как переехала в Ямадо.

Кровь бросилась в голову молодого японца.

— В Ямадо. К кому? Вышла замуж?

— Не знаю. Только за ней приезжал в автомобиле хозяина синдо Такеда-сан и увез ее. Маццу-ро-сан тоже ушел в Ямадо. Говорят, он устроился на службу к Микимото-сану. Дома осталась одна О-Мацу-сан.

Накамура прибавил шаг. Он больше не проронил ни слова.

Вот и Тобо. Новенькие домики сверкали белизной. Вдоль широкой улицы горели электрические фонари. Пахло водорослями и рыбой.

Возле игрушечного домика-коробочки, приютившегося под развесистой сосной, рыбаки простились с Накамурой. Сквозь бумагу задвинутых сиодзи просвечивала лампа. Накамура постучал. Сиодзи раздвинулись. У порога на коленях стояла О-Мацу — мать подруги его детства О-Таки. Накамура почтительно ее приветствовал.

— Накамура-сан! Ирашай гозаримас! — радостно воскликнула она и уткнула голову в татами.

Дом Иовато Маццу-ро состоял из двух комнат, разделенных подвижными фу-сума. В нише висела картинка, изображавшая красного морского таи (карпа). Это был один из рисунков, сделанных Накамурой, когда он еще учился в местной школе. Скромный чугунный хибати стоял посреди комнаты. В соседнем помещении на полу был постлан матрац с зеленым одеялом. В головах стоял низенький деревянный шкаф с валиком, обмотанным тонкой бумагой¹⁾. О-Мацу, видимо, собиралась ложиться спать.

¹⁾ Японки, чтобы не портить прически, спят на таких валиках, служащих вместо подушки. О них опирается только шея.

На сердце у молодого рыбака скребли кошки, но, верный японскому обычаю, он улыбался:

— Маццура-сан здоров?

— Аригато гозаримас²⁾. Он наконец устроился. Микимото-сан сделал его сторожем лаборатории.

— А О-Таки-сан как поживает? — Улыбка не сходила с губ молодого японца.

— О-Таки-сан уже два года работает на промыслах.

Тень беспокойства пробежала по лицу молодого человека, но он овладел собой и улыбнулся. О-Мацу закашляла, прижимая к груди ладони.

— Я уже не могу работать, Накамура-сан, грудь болит. Жить стало нечем, пришлось послать О-Таки-сан в море... Ей посчастливилось, Накамура-сан. Дней десять назад она случайно напала на место с устрицами, в которых оказались большие жемчужины. Я учила ее, как по наружному виду узнать раковину с крупным жемчугом. Секрет этот достался мне от матери. Теперь О-Таки-сан очень хорошо зарабатывает.

Накамура нахмурился. Карие зрачки его загорелись. На выдающихся, сожженных солнцем скулах вспыхнули красные пятна.

— Я хорошо заработал на Камчатке, О-Мацу-сан, — сказал он. — Приехал я сюда, чтобы просить Маццура-сана и вас отдать мне в жены О-Таки-сан. Я не хочу, чтобы она оставалась ныряльщицей. Мы найдем с ней другую работу. Скажите пожалуйста, где О-Таки-сан?

— Она живет с отцом в лаборатории в Ямадо, — отвечала О-Мацу.

Накамура почувствовал облегчение. Он мысленно решил на рассвете отправиться на промысловую пристань.

— Вы, наверное, голодны, Накамура-сан? — О-Мацу поднялась. — У меня есть жареная каракатица и рис. Покушайте и отдохните. Я приготовлю вам постель. Вам ведь негде остановиться кроме гостиницы.

Верная японскому этикету, она не вспомнила о родителях рыбака, погибших во время рокового наводнения. С матерью Накамуры она была очень дружна.

²⁾ Очень благодарна.

Снаружи доносился шум морского прибоя и заунывное гудение выброшенных на берег больших раковин. Под налетающими порывами ветра сиодзи выстукивали дробь. Надвигалась буря.

У. В жемчужных тенетах.

— Пожалуйте сюда, мистер Говард. В этих зданиях помещаются мои лаборатории. При каждой имеется склад для устриц, предназначенных для операции.

Долговязый американец в сером дорожном костюме с кодаком, перекинутым через плечо, вошел вслед за Микимото в длинный деревянный барак. В прихожей две служанки в светлых кимоно бросились снимать с посетителей обувь. Полы помещения были выложены татами. С гримасой неудовольствия американец заметил ботинки соломенными сандалиями. Микимото повел посетителя вдоль барака. По обе стороны огромных окон тянулись сосновые столы. За ними, склонясь над маленькими токарными станками, сидели женщины. Перед каждой возвышалась куча раковин. За работницами зорко следили надзиратели. При приближении посетителя ни одна из них не оторвала глаз от станка.

Микимото взял из корзиночки, стоявшей возле одной из работниц, крошечный перламутровый шарик:

— Мы вытачиваем эти шарики из пресноводных раковин. Это и есть ядро будущей жемчужины.

Американец долго рассматривал шарик.

— Мне хотелось бы видеть самую операцию, Микимото-сан. Я должен дать

полное описание всей этой работы моей фирме.

Они прошли в соседний барак. Он напоминал операционную. В белых халатах, какие носят хирурги, больше сотни японцев сидели за белыми полированными столами. Они работали по-трое. Один ножом вскрывал устрицу, вырезывал часть слизистой

мантии, покрывающей моллюска, заворачивал в нее перламутровый шарик. Второй связывал образовавшийся мешочек шелковой ниткой так, чтобы ее легко можно было выдернуть. В это время третий брал другую

устрицу и привычным движением ног

надавливал на мускул, связывающий обе

половинки раковины. Она

немедленно

раскрывалась.

Тогда он делал

надрез в

мантии моллюска, а второй рабочий вкладывал в ранку мешочек с шариком и выдергивал нитку, пока первый смазывал ранку дезинфицирующим составом. Через несколько секунд раковина самостоятельно захлопывалась. Шум от такого хлопанья наполнял помещение.

Свернув с дороги, он вошел в бамбуковые заросли...

Американец жадно следил за движением рук операторов.

— Что же вы делаете потом с этими устрицами, Микимото-сан? — спросил он.

— Мы их отвозим на промыслы, где водолазки раскладывают их рядами по морскому дну, на глубине метров в десять. Такая глубина обеспечивает их от самых сильных бурь. Препарированные устрицы остаются под водой не менее пяти лет. За этот срок в них образуются жемчужины.

— Я не совсем понимаю, Микимото-сан. Каким образом перламутровый шарик превращается в жемчуг?

Японец снисходительно улыбнулся:

— Не превращается, а покрывается жемчужными слоями. — Его лицо сделалось серьезным, как у профессора, читающего лекцию. — Ваши ученые, мистер Говард, утверждают, что жемчуг образуется от раздражения, причиняемого моллюску мельчайшими морскими червями или микроскопическими раковидными животными. Они будто бы способствуют выделению из тела моллюска жемчужной жидкости, покрывающей его ровным слоем. Таким образом до сих пор предполагалось, что эти моллюски и являются жемчужным ядром. Однако на самом деле это не так.

И Микимото рассказал посетителю, что японские ученые сделали очень важное открытие. Они нашли действительную причину образования жемчуга. В слизистой мантии моллюска были обнаружены жемчужные мешочки, в которых путем внутренней секреции ¹⁾ образуется жемчужина, если туда попадает постороннее твердое тело. Легче и ровнее жемчужная жидкость отлагается на точеных шариках, сделанных из перламутра пресноводной раковины.

Американец жадно ловил каждое слово хозяина. В его мозгу мелькали миллионы долларов, которые должно приносить такое предприятие в Америке, где водится много устриц.

— Стало быть, каждая устрица, которой будет сделана подобная операция, через пять лет даст ценное жемчужное зерно?

Японец засмеялся:

— О, нет, не каждая. Для того чтобы устрица оказалась способной дать крупную жемчужину, ее надо особым образом вырастить на известной глубине и при определенной температуре. Теплое

течение Куро-Сиво нам в этом очень помогает.

Американец улыбнулся. Он вспомнил что Гольфштрем омывает берега Флориды. У него родилась мысль о выгодной концессии.

Микимото рассказывал гостю о том, как рыбаки собирают мелкие, только что явившиеся на свет устрицы. Их взращивают в особых садках, и через год ныряльщики раскладывают их на сравнительно небольшой глубине по морскому дну. Эти места ограждаются металлическими сетками от мелких осьминогов, больших охотников до устриц. В садках устрицы остаются три года. Потом их вынимают, оперируют и снова раскладывают по дну уже на более значительной глубине.

— Для того чтобы получить крупную жемчужину, надо трудиться над раковиной девять лет, а иногда и десять. Чем дольше препарированная раковина пролежит на дне, тем крупнее и ценнее получится жемчуг. На промыслах в Овари работает около тысячи ныряльщиц да столько же служащих в лаборатории и на складах. Рыбаков и не сочтешь. На меня работает все прибрежное население. Никто так хорошо не платит рабочим, как я. Ныряльщицы во время сезона получают у меня по сорок сен ²⁾ в день, а мужчины по шестьдесят.

— Как велика арендуемая вами площадь, Микимото-сан?

— Около сорока с половиной тысяч акров земли и воды. Одних зданий больше восьмидесяти. — Микимото самодовольно засопел и низко поклонился гостю.

— Теперь, мистер Говард, поедem в бухту. Я покажу вам, как работают мои ныряльщицы.

VI. В объятиях спрута.

— Охайо гозаримас, Накамура-сан. Старый Судзуки поднялся из небольшой джонки. Вместе с тремя рыбаками он лакомился только что наловленными рыбками с ослепительно блестящей чешуей. Они вырезывали филейные части из их спинки и, обмакивая в баночку с бобовой соей (приправой), с аппети-

¹⁾ Секреция — работа различных желез, продукция которых имеет для организма самое разнообразное значение (например, работа потовых, слюнных желез). Органы внутренней секреции вырабатывают и выделяют препараты (напр. — гормоны), остающиеся в самом организме и попадающие в кровь, которая разносит их по всему организму, что оказывает соответствующее влияние на деятельность различных органов.

²⁾ Сена — немного меньше копеек.

том ели. Накамура с детства любил «жемчужную» рыбку. Эта рыбка мечет икру в морские огурцы, продалбливая в них отверстия. Встречается она лишь у южных берегов Ямато, там же, где и жемчужницы, и близ западного выхода Панамского канала, у берегов Центральной Америки.

— Знаешь, О-Таки-сан сегодня таскает жемчуг для американца в Тахоку, — сказал Судзуки.

— В Тахоку! Да ведь это самое глубокое место на промыслах. Говорят, что во время землетрясения там образовался провал.

— Да что и говорить, место опасное. Зато О-Таки-сан приносит оттуда на редкость крупные жемчужины. Хозяин платит ей восемьдесят сен в день. Вот какая у тебя будет жена, Накамура-сан!

— Хорошая девушка, нечего и говорить, — заметил другой рыбак. — Ты у нее один только на уме, Накамура-сан, на нас она и смотреть не хочет.

— Не довезешь ли ты меня до Тахоку, Судзуки-сан? — спросил Накамура. — Хочешь заработать пять иен?

Старик разинул рот от удивления:

— Пять иен до Тахоку! Да ты, я вижу, и вправду разбогател на Камчатке.

Рыбаки молча встали и начали налаживать мачту. Через несколько минут джонка скользила по бухте, подгоняемая попутным ветром. Вот вдаль показался зеленющий островок. Две большие джонки с ныряльщицами сиротливо чернели в открытом море. Моторная лодка, потрескивая как пулемет, приближалась к джонкам. Накамура видел, как взбирались на джонки ныряльщицы. Моторная лодка остановилась возле одной из джонок.

Судзуки из-под ладони посмотрел на лодку:

— Это Микимото-сан и его гость, американец. А вон и твоя невеста, Накамура-сан. Видишь, она надевает очки. Сейчас бросится в море.

Девушка прыгнула через борт и исчезла под водой.

Судзуки пристально смотрел в воду. Вдруг он указал на что-то рукой товарищу.

— Нехорошо...

Накамура вздрогнул. Вглядевшись в воду, он отчетливо различил в зеленоватой глубине огромного осьминога.

— Проклятый, прямо плывет на джонки! — вскрикнул Судзуки.

В одно мгновение Накамура сбросил с себя кимоно. Он не слышал криков встревоженных ныряльщиц. Он видел только прозрачную зеленоватую воду и исчезавшее в ее глубине чудовище.

Накамура бросился за борт. Он был хороший пловец и сразу достиг значительной глубины. Вот он уже различает песчаное дно. Ровными рядами, как борозды на вспаханном поле, лежат черные раковины. Внизу держится таинственный полумрак, среди которого мелькают длинные темные тени. Впереди он заметил черный силуэт огромного осьминога. Три женщины боролись с чудовищем. Уцепившись за его хоботообразные щупальцы, они кололи и резали их ножами. Вот одна из ныряльщиц ракетой взвилась вверх, оставляя за собой белый след из мелких пузырей. Напрягая силы, Накамура приближался к осьминогу. Одно из щупальцев чудовища отвалилось и, извиваясь как огромный червяк, стало опускаться на дно. За ним упало второе и третье.

Накамура ясно видит выпяченные словно телескопы огромные глаза осьминога. Вот и вторая ныряльщица метнулась вверх, оставив подругу один на один с чудовищем. Бедняга выбилась из сил. Щупальцы спрута обвились вокруг ее беспомощного тела. Она висит вниз головой в их мощных объятиях. Очки и полумаска скрывают ее лицо. Кто она?.. Да не все ли равно!

Накамура задыхается. Он давно не оставался так долго под водой. Вокруг осьминога кишат пузыри и расплывается темное облако. Накамура близок к потере сознания. Его глаза заволакивают зеленый туман. Он собирает последние силы. Вытянув вперед руки и поджав к животу колени, он делает отчаянный прыжок в сторону осьминога. Он уже ничего не видит и чувствует только, что его руки крепко уцепились за тело девушки. Израненный осьминог разжал тиски...

Через несколько минут неподвижное тело О-Таки лежало на дне джонки.

Возле нее, жадно захватывая ртом воздух, сидел Накамура. Нырлящицы возились над спасенной подругой. Ее повернули на живот и отводили за спину руки. О-Таки захрипела. Из ее рта вместе с пеной хлынула вода. Раздался тяжелый продолжительный стон. Девушка жадно потянула воздух, приподнялась и закашлялась. Она кашляла долго и тяжело, придерживая одной рукой бок, другой — голову. Потом обвела кругом обезумевшими глазами, закрыла лицо руками и зарыдала.

Кто-то осторожно отнял ее руки от лица:

— О-Таки-сан!

— Накамура-сан. Вы!.. — вскрикнула девушка, широко открыв узкие глаза.

На позеленевших ее щеках вспыхнул румянец. Она припала головой к ногам своего спасителя.

Подошел Такеда.

— Хозяин требует вас к себе, Накамура-сан. Он все видел.

Зрачки рыбака гневно сверкнули:

— Пусть он убирается к чорту!

— Что?

— К чорту проклятого паука! Иди и ты с ним заодно туда же, продажная шкура!

Такеда стоял, глупо улыбаясь.

— Убирайся, тебе говорят!

Рыбак сильно толкнул в грудь озадаченного подрядчика. Тот потерял равновесие и упал в воду.

Нырлящицы поспешили на помощь беспомощно барахтающемуся у борта джонки Такеда.

Американец и Микимото наблюдали разыгравшуюся сцену, стоя на носу мо-

Джонка накренилась и начала тихо удаляться. На корме стоял Накамура...

торной лодки. Они видели, как к джонке нырлящицы подошла рыбацкая джонка, как в нее усаживались О-Таки и ее спаситель.

Микимото не выдержал и крикнул:

— Куда же ты, О-Таки-сан? Наш гость хочет наградить тебя и твоего отважного спасителя. — Он помахал желтой бумажкой в двадцать иен.

Парус, медленно повернувшись по ветру, закрыл деку.

Джонка накренилась и начала тихо удаляться. На ее корме стоял Накамура. Сложив руки рупором, он крикнул:

— Оставь себе свои деньги, жемчужный паук! Нам их не надо. Прощай!

— Вы видели, как они отплатили мне за добро? — повернулся Микимото к американцу. — Я ей платил двойное жалованье. Инвалида-отца устроил на место. Жаль. Всего пять жемчужин принесла девочонка. Надо же было так не вовремя подоспеть этому молодчику!

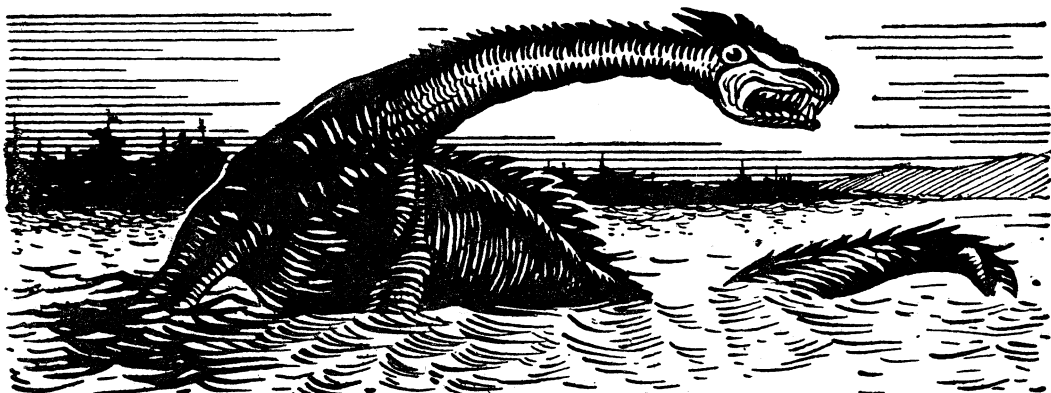
— Но ведь он ее спас, Микимото-сан!

— И без него нырлящицы управились бы с осьминогом. Им не впервые.

Солнце красным шаром спускалось к горизонту. Сквозь поднимающуюся над морем мглу виднелся освещенный алыми отблесками парус. Микимото смотрел вслед удаляющейся джонке и думал: «За удар, нанесенный синдю, и за «жемчужного паука» я упрячу молодца на полгода в тюрьму, а там пусть себе жемчужный паук будет нищим».

Он взглянул на часы:

— Едемте обедать, мистер Говард. Я думаю, вы порядочно проголодались.

ЗАГАДКА ОЗЕРА КАРА-НОР

Рассказ Василия Яна

Рисунки худ. Б. Шварг.

ОТ РЕДАКЦИИ

Урянхем раньше называлась плодородная долина в верховьях Енисея, замкнутая с севера Саянскими горами, с юга — хребтом Таннуола, за которым начинается Монголия. Теперь Урянхай является независимой Народной Республикой Танна-Тува. Население республики — около 100 000 человек, из них большая часть танна-тувинцы, иначе называемые „сойоты“, или „урянхи“, и около 18 000 русских переселенцев. Танна-тувинцы — тюркского происхождения, говорят на языке, близком киргизскому и татарскому. Они носят одежду, заимствованную у монголов, и китайские косы, при чем до Революции

были в религиозном подчинении у невежественных буддистских монахов-лам, совершенно не заботившихся о просвещении народа. Коренные реформы при новом строе должны вызвать быстрый расцвет юной республики.

Нижеследующий рассказ написан автором со слов партизан, вернувшихся из Монголии после боя с белыми на Уаясутайской дороге в 1921 году. Желательно, чтобы лица, бывавшие в том районе, помогли разгадать описанное в рассказе странное явление и выяснить, имеет ли оно под собой какую-нибудь реальную почву.

1. У партизанского костра.

Под деревьями на берегу Енисея горело несколько костров. Вспышки красного пламени озаряли обветренные лица, желтые полушубки, шапки с наушниками. Блестки играли на темных дулах ружей. Партизаны пили баданный чай, пересмеивались, чинили сбрую и одежду. В нескольких шагах от костров было уже темно. Там стремительно неслась бурная и мрачная река.

— Эй, гвозди! — хриплый голос покрыл шум разговоров. — Укладывайся на боковую. Парома, видно, не дожидаться. Завтра чуть свет начнем плавить коней.

— Ладно, Турков, дай уздечку справлю. Коли она не выдюжит — коня потеряю.

Из-под лохматой папахи торчал непослушный белокурый завиток. Молодое лицо Кадошниково склонилось над сыромятными ремнями. Ловко работало шило, всучивалась дратва.

Рядом с ним на черном изогнутом корне корявого тополя сидела синяя монгольская шуба. На широкой груди, расшитой черным плисом, распласталась рыжая борода. В голубых глазах прыгали искры костра. Заскорузлая пятерня доставала из розового ситцевого мешка сухарные крошки, сыпала в деревянную миску, поливая мутным чаем из прокоптелого жестяного чайника. Огонь костра и тихая ночь располагали к мечтательности.

— Ядреная страна наш Урянхай! — говорил, расчесывая пальцами бороду, Колесников. — Сколько землицы и какого только зверя здесь нет. Какая птица! А рыбы всякой в Енисее сколько хошь.

— Только достань сперва ее, — буркнул мрачно парень, не отрываясь от уздечки.

— И достану! Все крестьянин могит достать, надо только, чтобы смекалка была в черепушке.

— А вот достань рыбу из нашего озера Джагатай¹⁾, если рыба-то сверху вниз ушла.

— Поглубже невод спустить, дно зачерпнуть...

— А если у нашего озера дна нет?

— Дна нет? А на чем вода держится?

— У нашего озера подземный ход под хребтом Таннуолой к другому озеру, что в Монголии. Говорят урянхи, что рыба кочует из того озера в это и назад. Буря подымется, воду всколыхнет, рыба к берегу всплывает, мы ее тогда неводами и подтягиваем. А дна у озера нет, сколько ни спускали мы бечеву с камнем, никак не достает, и кто-то в роде как перетирает бечеву. В роде как зубом.

— Это ты, паря, брешешь. Кто же это бечеву будет в озере перетирать? Поди, цепляется за дно.

Кадошников помял ремни в руках, потянул их, зацепив ногой в мягком бродне, и взглянул на рыжего:

— А ты не слыхал про черного гада, что сидит в Монгольском озере?

Колесников закатил глаза к небу, показав белки, и помотал головой.

— Это, поди, тоже брехня.

— Спроси Хаджимукова. Своими зенками он видел. Вот он... Эй, Хаджимуков!

У соседнего костра стоял высокий партизан, весь зашитый в бараньи шкуры. За спиной болталась винтовка с подогнутой сошкой.

— А ежели он видел, почему не притащил на аркане? Крестьянин все должен использовать. Коли увидел черного гада, взял бы его живьем и послал в Москву. Пусть видят, какие звери в Урянхайском краю водятся.

— Такого подлого гада в Москве кормить бы не стали. Перетопить его на сало, красноармейцам сапоги мазать.

Хаджимуков подошел; глаза раскосы, скулы выдаются, борода жесткая, что из конской гривы — татарин.

— Что, брат, Кадка рябая? В дорогу ехать, так шорничаешь?

— Коня мне Турков такого монгольца дал, что узда сразу надвое. А завтра его надо через Енисей переплавить.

— Поди, утопишь... Чего меня кликал?

— Садись, Хаджимука. Колесников не верит, что ты гада видел, говорит: «брешет косоглазый».

— Я-то не видел? А это что? — и Хаджимуков сунул к носу Колесникова нагайку. К деревянной ручке был прикреплен четырехгранный ремень толщиной в палец.

Колесников взял нагайку, пощупал ремень пальцами, попробовал на зуб. Кадошников тоже впился глазами и ткнул ремень шилом.

— Это от какого же зверя будет? Неужто от гада?

— Сказал — от гада! Это только от сосунка евоного. А с самого гада шкуры не снять, если и всех урянхайских шорников сгломонить.

— А и врешь ты! Все вы, абаканские татары, путаники, — рассердился Колесников.

— Садись, садись! Не серчай! Расскажи толком, — Кадошников схватил за полу владельца диковинной нагайки из кожи гада. — Садись, на, кури! — он сунул ему кисет с табаком.

Хаджимуков, чувствуя, что достаточно убедил партизан, сел к костру и набил табаком длинную самодельную трубку из кизилового сучка.

II. За Монгольский хребет.

— Помните, прошлым летом, когда отряд Бакича наступал из Монголии, прискакал, вот как и сейчас, гонец от Туркова и взгомонил всех партизан собираться на белобандитов. «Торопитесь, — говорит. — А то перевалит он хребет, бои пойдут на наших хлебах, поселки сожгут. Какая нам корысть! Надо их ухватить, пока они в Монголии, по дороге к нам наступают». Мы, конечно, на коней, у кого коня не было, отобрали у старожиллов — и марш-маршем под хребет. Дальше дорога на Улясутай²⁾ торная, поди, каждый из нас туда пробирается. Командиром избрали Кочетова³⁾. Он не повел по прямой дороге. «Это, — говорит, — зря сунемся им в лоб. Рас-

²⁾ Улясутай — первый город на пути в Монголии, в 500 километрах от границы.

³⁾ Кочетов — начальник урянхайских партизан, из крестьян.

¹⁾ Озеро Джагатай находится на юге Урянхайя.

шибемся об их пулеметы». А повел он наших парней по-за сопками, сойотскими тропами. Главная сила пошла слева от дороги, а нас, человек с десятком, Кочетов послал справа, пошарить по сопкам, не злоумышляет ли Бакич ту же обходную уловку. Вот тут-то и начался наш переплет.

Наш десяток ехал не скопом, а разбился по тропам. Мне с Бабкиным Васей пришлось переваливать через гору Сары-яш. Сперва мы ехали по ущельям, между отрогами, что чашой поросли. Потом стали подниматься голым таскылом ¹⁾. Там дорога стала итти бомами ²⁾ по-над обрывами. Внизу сажень ³⁾ на десять поблескивает ручей. А кругом него болота, мшанники, буреломом завалено — самое медвежье место. Переезжать через такие ручьи — самое последнее дело: лошади вязнут по брюхо. Мы и подались кверху, к вершинам, где пошли кедрачи. А троп много, потому зверья уйма, всюду видны следы. То вдавилась медвежья треугольная пятка, то кусты объедены — лось проходил, то мелькнет между деревьями желтый бок маралухи.

Повременить бы там, мы бы без охоты не вернулись. Но нам не до того — общество послало, мы все торопим коней, вздымаемся в гору и наконец видим монгольское «обо»: камней много навалено кучей, хвостот сверху, и цветные тряпочки повешаны на ветках. Это монголы и сойоты, как дойдут до самой вершины хребта, камень на «обо» подкидывают — подарок тому ихнему богу, что гору стережет.

¹⁾ Таскыл — скалистая, безлесная вершина горы.

²⁾ Бомы — карнизы.

³⁾ Сажень (старая русская мера длины) — около 2,13 метра.

Мы обрадовались, что добрались до перевала. Сошли с коней, табачок раскуриваем, а Шарик мой лай поднял в кустах. Увязался Шарик со мной от самого дома. Как видит, что винтовку беру, ничем его не удержишь. Я с ним всегда белковать ходил. Лает Шарик, заливаается. Думаю: будь ты неладен! Кто там в кустах хоронится?

Хаджимуков сел к костру...

Только подумал, выходят из кустов три сойота. Два бедных, шубы на них рваные, винтовки самодельные, кремневые на вилках. А один похозяйственнее, шуба крыта синей талембой ⁴⁾ и обшита бархатом, на голове шапка с плисовыми отворотами. А винтовка в руках настоящая аглицкая. Мы ничего, честь-честью поздоровкались:

— Мен-ду!

— Мен-ду!

⁴⁾ Талемба — китайская дешевая материя вроде ситца.

Угостили их табаком. Сели они рядом, посмотрели мы ихнюю аглицкую винтовку, а они наши. Объяснили сперва, что охотятся на горных козлов — дзеренов, а потом признались, что ихний начальник — «нойон» — послал этот перевал сторожить — пойдут ли на Урянхай белые или кто другой — и донести.

Мы им тут набрехали, что нас дюже много, что за нами сотни три партизан подтягиваются, и просим растолковать нам дальше дорогу. Тут они нам все и выложили.

— На Монгольской стороне, — говорят, — за хребтом Таннуолой идут щеки, глубокие да узкие, с трясиным дном, где конь наверняка утопнет. Потому надо итти по хребтинам. Из этих щек сбегает ручьи в большую речку Тэс, вьется она, как уж между скалами, и вливается в большое озеро — Упса-нор. Вокруг озера собралось много монголов с баранами, быками и верблюдами. Пришли и урянхи. Там и аулы их, где они помаленьку хлеб подсевают: просо, ячмень, а также арбузы и мак для курава. Не доходя Упсы-нора, повыше к хребтам, тоже есть озера, но помельче. Раньше около тех озер монголы и урянхи стояли, но только все враз оттуда разбежались...

— А почему, — спрашиваю я, — разбежались?

— А потому, — говорят сойоты, — что там в одном озере большой гад завелся, никто его убить не может: уж больно гад хитер, умнее человека. Все из воды видит, высматривает, а на берег не лезет. Если бараны или телята пойдут на водопой, гад схватит за ногу или за морду и утащит под воду. А озеро называется Кара-нор — Черное озеро, и дна в нем нет, трубой уходит неведомо куда под хребет.

Тут мы с Бабкиным переглянулись и подмигиваем. Васька и говорит:

— Вот бы, паря, нам к этой Карьей норе попасть и гада взять на мушку.

Я тоже говорю, что медведей я без счету бивал, рысей, лосей, марала, а про гада водяного никто у нас и не слышал. То-то будет разговор по всему Урянхаю и Абаканской степи ¹⁾, что мы

гада подшибли. Тогда сразу собьем славу нашим охотникам — Турову, и Нагибину, и самому Цедрику ²⁾.

Расспросили мы еще сойотов, как до Кара-нора добраться, отдали они нам от доброго сердца окорок козла, на огне подкопченный, и тронулись мы с Бабкиным дальше. Тут нас взяло сомнение: зачем сойоты сидели на перевале, не подосланы ли белыми следить за тропами. Бабкин и говорит:

— Меня не то беспокоит, а не посылают ли они нас нароком на Карью-нору, потому что там, может, этот самый отряд Бакича засел. Оттого-то монголы во все стороны и разбежались, потому Бакич самый гад и есть, а на озере никакого гада нет.

Все же мы решили ехать на озеро Кара-нор, — у сойот тоже, поди, совесть человеческая, к тому же ребята артельные, козлятины нам дали по-хорошему.

III. Озеро, от которого все убегают.

Дня через два мы озеро нашли. Как урянхи говорили: длинное, километров на восемь, в начале узкое, а по сере-

кающая к Урянхаю. Населяют ее абаканские татары, из которых многие переселились в Урянхай.

²⁾ Известные урянхайские охотники.

Только подумах — выходят из-за кустов три сойота...

¹⁾ Абаканская степь — западная часть Минусинского уезда, Енисейской губернии, примы-

дине шириной километра на два. На высоких берегах—осина, березняк и кусты. Один край берега чистый, засыпан мелкой галькой, хорошо с него скотину поить. Мы еще издалека, как его завидели, коней за горой в лощинке к деревьям привязали, меж кустами хоронимся, ползем, скрадываем, как зверя.

Тихо на озере. Малость рябит от ветерка. Вода черная, блестящая, что смола. Шарика на ремне держу, и он чего-то смекает, уши насторожил, не рвется, а глядит вперед и носом поводит—дух, что ли, какой чует. Подобрались ближе. Никого, все тихо. Утки пролетели над озером, снизились, да будто их шибануло, опять поднялись и дальше перелетели. Сели, головки подняли, вертят по сторонам. Видно, что-то их тревожит.

Бабкин меня подталкивает: гляди, значит, в оба, чего-то на озере есть! А чего—не видать. Мы на высоком берегу лежим в кустах, а озеро под нами, как в миске. Кругом сопки, на них листвяк, рябина, елки. А в монгольскую сторону сопки снижаются и далеко, километров за двадцать, опять высокие хребты с таскылами. Те горы Кукэй прозываются, высоченные, и на них снег под солнцем блестит.

Тут мы видим, будто кто-то в малинике на том берегу ширеперится. Ветки шатаются, а кто—не понять. Бурый бок виден—то ли медведь, то ли бык. Я бы его снял в два счета, да не к чему было раньше времени тревогу подымать. Потом кусты затихли, видно зверь отошел подальше.

Пождали мы маленько, поползли вдоль берега. Видим—поляна, мелким щебнем и кругляком усыпана. За ней откос, на нем сосны и под деревьями избенка, низкая, вся в землю ушла, только крыша высунулась, из бревен связанная. Окошечко в четверть, чтобы зверь не влез, а винтовку оттуда высунуть.

Смотрим: не выйдет ли кто? И вот из избы вылезает на-кукорках баба в синей монгольской рубаше. Дверь видно тоже махонькая, в шубе и не пролезть. Вскочила она, в одной руке туесок берестяной, а в другой топор. Спустилась по откосу, побежала к ручью, зачерпнула туеском и бегом назад, кругом оглядывается. Вползла опять на-кукорках в сруб и дверкой хлопнула.

Бабкин мне шепчет на ухо, сам позеленел и глазами косит:

— Верно, здесь медведи табунами ходят, коли баба так в избе прячется и по воду с топором ходит. Кабы зверь наших коней не задрал. Давай шить с этого места!

— А ты, что ли, медведей не видал?—говорю.—Сами, кажись, своей охотой сюда зашли. А коли баба здесь, значит и мужик имеется—без него одна баба жить побоится.

Повременили малость, поползли дальше, стали петлять, задумали избенку обойти и к тому месту выйти, где в кустах зверь ширеперился. Большой круг мы дали и вышли опять к озеру. Тихое, гладкое, ничего на нем не приметно. Залегли в кустах, малину и белую смородину подьедаем. Глядим: человек спускается между валунов, и совсем голый. Спекло его на монгольском солнце, так что бурый стал, как аржаной каравай. А волосы на голове стоят копной, что у туранского ¹⁾ попа, и борода в лохмах до пояса. Совсем одичал человек. На плече тащит пеструю кабаргу ²⁾ удувленную. Подошел близко к воде, поднял высоко кабаргу, покликнул: «менду, менду» и бросил в воду. Тут по озеру волна пошла, точно большая рыба стаей пронеслась.

В это время около нас выскочили две здоровые собаки, шерсть в клочьях, и напустились на нас. Хрипят, давятся, а подойти боятся.

IV. Одичавший старатель.

Голый человек насторожился и бросился бегом к нам... В руке у него, видим, топор-колун на длинной рукоятке. Я встаю и иду открыто к нему, чего мне бояться: у нас винтовки, а у него топор. А он как увидел меня, взбелевился и начал крыть почем зря:

— Чего вы сюда пришли, острожники?! Здесь места меченные, застолбованные.

¹⁾ Туран — большой поселок в северной части Урянхая.

²⁾ Кабарга — маленькая пестрая газель; представляет ценность благодаря так называемой «струе» (особая железа), покупаемой китайцами для изготовления лекарств. Кабарга крайне пуглива, и ловится обычно петлями и силками.

Монгольские управители мне документ дали. Убирайтесь отсюда, а то я на вас моих гадов спущу, они вам глотки перегрызут.

Под деревьями избенка, совсем в землю ушла...

Смотрю я на него, дивлюсь, а он прыгает на камне, топором машет, кричит, слова сказать не дает. Вся морда шерстью заросла, только серые гляделки словно проколоть хотят. И думаю я: где я рыжую башку раньше видел. Говорю ему:

— Карлушка Миллер, немецкая душа, не ты ли это? Как сюда попал?

Остановился он меня честить, разглядывает, а все поднятый топор держит.

— А ты кто такой? И откуда меня знаешь? А я тебе не Карлушка, а Карл Федорыч Миллер.

— Неужто забыл, Карлушка Федоровна, как мы с тобой на речке Подпорожной ¹⁾ золотишко мыли и ничего не намыли, а последнее, что имели, проели?

— Теперь я вас припоминаю, камрад Хаджимуков. Мы в самом деле на Подпорожной золото мыли, и даже, как че-

стный человек скажу, что я вам остался должен за полфунта пороха и сто пистонов. Только если вы пришли долг спрашивать, так пороха здесь ближе, как в Улясутае, не достать. А если хотите золотишком промыслить, так милости просим — откатывайте на другие озера, а здесь все позанято, и я никого не пушу.

— Полно дурака валять, Карлушка! Мы к тебе с доброй душой пришли, никакого мне долга не надо. Ты только Расскажи толком, какие здесь кругом люди живут, показываются ли белые и далеко ли монголы?

— Ничего я ни про кого не знаю, — говорит. — Я человеконенавистник. Живу один вместе с солнцем, лесом и озером, и очень рад, что не встречаю ни одной человеческой рожи. Люди всегда меня обманывали. Как только найду я где золотую жилу, налетят все, как галки, меня оттеснят, нажиться им поскорее надо. Оттого я и ушел от них в дикие места. До свиданья!

— Постой, Карлушка, — говорю, — ведь мы с тобой приятели были, калачи вместе ломали. И хотя ты гостей принять не хочешь, а все же мы против тебя ничего не имеем и вертаем назад. Только ты скажи нам последнее слово: правда ли, что в этом озере гад живет и баранов за морду таскает?

— Здесь обитает животное, очень древнее, в других местах его больше нет, иштызаврус называется. Других людей и зверей, это верно, он хватает, а мы с ним дружны. Если бы не он, сюда бы народу прикочевало сколько, и меня бы отсюда опять вытеснили. А я этого гада подкармливаю и через два дня в третий приношу ему кабаргу или другую дохлятину. Для того я в тайге засеки ²⁾ навалил и петли в проходах повесил. Вот и сегодня я ему козу подбросил.

— Значит, — говорю, — коли ты это животное кормить не будешь, оно тебя съест?

²⁾ В глухой тайге охотники устраивают заборы из наваленных деревьев, оставляя узкие проходы, где вешаются петли. Засеки тянутся иногда до 2—3 километров, перегородившая путь зверю. Охотничьими законами засеки запрещаются.

¹⁾ Подпорожная — приток верхнего Енисея в Урянхае, около больших порогов.

— И вас съест, камрад Хаджимуков, если вы в озере купаться вздумаете. Я очень извиняюсь, что больше не могу разговаривать с вами, потому я чело-веконенавистник...

— Не крути, Карлушка, не всех же ты ненавидишь. Там, в срубе, не твою ли жену мы видели, монголку?

— Как вы могли подглядывать в чужой дом?! Фуй, как вам не стыдно! Больше я с вами не разговариваю. До свиданья. Смотрите: если только вы будете близко подходить к моему дому, я буду стрелять картечью. — Кликнул Карлушка своих собак и побежал в кусты, волосы по ветру треплются. Овчарки кинулись за ним, и все стихло...

Колесников ударил ладонями по коленям, прервал рассказ Хаджимукова:

— Дивные дела! Чего только не бывает! А ведь я Карлушку хорошо знаю. Далеко же он от нас подался. Я его давно заприметил, еще когда он на Усу на Золотой речке золото мыл. Чудной был немец, в роде у него ум за разум зацепился. В круглой соломенной шляпе ходил, сам ее из камыша сплел. Ученый был человек, — гимназию, говорит, в Риге кончил, латынские слова знал и занятно рассказывал про всякие камни, зверей и звезды. Слух ходил, будто он на родине тещу убил самоваром, — очень она ему досаждала, что в семейные дела мешалась. Его на каторгу сослали, и он с другими острожниками был на постройке Усинской дороги ¹⁾. Оттуда через тайгу к нам в Урянхай прибежал спасаться. Все хвалился, что найдет главную золотую жилу, с которой золотой песок смывается. Возле него и жались разные старатели, думали от него пожить. А теперь, поди ж

¹⁾ Большая шоссейная дорога от Минусинска в Урянхай, построенная действительно «каторжным трудом» каторжников, проложивших ее в вековой тайге через Саягский хребет.

ты, в Монголии, у Карьей норы объявился! Не иначе как там золотую жилу раскопал... Ну, Хаджимука, валяй дальше! Что еще с вами было?..

У. Глаз в воде.

— Поговорили мы это с Бабкиным, — продолжал Хаджимуков, — чего же дальше делать? Озеро как озеро, ничего в нем не видеть. Купаться в озеро пойти — боязно. Может, и впрямь в нем гад ползает и в воду стащит. Пошли мы малость дальше берегом и увидели около воды большие камни-кругляки. Тут мы осмелели и спустили лайку, чтобы кругом пошарила. Шарик встряхнулся, завертел рыжей метелкой и забегал по берегу, камни обнюхивает. Потом спрыгнул к самой воде и стал лаять.

— Зря спустили его, — ворчит Бабкин.

Стали мы подзывать к себе Шарика, но тот заливается, тявкает как на лисью нору, лезет в воду, а шерсть вздыбилась, и зубы оскалил.

Вдруг выбросилась из воды лошадиная морда с острыми щучьими зубами, вытянулась кверху на зеленой гусиной шее, изогнулась да как схватит Шарика за спину. Взлетел Шарик на воздух, трепыхнул лапами, взвизгнул в

«Убирайтесь отсюда, а то я на вас своих гадов спущу!» — крикнул голый человек...

последний раз и шлепнулся в воду. Покатились во все стороны светлые круги, а Шарика мы больше так и не видели.

Посмотрели мы с Бабкиным друг на дружку.

— Что же это такое?—говорю.

— Самый этот гад и был. Чего зевал? Надо было палить. Теперь твоему Шарика каюк! Уйдем-ка отсюда подобра-поздорову.

— Нет,—отвечаю,—шалишь! Партизан, да чтобы гада испугался? Не может этого быть: Колчака мы свалили, Унгерна колотим, Бакича ловим,—нет, так я не уйду! Давай-ка приляжем за камень.

Положили мы винты перед собой и стали следить за озером. А солнце уже спускалось на елки, скоро и заворачивать надо.

И замечаю я на воде глаз—большой, темный, навывкате, как у вола. Лежит глаз на темной воде и смотрит на меня сторожко так да умно. Потом серое веко затянуло глаз, он опять открылся, прищурился и передвинулся поближе.

— Гляди, черная точка на воде,—шепчу я Бабкину.

— Где, где?—всполошился он.

Стал я наводить винтовку на глаз, а Бабкин уже заметил и шепчет:

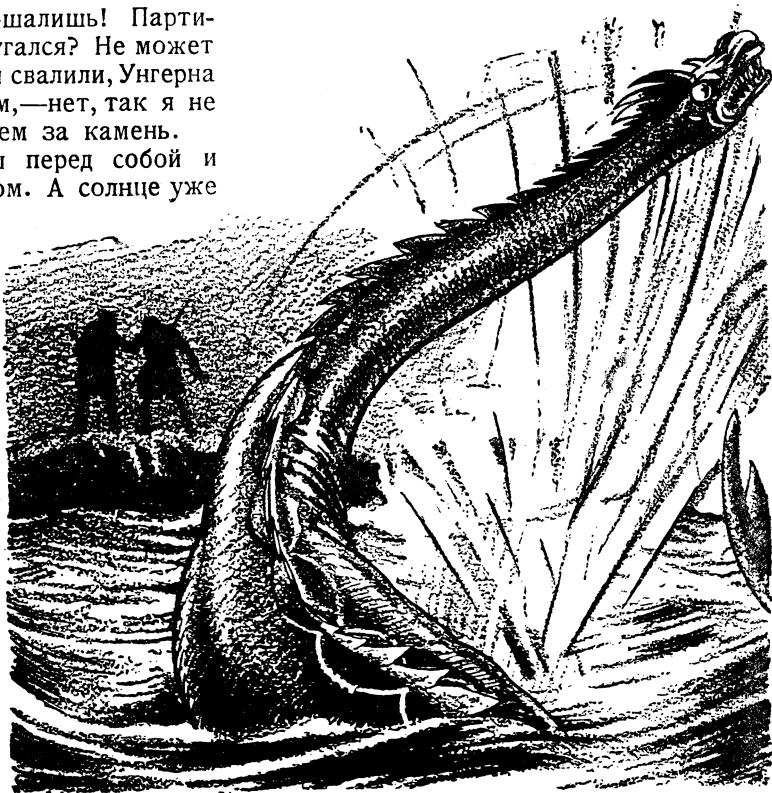
— Постой, мы ему другую штучку покажем...

Отцепил он с пояса гранату, наставил ее и спустился ниже к воде. Тихо, чтобы не вспугнуть, поднял гранату и бросил ее в темный глаз.

Граната на тихом озере взорвалась, точно чебулдахнулось на нас самое небо. Гром пошел, и во всех горах застучало. Вода забурлила, выкинулись зеленые лапы, захлопали, пену взбивают. Круглое брюхо, пегое с бурыми подпалинами, выпучилось над водой, перевернулось. Показалась злобная морда, нос

разодран, весь в крови, на макушке петуший зеленый гребень. Колесом покатылся гад по озеру, волны будоражит, длинный зубчатый хвост подбрасывает. Потом скрылся под воду, еще раз показался, хлестнул хвостом и нырнул в последний раз.

— А если в озере еще такие звери остались?—говорит Бабкин.—И он по-

Граната на тихом озере взорвалась, точно чебулдахнулось на нас самое небо...

плыл звать себе на подмогу? Давай-ка сматываться отсюда к лешему.

Думаю: время к вечеру, пока доберемся до лошадей—совсем стемнеет. Быстро пошли знакомой дорогой. Кони на своем месте. Развели огонь. Ночью спалось тревожно. С озера шел какой-то рев. То ли гад кричал, то ли Карлушка по своему дружке панихиду служил, али медведь ревел,—кто разберет, что в тайге слышится...

Хаджимуков замолчал, набивая трубку табаком. Партизаны наблюдали за ним, ожидая продолжения рассказа.

— Ну, и дальше что?—спросил Колесников.

— Мы к озеру больше не вертались. Проехали кружным путем к реке Тэсу, встретили там юрты монголов. Они нам поведали все, что знали про белых, и я с Бабкиным через несколько дней стрелись с нашей главной партизанской силой на Улясутайском тракте. Ребята ехали уже с песнями,—они навалились враспloh на белобандитов, когда те стояли лагерем, и не снилось им, что с сопok и сбоку и сзади начнется стрельба. Посадили они на автомобили своих барынь—и ходу назад, в Монголию. Все, кто мог—и на конях и пешие бежали, побросав лагерь. Большую добычу мы забрали: и палатки, и оружие, пулеметы, серебро...

Кадошников, прищура недоверчивые глаза, прервал Хаджимукова:

— Это мы знаем, слышали, да и многие сами участвовали. А вот что мне сумлительно. Ты вот сказывал, что плетка твоя из сосунка гадова. Где ж ты ее подобрал?

— Где? Мне Карлушка ее подарил. Утром ведь он разыскал нас на другой день—нюх у него стал звериный. «От лошадей,—говорит,—дух я почуял». И пришел он к нам в портках и соломен-

ной шляпе. Принес он мне эту нагайку и объясняет: «За порох и пистоны, что я должен остался, я вам, камрад, такую плетку дарю, какой во всех Европах ни у кого нет. У этого иштызавруса сосунок был, молоком его кормился. Подох он, и к берегу его ветром прибило. Я из шкуры его ремней накроил, петель наделал, чтобы в засеках кабаргу ловить. Так матка все приплывала и сосунка носом тычет и мычит,—думала, что очнется. А потом волки мясо объели, одни кости остались. Я с того места подальше перебрался и тот сруб сложил, где вы мою супругу-монголку видели»...

Последние огни облизывали раскаленные вишневые угли. Черная ночь все затягивала своей бархатной полкой. Партизаны подбросили в костер хворосту и стали укладываться. Становилось холодно, и в оранжевом свете вспыхнувших сучьев было видно, как нагольные полубубки и приклады ружей покрылись матовым налетом серебристого инея.

Колесников бормотал:

— И чего только немцу с голодухи не придет на ум. Сперва обезьяну выдумал, а теперь, поди ты, с гадом подружился. Не зря говорят: немец без уловки и с лавки не свалится!..

ПОДВОДНЫЙ КЛАД

Рассказ П. Аникстера

Рисунки худ. В. Голицына

Лет триста назад возвращался на родину испанский галлеон после победоносного набега на западный берег Южной Америки. Трюм галлеона хранил богатую добычу, захваченную у доверившихся алчным завоевателям туземцев—восемь изрядной величины бочонков, наполненных до краев слитками золота.

Галлеону не посчастливилось доставить в Испанию награбленное золото. Во время шторма он потерял курс и наскочил на риф. Острая скала, словно бритва, распорол дно, и несколько минут спустя суденышко вместе со всем экипажем погрузилось в воды океана. Падение приостановилось на расстоянии приблизительно нескольких сот метров от дна, и затонувший галлеон продолжал в течение многих десятков лет носиться по воле таинственных подводных течений. Он опускался все ниже, по мере того как происходил процесс окаменения дерева, пока, наконец, не нашел себе места вечного упокоения на вершине подводного вулкана. При посадке на вулкан дно галлеона было пробито, и бочонки со слитками выкатились наружу.

Постепенно густая зеленовато-бурая слизь затянула галлеон, и он слился с окружающей панорамой морского дна. Кораллы принялись строить на нем свои замысловатые жилища, мириады моллюсков присосались к его бортам, гигантские водоросли облепили его со всех сторон и покачивались тысячами огромных змей, переливаясь темным пурпуром и коричневатой зеленью.

Высыпавшиеся из бочонков золотые слитки уже десятки лет лежали на вершине вулкана. И странное дело: водоросли не укрепились на их поверхности, и даже ил и густая слизь не удержались на них. В глубине океана, где чернильный мрак ночи еле заметно редет с наступлением дня, призрачно маячили золотистые пятна. Желтоватое сияние золота резко отличалось от фосфоресцирующего света скатов и других не менее опасных чудовищ, заряженных электричеством, а потому инстинкт подсказывал глубоководным обитателям, что тут им не грозит никакая опасность. И ни одна рыба не проплывала мимо галлеона, не задержавшись на время, чтобы полюбоваться необычайным зрелищем. Даже акулы и морские единороги, эти страшнейшие хищники морей, и те на несколько минут приостанавливали свою охоту, чтобы взглянуть на странные светящиеся пятна.

Однажды возле затонувшего галлеона появился один из самых могучих и вместе с тем сообразительных морских хищников—пила-рыба. Туловище ее было длиной в три с половиною метра; заканчивалось оно настоящей пилой свыше метра длиной, твердой, как слоновая кость. Кожа пилы-рыбы не уступала по упругости и крепости чешуе старого крокодила. Пила-рыба могла спокойно охотиться где угодно, так как ни один хищник не мог сравниться с ней в сметливости и быстроте движений. Естественно, она по праву считала себя неоспоримой владычицей окрестных мест и в течение нескольких лет преспокойно нанизывала на пилу неосторожных, любопытных рыб, а затем разбивала их о подводные скалы и проглатывала.

Только крабам дозволено было лакомиться крохами с ее богатого стола, и то лишь потому, что они были покрыты известковым панцирем в несколько сантиметров толщиной, — а пила-рыба по опыту знала, что это весьма неудобоваримая пища.

Однажды, когда пила-рыба, притаившись за выступом подводной скалы, выслеживала крупную добычу, ее холодным глазам представилось страшное зрелище. Из зеленоватого сумрака показалось странное белесоватое щупальце и крадучись начало подниматься по откосу вулкана. В самом конце щупальце было толщиной пальца в два, а у основания не уступало в толщине взрослому удаву. Словно обладая самостоятельным рассудком, щупальце принялось изучать все выступы и щели затонувшего галлеона. Вскоре показалось второе щупальце, а за ним всплыла бесформенная гигантская масса, напоминавшая огромный надутый мех. Туловище чудовища превосходило по величине самую крупную рыбу в океане, а щупальцы достигали четырнадцати метров в длину. Это был осьминог...

Исследовав щупальцами галлеон, осьминог подплыл к нему для более детального ознакомления. Словно сказочный паук, поднимался он все выше; достигнув верхушки вулкана, он остановился и уставился недвижными глазами на галлеон. Отблеск золотых слитков видимо заинтересовал осьминога, и он долго не сводил с них глаз, словно пытаясь произвести им оценку.

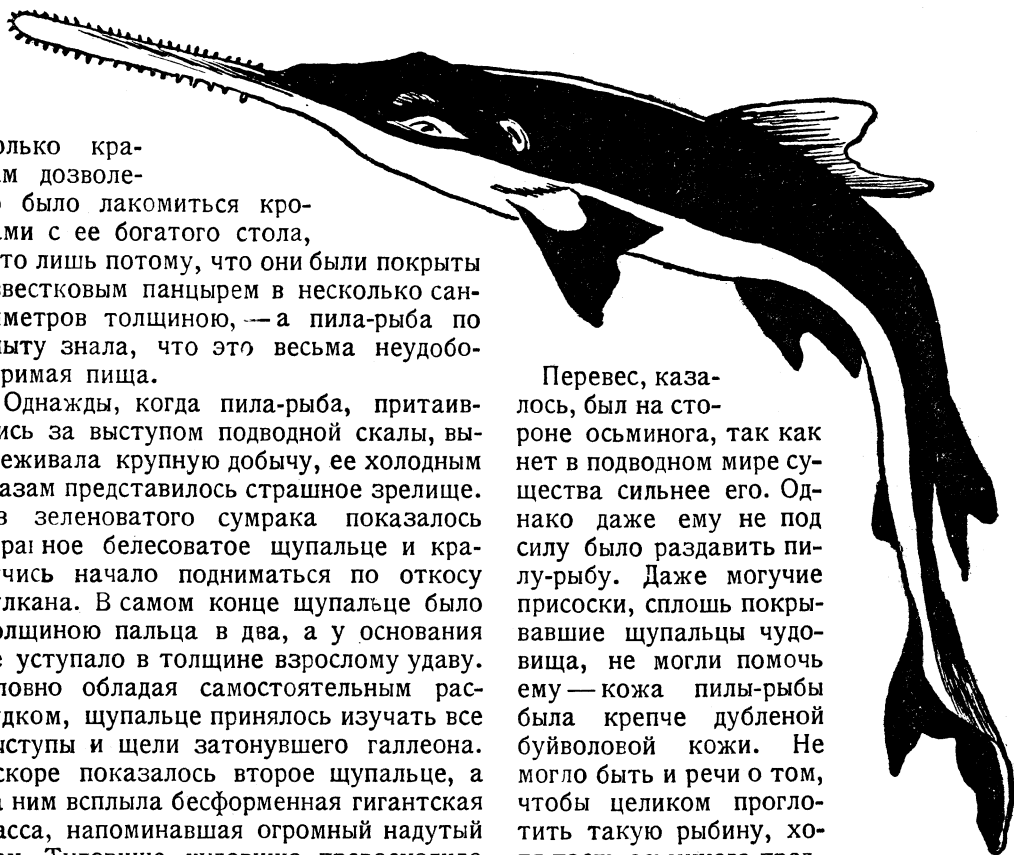
Терпение пила-рыбы иссякло, и она решила на поступок, который мог стоить ей жизни. Подавшись чуть вперед, хищник хорошенько нацелился и бешено ринулся на непрошенного гостя.

Но как ни проворна была пила-рыба, осьминог не оказался застигнутым врасплох. С быстротою молнии отделились от поверхности вулкана два щупальца и, подобно лассо, кинутым с неимоверной силой, обвились вокруг тела пила-рыбы.

Перевес, казалось, был на стороне осьминога, так как нет в подводном мире существа сильнее его. Однако даже ему не под силу было раздавить пилу-рыбу. Даже могучие присоски, сплошь покрывавшие щупальцы чудовища, не могли помочь ему — кожа пила-рыбы была крепче дубленой буйволовой кожи. Не могло быть и речи о том, чтобы целиком проглотить такую рыбку, хотя пасть осьминога представляет собою огромную яму, а желудок может вместить несколько крупных рыб.

Завязался страшный бой. Оба противника попали в затруднительное положение, но отступать было уже поздно, тем более, что борьба шла за первенство. Единственно, что мог делать осьминог, — это держать пилу-рыбу на почтительном расстоянии от своего брюха, чтобы смертоносное оружие не пронзило его внутренностей. Затем он сделал попытку разбить пилу-рыбу о скалы, но это было равносильно попытке разбить резиновый мяч, ударяя им в стену. Но вот осьминог сделал большую оплошность: в пылу битвы он обвил щупальцем пилу хищника — и в следующее мгновение щупальце, судорожно извиваясь, упало на дно океана.

После потери щупальца в осьминоге заговорило благоразумие: он выпустил пилу-рыбу из своих смертоносных объятий и отшвырнул ее от себя. Но не тут-то было! Пила-рыба снова ки-

Пила-рыба.

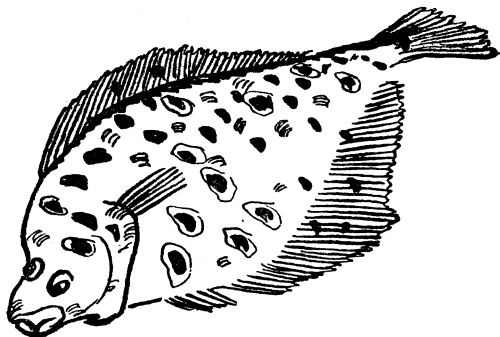
нулась в атаку, метя пилою в брюхо врага. И опять два щупальца перехватили хищника на лету, и вновь закипела борьба.

Так повторялось несколько раз. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы выведенный из себя осьминог не решился на крайнюю меру. Обхватив щупальцами пилу-рыбу, он поднял ее под себя в густую зеленоватую слизь и глубокий ил. Только тогда пила-рыба угомонилась: ослепленная илом, она выскользнула из-под туши врага и пустилась наутек.

С тех пор осьминог не покидал подводного вулкана, несмотря на то, что обычно эти чудовища ищут самых глубоких мест океана. Склонные к суеверию моряки, несомненно, стали бы уверять, что осьминог остался близ галлеона лишь потому, что его привлекал вид золота. Вероятно, он, подобно пиле-рыбе, сообразил, что добычи здесь будет вволю. Осьминог—самое прожорливое существо в мире, и даже кроваво красным крабам не помог их толстый известковый панцырь. Один за другим они исчезали в ненасытной утробе чудовища.

* * *

Жители морских глубин не знают счета времени, и никто не сможет сказать, на каком году владычества осьминога, случилось извержение соседнего подводного вулкана, вызвавшее довольно сильное землетрясение, которое отметили сейсмографы значительным количеством баллов. Землетрясение вызвало образование на дне океана нового под-

Глубоководная камбала.

водного горного хребта, изменило пути подводных течений (то-есть «климат» данной подводной местности) и натворило не мало бед.

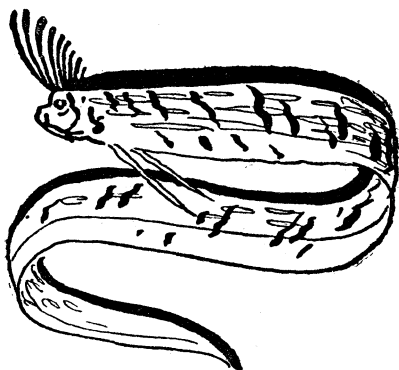
Между тем на поверхности океана царил штиль, и никто не мог бы догадаться, что в бездонных глубинах его катастрофически гибнут мириады подводных обитателей. Маленький парусник неподвижно стоял недалеко от группы коралловых островков в ожидании ветра. На носу его сидели два человека—белый и негр. Первый был владелец парусника Фредди Нюлин, второй—его товарищ по скитаниям Генри Дэрк. Долго сидели они, погруженные в невеселые думы: за последние недели не удалось выловить даже приличного груза губок, не говоря уже о жемчужинах. Покуривая трубки, оба бесцельным взором смотрели на тихие воды океана.

Внезапно их глазам представилось необычайное зрелище. На поверхность стали всплывать мертвые рыбы разных видов и размеров и спутанные водоросли.

— Надо полагать, что на дне либо появились новые горы, либо столкнулись две горы и сплющились в одно целое,—сказал Фредди Нюлин.

Его внимание привлекла странная черная масса, подплывшая почти к самому паруснику. Это была рыба-лента длиною метра в три. У нее не было заметно ни малейшего признака костяка, и передвигалась она с невероятной быстротой.

— Будем надеяться, что этот переполох на дне океана принесет нам пользу,—добавил Фредди.—Я слышал, что при образовании новых подводных хребтов и рифов рыбакам нередко достается хорошая добыча.

Рыба-лента.

— Не может быть, чтобы нам хотя бы один раз за три года не улыбнулось счастье,— сказал Генри Дэрк.

Товарищи встали и взялись за небольшую сеть, ежедневно снабжавшую их свежей пищей. Улов на этот раз был очень скудный: несколько небольших зеленоватых скумбрий. Но зато в сети оказалось одно забавное создание, какого никогда не видывал даже Генри Дэрк, уроженец этих мест.

Это была глубоководная камбала величиною с тарелку. Она преспокойно лежала среди отчаянно бившихся скумбрий и неподвижно глядела на людей, словно спрашивая их: «Что, собственно, вам от меня нужно? Уж не думаете ли вы, что я гождусь в пищу?»

Фредди знал, что глубоководную камбалу, упругую, как резина, можно назвать лакомой пищей лишь с очень большой натяжкой.

Дэрк хотел взять камбалу, но Фредди остановил его:

— Не стоит, Дэрк, зубы поломаешь. Будь поблизости какой-нибудь ученый, он бы нам отвалил на табачок за этот редкостный экземпляр. Такая камбала, насколько мне известно, редко попадает в сети.

Подняв забавную рыбку за хвост (если только можно назвать хвостом еле заметный выступ на теле камбалы), Фредди подошел к борту суденышка и, бросая ее в воду, крикнул:

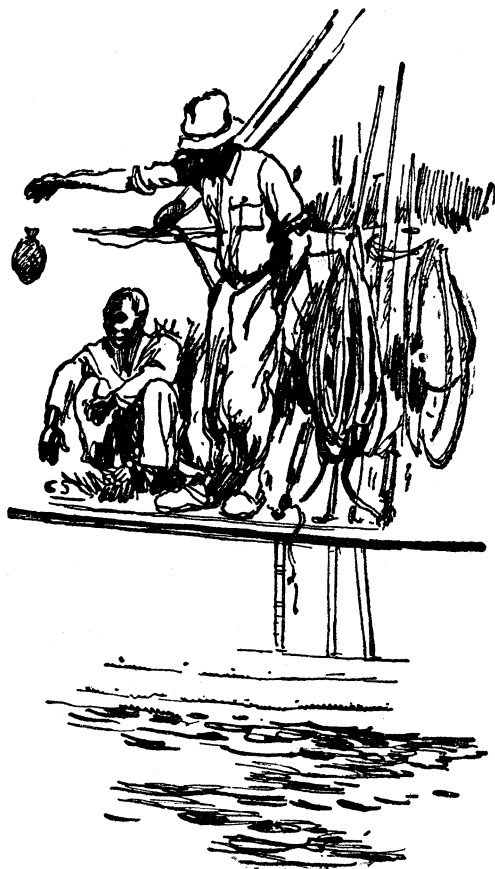
— Ну, прощай, дружок! Сердечный привет всем устрицам и крабам!

Камбала быстро скрылась из вида, направляясь в глубину океана. Много чудесного и страшного случалось ей видеть на своем веку, но встреча с человеком превосходила все ее представления об ужасе. Будучи, однако, по натуре философом, рыбка неторопливо поплыла к затонувшему галеону и, утолив голод (а это не трудно дается камбале, питающейся мелкими организмами, которыми изобилует дно океана), отправилась в путешествие вокруг суденышка, заглядывая выпуклыми глазами в каждую щелочку. К счастью для камбалы, хранитель золотого клада — осьминог — временно отлучился из своей резиденции.

Весь день продолжались колебания dna океана, и даже невозмутимый осьминог

был несколько встревожен, несмотря на то, что в его организме нет ничего похожего на наши нервы. При виде бесконечного количества морских обитателей, стремящихся к верхним слоям воды подальше от взбудораженного dna, осьминог вдруг поддался непонятному влечению последовать за ними. Оттолкнувшись от верхушки подводного вулкана и выбрасывая сильные струи воды из сумки у основания щупальцев, он стал быстро подниматься.

Генри Дэрк мирно дремал на палубе суденышка, дожидаясь ветерка, который позволил бы им сняться с якоря. Внезапно он вздрогнул, протер глаза и устоялся в одну точку. Дэрку показалось, что весь океан вокруг парусника ожил и покрылся кольцами страшных белых змей, между тем как в воздухе разнесся противный мускусный запах. Испустив отчаянный вопль, Дэрк

Подняв забавную рыбку за хвост, Фредди бросил ее в воду, крикнув: «Ну, прощай, дружок!»

бросился к лестнице, которая вела в трюм.

белесоватых лоскутков, служивших доказательством тому, что людям не померещилось диковинное чудовище.

— Ну и ну! — беспомощно сказал Фредди, вытирая холодную испарину, выступившую у него на лбу. — Чего теперь еще ожидать?

Словно в ответ на его слова, вдруг затрепетали под напором ветра паруса, остававшиеся

Быстро прицелившись, Фредди выпустил одну за другой пять пуль...

Фредди Нюлин, прибежавший на крик товарища, увидел, что тот, дрожа от страха, указывает пальцем на воду. В течение нескольких секунд оба моряка в изумлении смотрели на выходца из океанских глубин. И тому и другому впервые приходилось видеть осьминога. Генри побледнел, и загорелое лицо его приняло цвет ржаного теста. Фредди, не веря своим глазам, провел рукой по лбу. В этот момент от извивающейся массы чудовища отделились два щупальца и метнулись к палубе парусника. Фредди не растерялся: кинувшись в каюту, он схватил винтовку и вернулся на палубу. Быстро прицелившись, он выпустил одну за другой пять пуль, метя в огромные страшные глаза. Между тем успевший притти в себя Генри носился по палубе с острым топориком в руках и превращал в крошку кончики щупальцев, держась, однако, на почтительном расстоянии от них.

Раненый осьминог стал быстро погружаться в воду, и через несколько секунд на палубе осталось лишь несколько

неподвижными в течение многих часов. Минут через десять ветер начал крепчать, и моряки, сильно потрясенные всем пережитым, быстро подняли якорь, спеша уйти под прикрытие ближайшего острова, чтобы провести там ночь.

Осьминог тем временем быстро опустился на дно океана, оставляя за собою след в воде струй сероватой жидкости. Раны, полученные им от пуль, не были смертельны, но боль они причиняли невероятную, и чудовище было взбешено до крайности. Но прежде чем осьминог достиг своей обители, весть о случившемся каким-то таинственным путем успела распространиться под водой, и целая стая хищников устремила по его следу. Никто не осмеливался кинуться в атаку, но судьба осьминога была уже предreshена, ибо ослабшему и раненому бывает один конец как в джунглях, так и на дне океана...

Не успела камбала устроиться поудобнее в тине, обволакивавшей галлеон, как инстинктивный страх заставил ее метнуться в сторону, и лишь благодаря

Этому она избежала щупальц осьминога, который возвратился в свои владения и немедленно принялся наполнять свою трубу.

На этот раз камбала одновременно избегла и второй смертельной опасности, так как на расстоянии нескольких метров от нее пронесся незнакомец, который, несмотря на свои ничтожные размеры, был страшнее всех морских чудовищ. Это был сверлящий угорь — хищник, которому уступают дорогу даже акулы и другие кровожадные обитатели морей, хотя им не стоило бы никакого труда проглотить его. Дело в том, что сверлящий угорь присасывается к телу рыбы и с помощью языка, представляющего собой настоящее сверло, начинает прокладывать себе путь во внутренности; с удобством обосновавшись там, он, не торопясь, пожирает изнутри свою жертву, пока от нее не останется лишь пустая оболочка.

Очевидно, осьминог обезумел от боли, так как он в одно мгновение проглотил сверлящего угря, даже не дав себе труда предварительно раздавить его. В следующий момент он уже раскаялся в своем поступке и спазматическими движениями всего тела пытался выкинуть угря из желудка. Но было поздно: маленький враг уже приступил к работе, проворачивая внутренности осьминога.

Заметив, что осьминог извивается в страшных корчах, выдерживая бой с каким-то невидимым врагом, хищники всех видов из семейства акул осмелились и начали постепенно сужать круг около наменной жертвы.

Жуткая это была борьба — не на жизнь, а на смерть. На суше таких по-

единков не бывает даже между самыми кровожадными зверями. Осьминог был осужден на гибель — но тем не менее не сдавался. Мало-по-малу к осаждающим присоединилось еще многое множество других хищников, из которых каждый мог похвастаться зубами, не уступавшими по остроте зубьям пилы.

Почти сутки продолжался этот неопи-сываемый бой вблизи галлеона, из щели которого следила за битвой маленькая камбала с выпуклыми глазами. Ночью снова произошло сотрясение морского дна, в результате которого целые подводные хребты были оторваны от своих оснований и придвинуты значительно ближе к островам. Подвергся перемещению и знакомый нам вулкан.

К тому времени, когда кончилось землетрясение, пришел конец и осьминогу, которого в несколько минут растерзали полчища одержавших над ним победу хищников. Лишь на третий день море достаточно успокоилось, чтобы искатели приключений могли снова выйти на охоту за жемчугом и губками.

Однажды утром, прогуливаясь по берегу островка, возле которого парусник бросил якорь, Фредди обратил внимание на то, что берег до неузнаваемости изменил очертания за последние несколько суток. У самого берега из воды поднимались острые черные скалы. Но когда Фредди пригляделся к одному из выступавших из волн утесов, он увидел нечто

такое, от чего глаза чуть не выскочили у него из орбит...

Несколько часов спустя приятели собрались на берегу островка изрядную груду золотых слитков, почти не изменившихся в цвете за сотни лет пребывания на дне океана...

Фредди увидел нечто такое, от чего глаза чуть не выскочили из орбит...

ОСТРОВ ГОРИЛЛОИДОВ

Научно-фантастический роман **Б. Турова**

Рисунки худ. **А. Шпир**

(Продолжение)

XXII. Подкоп.

Когда огромный негр, поставив на стол миску с обедом, подошел к Ильину и, широко улыбаясь, крепко пожал ему руку, тот в первый момент ничего не мог сообразить.

Должно быть это достаточно ясно отразилось на его лице, потому что негр засмеялся и голосом, который смутно отозвался в памяти, сказал:

— Товарищ забыл. Я видел товарища.

— А, так это ты!

Ильин вдруг вспомнил черную ночь в парке института и могучую черную фигуру, подавшую ему записку из Нямбы.

— Да, я принес письмо товарищу.

— Да как же ты сюда-то попал?

Ильин схватил обеими руками негра за плечи и от радости сильно потряс его. Широкая черная физиономия вся просияла, и гигант снова крепко встряхнул руку Андрея Николаевича.

— Меня тогда больно побили немножко и посадили сюда, за стену. Больше ничего.

— И что ты тут делаешь?

— Варю обед капралу, потом старику, тут рядом, потом белой мадам, которая помогает родить дети.

— Как помогает родить? Какую ты чушь порешь!

— Смотрит, чтобы хорошо родился дети у наших женщин, которые рожают обезьян.

— А, акушерка...

Ильин перешел к более существенной теме:

— Слушай, ты не сможешь увидеть Дюпона?

— Я сегодня видел товарищ Дюпона, — ответил негр.

— Ну, и что он говорил обо мне?

— Товарищ Дюпон говорил: «Передай товарищу, что я действую и скоро немножко разорю все гнездо».

— И больше ничего?

— Нет. А еще дал записку.

— Батюшки, какой чудак! Что же ты мне ее сразу не передал?

Негр молча улыбнулся, порывшись в своем несложном костюме и вытащил бумажку.

Коротенькая записка была написана видимо второпях, карандашом:

Дело дрянь. Если не поторопимся, капитан вас убьет. Обдумайте, как вам выбраться из дома, когда я дам сигнал. Остальное — мое дело. Наш план быстро продвигаю. Записку уничтожьте.

— Ну, прощай, товарищ! Завтра я опять принесу обед.

Негр еще раз пожал протянутую руку, вышел из комнаты и запер дверь.

«Выбраться из дома наружу?...» — Ильин задумался. Долго ходил вперед и назад по комнате, затем улегся на кровать и стал перебирать последовательно все мыслимые возможности.

Перепилить решетку? Во-первых — нечем, во-вторых — бесцельно, потому что постоянно под окном торчит или вышагивает часовой. Пробить стену? Об этом нелепо и думать: стены сложены из кирпича на цементе. Пробить потолок? Пожалуй возможно, но нужно провести эту операцию в одну ночь, иначе наутро дыра будет видна, и все откроется. Остается последняя возможность — подкоп. Пол деревянный, на высоте около метра над землей. Это значит, что под ним имеется хорошее подполье. Грунт местности песчаный — это значит, что рыть будет легко и что воды не окажется на уровне подошвы фундамента. А кроме того вылезать из-под земли не так незаметно, как прыгать из окна или с крыши.

План казался пока правдоподобным, и так как времени терять не приходилось, Ильин без долгих колебаний начал исследовать пол.

Очеви но резать надо было в стороне стены с окном, чтобы помешать часовому что-либо увидеть через решотку. Как раз в этом месте в углу стоял небольшой шкафчик. Ильин отодвинул его и ножом принялся перерезать на шаг от стены крайнюю половицу. Поскольку было нужно, чтобы перерезанный кусок не провалился, Ильин выбрал место, где линия гвоздей показывала присутствие под полом опорной балки.

Стоп! А если часовой обратит внимание, что его не видно в комнате?..

Ильин подошел к кровати, свернул в трубку лежавший на полу войлок и накрыл его на постели одеялом.

«Готово! Я накрылся с головой и зашнуул. А теперь за работу!»

Перерезка половицы отняла не больше пол, часа, но гораздо труднее было вы-

рвать из балки прикреплявший доску гвоздь. Будь Ильин послабее, вероятно ему ничего бы и не удалось сделать, но руки у него были весьма недурные и, рискуя ножом и ногтями, он наконец с треском вывернул половицу.

Дыра была только-только в обрез, но кое-как Ильин в нее все-таки протиснулся. Подполье простиралось под всем домом. Грунт оказался не чисто песчаным, но копать было все же сравнительно легко. Для подкопа Ильин выбрал самый угол дома, чтобы меньше осыпалась земля, и начал копать ножом и руками, выгребая землю в стороны и устраивая пологий откос. Работа шла быстро, и часа через полтора на глубине метра он достиг низа фундамента.

Однако надо было проверить, что делается в камере. Там все оказалось в порядке, и Ильин снова полез вниз.

Еще часа через два под фундаментом был закончен основательный туннель, в котором можно было стоять на четвереньках, и Ильин решил пока на этом остановиться: когда будут получены указания от Дюпона, он в два-три часа сможет подрыться кверху,

Лицо капитана озаарилось беспощадной усмешкой...

а пока надо снова привести в порядок себя и доску в полу.

Так как костюм был предусмотрительно снят перед путешествием в подвал, Ильин ограничил свой туалет тем, что тщательно вытер рубашкой с голого тела пыль и землю. Бросив рубашку и нож под пол, он оделся и начал устраивать половицу на место. Задвинуть в старую дыру гвоздь было не трудно, но гораздо сложнее оказалось придать вполне натуральный вид щели, прорезанной в доске. Пришлось опять спуститься под пол за серой глиной, которая прослойками попадалась в песке. И наконец щель исчезла, приняв цвет грязного пола.

Затем шкафчик был подвинут на место, Ильин улегся на кровать и предался заслуженному отдыху. Некоторое время он лежал без всяких мыслей, ощущая только усталость после тяжелой работы, потом точно очнулся и снова принялся анализировать положение.

С подкопом дело почти обеспечено, но нельзя же удирать одному — бросить старика Идаева. Придется побеседовать с ним относительно побега. Технически особых затруднений не представится, потому что всегда возможно и в его комнате прорезать снизу одну половицу в последний момент перед побегом, когда все прочие приготовления будут закончены. Посвящать его в эти планы пока не стоит — только расстроишь старика. Да и вообще нечего болтать раньше времени, если без этого можно обойтись.

В конце концов утомление от напряженной работы в согнутом положении взяло свое и, значительно успокоенный достигнутым успехом, Ильин, не раздеваясь, заснул.

* * *

На другой день не было ничего нового. Негр занес обед и, обменявшись с Ильиным несколькими фразами, ушел. Записки к Дюпону Ильин не дал, а ограничился словесной передачей. Так же прошли и следующие два дня.

На пятый день заключения негр принес от Дюпона следующую записку:

Я всегда знал, что вы молодец, товарищ Ильин, и очень хорошо, что у вас все подго-

товлено, потому что момент действия наступает.

Капитан точно сошел с ума и стал зверем. Нескольких гориллоидов за что-то заporол чуть не до смерти, самого Луи вздул хлыстом прямо по морде. Все это я использую. Будьте готовы в любой момент.

Ильин раз десять перечитал записку, потом мельчайшие ее кусочки протолкнул в щели пола и уже собирался начать подробный разговор с Идаевым, когда дверь отворилась, и на пороге, в сопровождении двух вооруженных гориллоидов, появился капитан Ленуар.

Ильин невольно вздрогнул.

Капитан заметил. Лицо его озарилось счастливой, откровенно беспощадной усмешкой.

— Очень рад видеть, мсье Ильин, — сказал он, — что вас уже начинает потряхивать. Думаю, что завтра мы увидим это вторично, потому что я принес вам приятную новость. Хотите знать, какую?

Ильин стоял молча. Лицо его было бледно, но уже спокойно.

— Так вот, — продолжал капитан, — завтра вы умрете. Я нарочно зашел к вам с этой маленькой новостью, чтобы у вас было время хорошенько подумать об ожидающих вас завтра развлечениях. Видите ли, послезавтра мне придется послать в Париж телеграмму о несчастном случае, происшедшем с русским ассистентом Ильиным, который неосторожно зашел в клетку к гориллам и был разорван ими... Ребята мои — народ злой, и поскольку я им разрешу с вами побаловаться, они будут иметь полное удовольствие. И я также. Значит до завтра, покойной ночи!

Капитан любезно поклонился и вышел. Дверь замкнулась, и Ильин почувствовал, что громадное напряжение воли, с которым он сдерживал себя, разом исчезло. Ноги задрожали, и он бессильно упал на кровать.

Момент настал, надо бежать! Но каким способом он проберется через стену, если у Дюпона еще не все готово? Наконец, даже оказавшись каким-либо чудом по ту сторону стены, он будет иметь лишь минутную отсрочку, потому что дамба занята военным караулом, а по болоту с острова никуда не уйдешь.

Правда в десять раз лучше утонуть в болоте, чем быть разорванным этими полузверями, но... совсем не хочется, мучительно не хочется умирать! Была еще надежда на то, что негр зайдет с ужином и успеет предупредить Дюпона, а Дюпон ускорит свое выступление...

XXIII. Побег.

Время тянулось нестерпимо медленно. Наконец солнце начало склоняться к за-

Идаеву положение дел и свое решение — бежать почти без надежды на успех, потому что здесь все равно его завтра ожидает верная и ужасная смерть. Старик разволновался и растерялся, бегал по комнате, ерошил на голове остатки седых волос, затем категорически отказался участвовать в этом безумном предприятии и вдруг, в тот момент, когда Ильин, сделав куклу на кровати, уже лез в подполье, профессор жалобно и умоляюще позвонил его к щели и сказал, что он тоже бежит.

Через минуту Ильин уже работал, перерезая половицу комнаты Идаева. Нож порядочно иступился о землю, и работа шла медленно; наконец последние волокна дерева были перерезаны, доска отогнулась вниз, и в отверстии показались сначала ноги в туфлях, потом серые штаны, затем седая борода Идаева.

Старик-профессор начал было с жалобы на судьбу, но Ильин почти грубо оборвал его и, опустившись под фундамент, принялся копать проход вверх.

Каждую порцию земли нужно было проталкивать через нору под фундамент и затем выгребать вверх в подполье, и прошло несколько часов, пока наконец руки Ильина, работавшего в глубочайшем мраке, не дошли до корней травы. Через минуту на голову ему свалился подрезанный ножом дерн, и подняв запыленный

Из-за угла
выдвинулась
гигантская
фигура...

кату. Время ужина пришло и прошло, а негр все не появлялся...

Солнце село, узенький серп молодой луны засеребрился над болотом. Мерные шаги часового за окном нарушали глубокую тишину ночи.

Ильин понял, что решительный момент настал. Надо действовать. И если придется погибнуть — пусть он умрет в борьбе.

Разговор через стенку был короток. В сильных выражениях Ильин сообщил

ные глаза, он увел над собой крупные яркие звезды.

Осторожно высунув голову, Ильин внимательно огляделся.

Шаги невидимого часового раздавались справа, потом он вероятно повернул назад, и они начали приближаться. И вдруг из-за угла выдвинулась гигантская, особенно в ноч-

ном мраке жуткая фигура гориллоида. Ильин замер, но часовой ничего не заметил и спокойно повернул за угол.

Ильин нырнул в дыру подкопа и в двух словах объяснил Идаеву, как надо вылезти, быстро, без шума отбежать в сторону, пока часовой проходит за домом, и снова залечь на землю, чтобы пропустить его мимо.

Сначала Ильин, за ним профессор пролезли под фундаментом и выбрались на поверхность.

Когда Ильин быстрыми легкими шагами отбежал метров на сто и, опустившись в какую-то канавку, оглянулся назад, он невольно вздрогнул: старик-профессор, топая как медведь, неуклюже бежал к нему — и вдруг, наклонившись, стал шарить руками по земле.

— Андрей Николаевич! Андрей Николаевич! Постойте, я пенсне потерял и ничего не вижу, — почти громко сказал он.

«А, чорт бы его взял, этого старого младенца!» — мысленно выругался Ильин.

Вскочив на ноги, он бросился к Идаеву, схватил его за руку и потащил за собой. В ту же секунду на фоне серпалуны выросла гигантская фигура у угла здания, злобный лающий крик огласил ночную тишину, чудовище стремительными прыжками бросилось вперед, и один за другим загремели несколько выстрелов. Теплая жидкость брызнула Ильину в левую щеку. Тело профессора, которого он тащил за руку, вдруг осело и, оглянувшись, Ильин увидел при свете звезд черную бесформенную маску вместо лица Идаева...

Старик Идаев неуклюже бежал...

Еще через мгновение он, как заяц, зигзагами неся в темноте, сам не зная куда. Вслед раздавался тяжелый топот гориллоида, и мимо самых казалось ушей, одна за другой, часто и гулко жужжали пули.

Ильин не так давно был форвардом в хорошей футбольной команде, и конечно тяжелому неуклюжему чудовищу не по силам было его догнать. Через минуту гориллоид остался где-то далеко

позади, но зато беглец чуть не влетел сразбегу прямо в болото.

Сзади как будто не было ничего слышно, и ступая как можно тише, Ильин попробовал углубиться в поле, взяв направление по возможности к воротам в стене.

Внезапно со стороны тюремного помещения раздались громкие голоса, затем мелькнул огонек... другой... третий... Огни начали быстро расходиться в стороны, и один из них приближался к Ильину.

«Дело дрянь. Организованная погоня, да еще с фонарями!..»

Ильин покачал головой и стал быстро подаваться вправо. Однако справа также показались два огонька, шум и крики усиливались, и Ильину стало ясно, что дальше бродить в темноте опасно, — надо принять какое-нибудь трезво-обдуманное решение.

Прежде всего надо было спрятаться, иначе не пройдет и получаса, как его найдут. Первую мысль — о кустарниках — он сразу откинул, потому что конечно именно там и будет устроена наиболее основательная облава. Несколько минут никакой здравой идеи не приходило в голову, затем вдруг выплыла мысль, очень простая и хотя не разрешавшая положения, но дававшая на некоторое время отсрочку:

«Зарыться в песок! Как это сразу не пришло на ум?..»

Кругом были крупные и мелкие бугры и ямы, очевидно окопы, вырытые во время тактических занятий. Лишняя неровность не привлечет ничьего внимания... а там может быть что-нибудь устроит Дюпон...

Было как раз время, потому что огоньки мелькали уже близко. В следующую минуту два гиганта с винтовками и фонарями в руках прошли совсем рядом, едва не наступив ему на живот.

У Ильина было впечатление, что в лагере полная суматоха, и он не мог толком уяснить себе смысл такой отчаянной ночной погони: ведь ничего не стоило подождать до утра и при дневном свете отыскать беглеца, которому все равно некуда было деваться. Единственное правдоподобное объяснение состояло в том, что его Ильина, надо было не-

пременно поймать раньше, чем о побеге узнает Ленуар. Судя по тому ужасу, который капитан внушал своим подчиненным, это предположение было вполне вероятным.

Часы протекали медленно и тоскливо, суета по всему острову стала заметно уменьшаться, зато где-то, как раз позади шум и крики все усиливались, временами переходя в общий рев.

Ильин поднял голову и оглянулся вокруг. Стенка канавы мешала видеть назад, но восточный край неба заметно побелел, и через час-полтора очевидно должен был наступить рассвет.

Если еще имелась какая-нибудь возможность спастись, то действовать нужно было немедленно.

Ильин поднялся, стряхнул с себя песок и посмотрел назад. Рев, крики и суета в той стороне казалось еще возросли, но огоньков кругом уже не было видно, и он, хотя поспешно, но осторожно двинулся в ту сторону, где, как он полагал, находились ворота. Расчет оказался более или менее правильным: перед ним выросла серая громада бетонной стены.

Однако, идя влево, он вскоре уперся в болото и должен был вернуться назад. Еще несколько десятков шагов — и он остановился и замер. Из мрака вырисовалась темная, шевелящаяся масса, от которой доносились негромкие и невнятные звуки. Медлить все же не приходилось, и Ильин, улегшись на землю, снова пополз вперед.

Масса разделилась пополам и превратилась в двух гориллоидов, сидевших на земле и что-то бормотавших. Затем раздались уже совсем явственные звуки рвоты, и ветерок донес отвратительный запах спирта.

«Пьяны!..»

XXIV. Переход в наступление.

Ильин почувствовал, что гнетущая тяжесть, обручем давившая его в последние дни, свалилась, рассыпалась и покрылась ослепляющей радостью. Дюпон значит сделал свое дело и сделал как раз во-время! До спасения еще бесконечно далеко, но он уже не один. Где-то во мраке действует верный в храб-

рый товарищ, и солнце, которое через час взойдет, вероятно осветит дикий бунт опьяневших зверей.

Может быть он сам погибнет при этом, но хорошо уже то, что сломалась жесткая дисциплина лагеря гориллоидов, а в сумятице бунта, хотя бы и пьяного, всегда есть шансы на какой-нибудь случай, и теперь уже во многом от него самого, от его решимости, силы и мужества будет зависеть исход борьбы.

Немного подальше валялся на земле и громко храпел третий гориллоид, а в двух шагах сбоку лежала брошенная на песок винтовка.

«Часовой! А у часового на шее должен находиться ключ от запора с этой стороны ворот»... Эту деталь Ильин хорошо запомнил во время предыдущих посещений лагеря.

Храп чудовища был таким громким и указывал на такой глубокий сон, что Ильин смело подполз вплотную. Ключ действительно оказался на мохнатой груди. Быстрое и осторожное движение ножом — и он перешел в руки беглеца, после чего Ильин уже без всяких предосторожностей пошел прямо к воротам.

Может быть, это был результат той вспышки поднимающей радости, которая охватила его минуту назад, но Ильин действовал, как во сне, быстро, не обсуждая обстановки, с той мгновенной интуицией, которая в критические минуты жизни часто дает победу.

Подойдя к воротам, он повернул ключ в замке и дернул за веревку. На звонок отворилось небольшое окошечко в дверях и высунулись глаза и нос часового.

— Кто это? Почему ночью? Что это за шум у вас? — раздался голос часового.

— Кто? Сам видишь, что человек, а не обезьяна! Отворяй скорей! В лагере пьяный бунт, и гориллоиды гонятся за мной!

В голосе Ильина было естественно самое неподдельное беспокойство беглеца.

— Да кто ты такой? Я что-то тебя не могу признать.

— Отворяй, чортова кукла! Вон они уже близко! Да отворяй ради бога!

Калитка открылась. Часовой с ружьем наперевес загородил дорогу, внимательно глядя в лицо вошедшего. Все даль-

нейшее случилось не больше чем в две секунды, потому что Ильин был несравненно сильнее любого среднего по сложению и росту человека.

Прикладом вверх взлетела вырванная из рук винтовка и с глухим стуком обрушилась на череп часового. Солдат охнул и мешком свалился на землю, а Ильин, не заперев калитки, уже летел по направлению к стоявшему слева под группой пальм дому капитана.

Несомненно, что всего за минуту перед тем у него не было никакого определенного плана действий, да и сейчас он не знал еще, что сможет предпринять в оставшиеся полчаса ночного мрака, и тем не менее решительно бежал вперед. Только одно было для него ясно: он увидит сейчас Мадлэн, а все дальнейшее выяснится после...

* * *

Комната Мадлэн выходила двумя окнами в сад. Перешагнув через забор, Ильин несколькими прыжками подбежал к окну и заглянул внутрь. В комнате было темно, и за исключением бесформенных теней мебели ничего не удалось рассмотреть. Первое побуждение — постучать — сразу было отброшено.

«А если там Лемуар?..» От бешеной злобы Ильин скрипнул зубами. Подойдя к окну, капитан легко сможет сверху вниз пристрелить его. Нет, надо сначала влезть внутрь, и если эта гадина окажется там, Ильин свалит его на пол и ногою прижмет горло к земле.

Москитная сетка, натянутая на деревянную раму, вывалилась внутрь от слабого нажима. Одним прыжком Ильин вскочил на подоконник и легко спрыгнул в комнату.

— Кто здесь?..

В крике Мадлэн был безумный ужас.

— Это я, Мадлэн, — прошептал Ильин, — это я...

— Андрей?!

Молодая женщина порывисто бросилась ему навстречу:

— Это ты!.. Это ты!.. — Все тело Мадлэн трепетало, и слезы теплыми каплями стекали по щеке Ильина. — Я так боялась... я думала... — молодая женщина вздрогнула.

— Да!.. Я бежал из заключения, где сидел, ожидая смерти. Нужно действовать быстро, потому что рассвет приближается. Необходимо использовать каждую минуту ночного мрака. Если твой муж обнаружит, что...

— Он не муж мой! — Мадлэн выпрямилась, и даже в темноте было видно,

Замок звонко хрустнул...

как загорелись ее глаза. — Не смей, Андрей, слышишь, никогда не смей говорить мне это!

Ильин секунду неподвижно смотрел на молодую женщину, затем поднял ее как перышко на руки, поцеловал и снова бережно поставил на землю, тихо смеясь.

— Одевайся, да в один момент. Я буду пока рассказывать, а ты помогай советом. Я бежал, как видишь, с большими приключениями, но о них после... Профессор Идаев бежал со мною, получил пулю в голову, и это его кровь у меня на лице... В лагере гориллоидов какая-то суматоха. Они сначала ловили меня в темноте, затем, очевидно пользуясь ночной суетой, добрались до винного склада и перепились... Ворота в стене открыты, и часовой лежит, оглушенный ударом приклада...

Ильин предусмотрительно умолчал о своем участии в этом деле.

— Через час или может быть даже в любую минуту гориллоиды будут здесь. Администрация удерет по дамбе, но нам этот путь закрыт. По крайней мере мне. Если бы здесь был Дюпон, знаешь — механик, мой товарищ, — мы смогли бы захватить аэроплан, потому что он был раньше летчиком, и с ним мы могли бы улететь из этого пекла, но я не знаю, где он. Поэтому я думаю так: беги через дамбу, а я уже как-нибудь вывернусь, когда начнется возня и суматоха и когда всем будет уже не до меня.

— Никогда! — Мадлэн с возмущением подбежала к нему. — Я буду с тобой, Андрей, что бы с нами ни случилось! Понял? И ни одного слова больше об этом!

— Хорошо! — Ильин утвердительно кивнул головой. — Постой, мне пришла в голову следующая мысль: бежать через дамбу можно, только когда начнется суматоха. Раньше нас все равно не пропустят. Значит где-нибудь надо ждать. Попробуем подождать в ангаре. Мы будем там около аэроплана и постараемся увидеть и перехватить Дюпона, а в крайнем случае будем отсиживаться, потому что бетонные стены ангара можно прошибить разве пушкой. Но тогда новый вопрос: как туда попасть? Дверь всегда заперта на замок. Послушай, ты не обратила случайно внимания, какой толщины там дужка замка?

Молодая женщина задумалась.

— Дужка замка? Тракар несколько раз водил меня в ангар. Постой! Последний раз замок долго не отпирался. Да, почти помню. Приблизительно в мой палец.

— В твой пальчик? — Ильин весело рассмеялся. — Да если он будет вдвое потолще, я выверну его без труда, потому что мои-то пальцы к счастью потолще, да и крепче... Ну, ты готова? Идем!..

Одним прыжком соскочив в сад, он принял на руки Мадлэн, поставил ее на землю и, взяв под руку, быстро повел к ангару.

XXV. Бунт гориллоидов.

Дужка замка оказалась значительно толще пальчика Мадлэн, но в нескольких шагах от стены валялись металлические брусья и прутья. Ильин засунул под дужку подходящий кусок в метр длиною, раздалось негромкое царапанье и шуршание, затем замок звонко хрустнул, и дужка вывернулась наружу.

— Ну, вот и готово! Теперь входи.

Ильин ввел Мадлэн внутрь ангара и притворил тяжелую железную дверь, оставив только небольшую щелку. После этого, чувствуя себя уже сравнительно в безопасности, он принялся внимательно осматриваться.

Ночной мрак уже разошелся, и вся восточная сторона неба пылала пурпурным золотом. Ворота на обезьянью территорию отсюда не были видны, но очевидно, они были открыты, потому что на площади бродили, переходя с места на место, несколько гориллоидов, чего никогда еще не бывало.

Из-за стены доносился глухой шум, прорезавшийся отдельными резкими вы-

криками. Судя по тому, что расстояние от ангара до стены было порядочное, толпа чудовищ бушевала уже совсем недалеко от ворот.

Потом сухо и гулко прогремел одиночный ружейный выстрел.

Из-за угла караульного дома, где помещалось человек двадцать солдат, высунулась какая-то физиономия, оглянулась кругом и моментально скрылась.

Через несколько минут из дома выбежала группа солдат с капралом во главе. Они быстро построились и, держа винтовки наперевес, бегом бросились к воротам, а один, пересекая площадь, со всех ног кинулся к дому капитана.

Гориллоиды попятились. Солдаты, обогнув угол ангара, скрылись из глаз, но почти в ту же минуту глухой гул перешел в потрясающий рев ярости, вспыхнула учащенная ружейная стрельба, и несколько солдат в панике пробежали обратно, удирая в сторону дамбы.

Гигант с горящими яростью глазами бросился на Ленуара...

В следующий момент целый поток вооруженных чудовищ неудержимо хлынул на площадь...

* * *

Удиравшие со всех ног уже еле виднелись в глубине площади, когда Лемуар с кольцом в одной руке и хлыстом в другой вышел из дома и быстрым твердым шагом направился к ревущей, беснующейся толпе гориллоидов.

Прифычный страх сразу раздвинул в стороны массу чудовищ. Ближайшие трусливо пятились назад и, спотыкаясь, пытались спрятаться за других, задние поспешно удирали, и казалось — еще мгновение, и бунт будет ликвидирован. Но вдруг волосатый гигант, весь в кровавых рубцах и с горящими яростью глазами, вырвался из толпы и бросился на Лемуара.

Две пули, пробившие могучее туловище, не преодолели инерции, кольт выпал из переломанной руки капитана, и в тот же миг его тело, охваченное гигантской лапой, бессильно повисло у мохнатой груди. Кровавые глаза чудовища точно впивали предсмертный ужас человеческих глаз, затем страшные челюсти с хрустом сомкнулись, и два тела забились на залитой кровью земле...

Смерть капитана разорвала остатки страха и повиновения. Если пал тот, кто был повелителем этих приученных к борьбе и натиску чудовищ, то что значили остальные! И кого же еще можно было бояться?

Всесобщий оглушающий рев приветствовал гибель Лемуара, и толпа чудовищ в беспорядке ринулась к жилым строениям и складам; угол стены ангара закрывал эту сторону, и о дальнейшем можно было судить только по доносившимся справа звукам разрушения и борьбы. Оттуда раздавался рев опьяненных спиртом и победой гориллоидов, пронзительные крики боли и ужаса и выстрелы.

Мадлен забилась в угол ангара и тихо плакала.

Стрельба затихала. Видимо короткое сопротивление было сразу сломлено. А Дюпона все еще не было... Ильин, охваченный острым беспокойством, прислушивался к долетавшим звукам, и его тревога становилась нестерпимой. Если

Дюпон погиб, то неизбежна и их гибель, потому что только он мог управлять аэропланом.

Остаться на месте — это значит, что чудовища, овладев окончательно островом, направятся к ангару, и конечно один Ильин несмотря на высокие бетонные стены не сможет отбить нападения. Выйти наружу на разведку? Но это значит оставить Мадлен одну. Это значит что, если он погибнет за стеной, Мадлен окажется добычей опьяневших зверей. Когда Ильин представил себе эту картину, его охватил такой непреодолимый ужас, что он был почти готов направиться к молодой женщине, чтобы, пока не поздно, покончить с ней и затем с собой.

В следующий момент толчком воли он взял себя в руки. Не так же он слаб, чтобы не прибегнуть к этому исходу в последнюю минуту, когда не останется уже ни одной возможности спасения...

Между тем раздававшийся ранее по всему острову ружейный огонь теперь сосредоточивался лишь в двух пунктах: у ближайшего к ангару дома, где жил летчик Тракар, и в самом конце острова, вероятно около казармы, замыкавшей выход на дамбу. Очевидно только здесь еще продолжалось сопротивление.

В глухой бетонной стене ангара с этой стороны не было никаких окон. Если бы имелась лестница, по ней можно было бы добраться до окон в нижней части крыши, но лестницы нигде не оказалось. Ильин окинул взглядом внутренность ангара и вдруг сообразил, что добраться до верха пожалуй и удастся. Крыша на уровне верха стен стягивалась железными поперечинами. Если попробовать перекинуть через одну из них канат?

Он поспешно вытащил из угла связку веревок, быстро навязал на веревке узлы и, сделав на конце петлю, бросил вверх. Веревка перекинулась сразу, но болтавшийся сверху конец был слишком короток. Ильин зацепил его за петлю крючком, наскоро согнутым из толстой проволоки, подтянул вниз, и путь к переключинам был готов. Связав вместе концы, он посадил на них Мадлен, чтобы веревка не качалась, быстро вскарабкался наверх, отворил раму и осторожно выглянул наружу.

XXVI. Взрыв.

Из-за деревьев полыхало пламя и валил густой дым. Судя по месту, это должен был быть провиантский склад. Оттуда доносился сильнейший шум, и волосатые фигуры то выскакивали с какими-то предметами в руках на берег болота, то снова бежали обратно. Очевидно гориллоиды грабили склады и, судя по крикам и суете, там повидимому и находилась главная масса победителей. Еще дальше, в стороне дамбы продолжалась стрельба, но что там делается — из-за деревьев не было видно.

У стены дома летчика лежала груды тел. Вероятно опьяневшие чудовища бросились на приступ без соблюдения предосторожностей и были сметены огнем защитников. Нападающие были скрыты густыми кустами, но из-за деревьев раздавались одиночные выстрелы, и было видно, как пули выбивали стекла и щелкали по карнизам и рамам. Дом мрачно молчал, но количество трупов на земле наглядно показывало, что защитники решили дорого продать свою жизнь. Немного поодаль, под деревом лежало тело Кроза без всяких видимых следов повреждения. Даже одежда профессора была в порядке. Очевидно он погиб от пули, и тело, находясь под огнем защитников, не подверглось насилию чудовищ.

Дом был совсем близко от ангара. Вопрос лишь, кто там находится. Когда с целью лучше осмотреться Ильин высунул голову наружу, две пули щелкнули в стену почти рядом, и несколько мелких камушков рассекли щеку, но зато из дальнего окна дома раздался голос Ахматова:

— Ильин! Эгей, Ильин! Как вы попали в ангар? И где вы были все эти последние дни?

— Через дверь с той стороны, — ответил Ильин на первый вопрос. — А кто с вами в доме?

— Тракар и еще один рабочий.

Ильин почувствовал, что сердце его усиленно забилося.

— Какой рабочий?

— А чорт его знает! Просто — рабочий. Слушайте. Как нам попасть в ангар?

Ильин молчал некоторое время.

— Ахматов, я сам ничего не могу придумать. Где Тракар и рабочий? Позовите их сюда или сменитесь с ними, если им нельзя отойти. Только один Тракар знает все, что есть в ангаре, и сможет дать какой-либо совет.

Наступило молчание, изредка прерываемое выстрелами, и пули с такой меткостью били наискосок в окно, что молодой ученый уже не рисковал высываться и, скрывая голову за выступом стены, ждал ответа.

Затем раздался тонкий пронзительный голос Тракара:

— Ильин, вы меня слышите?

— Слышу.

— Вот что. Единственное спасение для нас — попасть в ангар. Вскочить из дома и оббежать кругом до двери — нечего и думать: Ленуар так выучил стрелять этих мерзавцев, что мы не успеем достигнуть угла, как будем убиты. В дальнем углу направо в большом ящике лежат аэропланные бомбы — в пятьдесят и в двадцать кило. Возьмите меньшую. Стена в промежутках между пилястрами ¹⁾ не толще пятнадцати сантиметров, и двадцати кило хватит. Там же в соседнем ящике — тротилы шашки, капсюли и бикфордов шнур ²⁾. Привяжите шашку к бомбе, вставьте капсюль и возьмите шнур подлиннее — метра два. Изнутри взрывать нельзя. Вы можете быть и уцелеете, но аэроплан будет взрывом подброшен и смят. Поднимите бомбу по веревке, спустите ее наружу с зажженным уже конечно шнуром, пока она не ляжет на землю. Поняли? И не бойтесь. Осколки будут направлены выступом стены и полетят только вперед, а не вбок. За аэроплан тоже нечего опасаться, потому что он у другой стены.

¹⁾ Пилястры — полуколонны, выступающие из поверхности стены. Служат для усиления стен или (чаще) для украшения.

²⁾ Тротил (тол, тринитротолуол) — сильно взрывчатое вещество, сравнительно безопасное в обращении; употребляется для подрывных работ и снаряжения артиллерийских гранат и бомб. Капсюль заключает в себе еще более сильный взрывчатый состав, детонатор, легко воспламеняющийся и передающий взрыв основному заряду. Бикфордов шнур, заключающий в полужесткой оболочке горючую смесь, передает огонь капсюлю от спички или фитиля.

Ильин взобрался на балку...

Действуйте как можно скорее. Если сюда соберутся остальные дьяволы и бросятся со всех сторон, то второй атаки мы не выдержим.

Ильин приподнялся выше, чтобы его ответ был хорошо слышен:

— Тракар, кто кроме Ахматова с вами в доме?

— Какой-то рабочий.

— Какой именно?

— Да вам-то какое дело! Механик, и больше ничего. Все равно аэроплан поднимает только трех. Поняли? И валайте скорее.

Ильин отвечал, отчеканивая слова:

— Тракар! Теперь нужно, чтобы поняли вы. Этот рабочий — мой товарищ, и он полетит с нами, и так как я вам не очень верю, то пусть он будет здесь у окна и ответит мне. В противном

случае оставайтесь. А я — разобьюсь или нет, — а попытаюсь улететь хоть один.

Летчик злобно выругался:

— Не будьте болваном, Ильин! Я вам толком сказал, что машина не поднимает больше трех. Можете вы вместить в своей башке эту простую вещь?

— Не могу вместить, Тракар, и повторяю: если механик Дюпон не будет здесь, я вам помощи не окажу.

После короткого молчания летчик ответил уже спокойно:

— Хорошо, я позову его...

— ...Товарищ Дюпон, это вы?

— Я думал, что вы уже погибли, товарищ Ильин. Вы оказались молодцом, а я растрепой, и чуть не погубил себя и вас. Но сейчас не время разговаривать. Тракар сказал, что вы будете подрывать стену. Действуйте, поговорить успеем после.

Когда Ильин спустился вниз, его встретили сияющие счастьем глаза Мадлэн.

— Андрей, значит мы сейчас улетим, значит нас не убьют?

Ильин засмеялся:

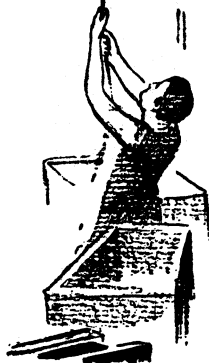
— Улетим, дорогая. Сейчас с нами будет товарищ Дюпон. Он умеет управлять аэропланом и, когда он будет с нами, тогда не страшно.

Приготовления с бомбой были не долги. Через пять минут новая веревка была перекинута через перекладину, снаряд подтянут к крыше, и Мадлэн, наваливаясь изо всех сил на веревку, с ужасом глядела на доверенную ее слабым силам и висящую у нее над головой тяжелую бомбу.

Раскачиваясь как маятник, Ильин взобрался по узловатой веревке на балку, поставил на нее бомбу и зажег шнур. Еще несколько секунд — и снаряд опустился на веревке вдоль наружной стены, а Ильин, скользнув вниз, схватил молодую женщину на руки и прижался с ней в угол за широким бетонным выступом.

Затем потрясающий взрыв всколыхнул все здание.

Осколки стекла посыпались дождем, аэроплан, как раненая птица, подскочил вверх и черкнул крылом стену перед самым лицом прижавшихся к ней людей. Еще мгновение, и столб черного дыма

погрузил в непроницаемую тьму всю внутренность ангара. Снаружи густо затрещали выстрелы, и последним восприятием Ильина был револьвер, неожиданно вынырнувший из мрака перед его глазами...

XXVII. Драма в ангаре.

Откуда-то совсем издалека раздавались голоса. Страшная боль в голове... Почему-то никак нельзя поднять повернутую под спину руку, и все покры-

валось непрерывным гудящим, все наполняющим шумом... Никак не удавалось чего-то вспомнить и как следует проснуться.

Потом любимый голос зазвучал такой тоской и страданием, что сознание сразу вернулось, и Ильин открыл глаза.

— Так значит вы спутались с этим канальей? Хорошее дело...

Тракар стоял у аэроплана и торопливо возился около пропеллера.

Туман от взрыва еще наполнял помещение, но различать все можно было уже легко. Инстинктивная попытка двинуть рукой, и положение разъяснилось. Руки за спиной были связаны.

— Как вам это понравится, Ахматов? — говорил Тракар. — Когда этот прохвост рабочий назвал его «товарищем», меня словно кипятком ошпарило, и всю их махинацию я понял сразу. Ну, того-то я хорошо угостил пулей, да и этот получил свою порцию. Пусть меня посадят переписывать в канцелярии бумаги, если весь этот дикий бунт не является делом рук их шайки.

Голос Ахматова донесся откуда-то слева:

— Скоро ли у вас будет готово?

— Не торопитесь. Нельзя поспеть скорей скорого. Вы думаете, очень легко сменить в одну минуту пропеллер, особенно когда смята резьба у гайки? Если бы не этот проклятый осколок, мы бы уже летели. Впрочем, ничего. Смотрите хорошенько за своей дырой еще десять минут — и мы будем в воздухе.

— А что мы будем делать с мадам Ленуар? — спросил Ахматов.

— С мадам Ленуар?... Летчик на мгновение пе-

Без перерыва загремели выстрелы...

рестал работать, и голос его зазвучал серьезно и глухо.

— Ведь я вас любил, мадам. Вы это знаете. И мне не было обидно, когда вы не ответили на мое чувство. Ведь вы были женой фашиста, вождя и героя. Но как вышло, что вы связались с этой дрянью? Вот чего я не могу понять! — Летчик передернул как от боли головой и снова взялся прилаживать пропеллер.

Голос Мадлэн дрожал, но слез в нем не было:

— Я его люблю. Поняли? Я его люблю. Вашей я не буду. Вы думаете, что я слабенькая девочка?.. Нет, умереть и я сумею.

Мадлэн замолчала, потом сказала тихо и с мольбой:

— Тракар, будьте человеком. Сделайте для меня только одно, оставьте меня здесь. Андрей убит... — Рыдания прервали слова молодой женщины.

Летчик расхохотался:

— Оставить здесь? Ну, нет, милочка! Вчера бы я полез к чорту на рога, если бы вы того пожелали, а сегодня... Сегодня другое дело. Что касается смерти, то это от вас никогда не уйдет, но раньше вы еще пригодитесь на что-нибудь путное... Готово. Ахматов, что там делают эти обезьяны?.. Ничего поблизости не видно? Идите сюда, и подкатим машину к воротам.

Ильин, лежавший до сих пор без движения и тщетно пытавшийся выдавить из головы хоть какую-нибудь дельную мысль, бешено рванул веревки и завозился на земле. Мадлэн с криком бросилась к нему, но в следующий момент она уже билась в руках Тракара.

— А ну-ка, Ахматов, дайте мне веревочку. Ничего не поделаешь, придется связать ей лапки... Осторожнее! Я не имею никакого желания повредить вам кожу. Ну, так хорошо. Теперь лезьте, Ахматов, в машину, а я ее вам подам... Теперь ремнями к сиденью, и покрепче. Постойте, я сам... Готово. Слезайте, заворачивайте хвост машины.

Машина медленно покатила к воротам. Несколько мгновений Ильин с холодным отчаянием провожал взглядом бледное лицо, склоненное над бортом аэроплана, затем сломилась воля, и не стало силы смотреть. Тогда бессильным

движением он опустил голову... и вдруг невольно вздрогнул всем телом.

Темная, залитая кровью фигура выползла из-под крыши большого полуразбитого ящика и, тяжело припадая на ногу и придерживаясь за стену, наклонилась к лежавшему у пролома оружию.

— Алло!..

Оба фашиста стремительно обернулись, и рука летчика уже опустилась к кобуре у пояса, когда почти без перерыва загремели выстрелы... Продолжением чудовищного сна показался Ильину Дюпон, весь измазанный кровью и поспешно развязывавший у него на руках узлы веревок.

Тракар лежал на спине близ левого крыла. Его лицо, белое от сильного внутреннего кровоизлияния, сохраняло выражение изумления. В двух шагах от него еще хрипел и дергался Ахматов.

Когда распахнулись массивные железные ворота и яркий свет залил внутренность ангара, странно было, что солнце еще едва перевалило за полдень. Рокочущий гул мотора покрыл отдельные беспорядочные выстрелы, и когда мангровые деревья болота темными точками упали в пропасть, Ильин с бесконечной нежностью обнял склонившуюся рядом с ним в глубоком обмороке молодую женщину и принялся развязывать узлы веревок.

XXVIII. Коньяк, дырки и рассказ Дюпона.

Выключив мотор, Дюпон широкими кругами спускался вниз. Чаша горизонта сжималась и делалась плоской, узенькая ниточка реки стала широкой лентой, затем далеко убежали края поляны, минуту назад казавшейся лоскутком среди бескрайной пелены леса, — и аэроплан мягко запрыгал по высокой траве.

Дюпон перегнулся назад. Его лицо было белым.

— Андрей, я уже не думал, что дотяну до земли. Ты тоже ранен. Если у тебя хватит сил, посмотри... — голос Дюпона прервался, — посмотри, у меня кажется две дырки. Если бы их перевязать... я бы немножко отдохнул и потом опять... — Он обращался к Ильину на «ты», и это было вполне естественно.

Ильин с глубокой нежностью прервал его.

— Постой, я помогу тебе слезть на землю. Я тоже получил чем-то по голове. Еще не могу сообразить, чем.

Собрав силы, он попытался поднять ослабевшее тело механика и беспомощно опустил руки:

— Ну, кажется и я... не могу... похвастать крепостью...

Дюпон с напряжением приподнялся, перешагнул на крыло и, увлекая пытавшегося его поддержать товарища, мешком упал на землю. Тяжелый толчок словно расколол голову, радужные круги метнулись перед глазами, и Ильин, теряя сознание, свалился у аппарата...

* * *

Как тогда в ангаре, его пробудил голос Мадлэн. Смутные, как сквозь туман, воспоминания кошмарного дня, бледное истомленное лицо, склонившееся над ним, тревожное и вдруг озарившееся радостью... Несколько глотков обжигающей жидкости сразу смыли остатки тумана, и Ильин без усилия поднялся на ноги.

Мадлэн смотрела на него сияющими глазами:

— Я уже перевязала тебе голову, Андрей. Это было очень удобно сделать, потому что она у тебя обрита. Пуля только разорвала кожу. Я вымыла рану коньяком, потому что нет воды, тебе конечно стало больно, и ты зашевелился. И начал должно быть ругаться, только я не поняла, потому что ты ругался по-русски.

И молодая женщина залилась счастливым смехом.

Ильин улыбаясь смотрел на ее горящее радостью лицо, затем решительно повернулся к лежащему на земле Дюпону.

— Я его тоже осмотрела, — сказала Мадлэн, — у него на левой руке, видимо, оторван палец. Уже перевязан; кровь не идет. Я побоялась трогать. Может быть опять начнется кровотечение, а я не сумела бы его остановить.

Ильин осмотрел руку лежавшего неподвижно товарища.

— Да, кровь не идет. Значит с этим можно пока не торопиться. Надо его раздеть, ведь не от одного же пальца он потерял сознание.

— Я думаю, что сначала лучше попытаться привести его в чувство, — сказала молодая женщина.

Ильина пробудил голос Мадлэн...

— Правильно. А ну - ка, дай сюда коньяк.

Однако обморок Дюпона был довольно глубоким. Только минут через десять глаза его открылись. Некоторое время механик мутным взором, как будто ничего не видя, смотрел вперед, затем начал медленно говорить:

— Теперь я как будто соображаю. Значит, мы из ямы все-таки вылезли, только с дырявой кожей. Нога болит не очень, но отчаянно горит палец.

— Нога? Куда же ты ранен? — спросил Ильин.

— В бедро. Я держал винтовку в левой руке, а правой отворял дверь, когда в дыму взрыва этот дьявол выстрелил в меня сзади. Винтовка выпала, и зацепившись на бегу за порог, я грохнулся на землю, а он выстрелил еще два, но из-за дыма попал не туда, куда хотел.

Мадлэн прервала:

— Об этом вы после расскажете, Дюпон, а сначала надо перевязать ваши, как вы их называете, дырки.

Рана на бедре оказалась сквозной, но кость не была задета. С одной стороны отверстие было закрыто сухим сгустком крови, с другой кровотоечение снова началось, когда сняли прилипшее к ноге белье. Край раны вымыл коньяком. На перевязку пошла рубашка Дюпона, и с удовлетворением рассматривая аккуратно завязанную ногу, он глубокомысленно заявил:

— Чорт возьми! На войне такая дырка была бы счастливым лотерейным номером. Нога будет цела; несколько месяцев в госпитале, и вместо тебя за это время кого-нибудь другого стукнут на фронте.

Палец по совету Ильина не стали трогать, поскольку кровотоечения не было, и все трое разлеглись в тени крыла аэроплана.

* * *

— У нас есть пословица,—начал Ильин,—«Дуракам счастье». Это специально про нас с тобой. Не знаю, что и как вышло у тебя, но я-то действовал наобум. Да впрочем ничего другого в моем положении и не оставалось. Бежать надо было во всяком случае этой же ночью, хотя не было никаких шансов на успех. Ты знаешь, это было как выигрыш в сто тысяч, когда часовой у ворот оказался мертвецки пьяным; и уже вовсе не поверил я глазам, увидя тебя вылезающим из-под ящика в ангаре. Слушай, как это тебя занесло именно в квартиру летчика?

Механик засмеялся:

— Могу тебя уверить, что это вышло без всякого заранее обдуманного плана. Я проснулся перед рассветом от страшного гвалта и суматохи возле барака (я ведь ночевал в лагере, на постройке). Луи найти сразу не удалось; думаю, что он проявил свою инициативу, так как я увидел его только в толпе пьяных зверей возле разбитого склада спирта. Что тут было!..

Дюпон покосился на Мадлэн и продолжал:

— Я видел раз еще на фронте гром винного склада. Но ведь там были люди, а здесь ошалелые чудовища, да еще с заряженными винтовками в лапах. Должно быть перед моим приходом вышла какая-то драка, потому что на земле лежало несколько трупов, а Луи сыпал направо и налево удары, от которых эти двухметровые отродья валились на землю как соломинки. В общем это была такая сумасшедшая каша, что я еле унес ноги. Кинулся конечно к домику, где ты сидел. Часовых не оказалось, а старик Идаев лежал с вдребезги разбитой головой. Мне это не понравилось. Когда все двери оказались запертыми, а твоя камера пустой, я сначала стал втупик. Потом в голову пришла дельная мысль, и я начал осматривать землю от трупа Идаева к дому, — ведь не ангелы же на крыльях перенесли его за сто шагов от клетки, — да вдобавок я знал, что у тебя подготовлен подкоп. Естественно наткнулся на дыру в земле, — и здорово, знаешь, тебя похвалил. Ну, так. Прежде всего надо было тебя отыскать и конечно не на обезьяньей территории. Поэтому я подался к воротам, выбрался без затруднения наружу... И вот тут-то мне никак и не пришло в голову, что ты первым делом займешься...

Дюпон взглянул на Мадлэн и во-время поперхнулся.

— ...А то бы я конечно отыскал тебя сразу. Почти вслед за мной стали один за другим выходить из ворот гориллоиды, и я решил держаться поближе к ним, чтобы при случае через Луи попытаться направлять события. В этот момент капрал с несколькими солдатами выскочил из караульного здания, бросился к воротам и сразу же за стеной наткнулся на целую толпу. Все-таки молодец был покойник: нисколько не оробел и первую же попавшуюся обезьяну ударил в грудь прикладом. Но только результатом вышел совсем непредвиденный. Винтовка тут же вылетела из его рук и, прежде чем капрал смог что-нибудь понять, обрушилась на его лысину. Нормально — черепок лопнул. Остальные солдаты, отстреливаясь, бросились бежать, несколько этих чудовищ за ним, а одно почему-то кинулось за мной.

Зря я задержался там дольше времени. К двери ангара мне бежать было уже нельзя, потому что дорогу загораживали другие черти, и я подался полным ходом в ближайший домик — к летчику.

— А он уже знал о бунте?

— Преспокойно выпивал с этим пучеглазым лаборантом и выругал меня, когда я влетел к нему в комнату. Потом, надо отдать ему справедливость, он весьма отчетливо и первой же пулей, прямо в голову положил ворвавшуюся за мной образину. В доме было несколько винтовок, и мы выскочили уже вооруженные. В это время поднялся невероятный рев, и вся масса ошалелых демонов с ружьями в руках бросилась в нашу сторону. Мы заперлись в доме и открыли огонь. Помню еще, что профессор Кроз бежал навстречу своим питомцам и размахивал руками. Должно быть пуля угодила ему в хорошее место, потому что он как упал, так и не пошевельнулся. Нас конечно спасло только то, что почти вся толпа пробежала мимо и занялась продуктовым складом... Но это было с моей стороны, а что было с вашей? И почему все эти дьяволы сразу вдруг словно сорвались с цепи?

Ильин опасливо посмотрел в сторону Мадлэн и сделал предостерегающий знак.

— Погоди. Об этом успеем потом. А как вышло, что ты уже раненый оказался все-таки в ангаре?

Дюпон поднял брови и пожал плечами:

— Не дожидаться же мне, пока обезьяны сделают из моей головы яичницу! Рана мне не мешала, и нога затекла уже потом, так что я просто вошел в дым взрыва в ангар и залез под первый попавшийся ящик. Рассуждать долго не приходилось, потому что ты ведь был в ангаре, и если у нас и был какой-нибудь шанс, то конечно только вдвоем, а не поодиночке...

— Ну, а потом?

— Потом? Ты не издавал ни звука. Думаю, они с тобой покончили; значит расчет совсем простой: во-первых — надо дать Тракару сменить пропеллер, потому что сам я с дырявой ногой и без пальца с ним не справился бы; во-вторых, я

один и без оружия, а их двое, значит надо подождать, пока они кончат и подкатят машину, чего я сам также не сделал бы. Мне оставалась одна задача: за их спиной подойти к пролому и взять револьвер. И видишь: вышло как по-писаному.

— А зачем ты их окликнул? — недоумевающе спросил Ильин.

Дюпон рассмеялся:

— Знаешь, захотелось посмотреть цвет лица Тракара, когда он увидит покойника с оружием в руке. Ну, теперь выкладывай твою историю.

Ильин рассказал про ночные и утренние события, вплоть до момента взрыва, умалчивая о Ленуаре.

XXIX. Бивак на поляне.

Дюпон слушал с напряженным вниманием, затем с усилием повернулся набок и взглянул на опускавшееся к горизонту солнце.

— Во всем этом деле, — сказал он, — есть только одна слабая сторона: мы не захватили с собой еды. После всей этой передряги я до того хочу есть, что съел бы ломовую лошадь. И главное — неизвестно, когда в следующий раз нам удастся пообедать.

— У нас есть кое-что, — сказала Мадлэн.

Дюпон даже привстал:

— Так за чем дело стало!.. Где вы нашли?

— В сумке сбоку сиденья. Там несколько коробок консервов и четыре бутылки вина. Хлеба нет, воды тоже нет. Тракар говорил, что воду могут пить только утки.

Молодая женщина быстро достала консервы и бутылки. Ильин с некоторым затруднением открыл ножом коробки, и когда голод был утолен, Дюпон начал обсуждать план дальнейших действий.

— Большая половина дела сделана, но и над остальной частью надо еще хорошенько поломать мозги. Главный вопрос конечно не в том, чтобы улететь. Это-то сделать мы всегда сумеем, а в том, чтобы начатое дело довести до конца.

Ильин обернулся к молодой женщине:

— Я думаю, что прежде всего надо, пока светло, подумать о ночлеге. Дюпон пока полежит здесь, а мы вдвоем сходим за ветвями вон к той группе деревьев. Правда у меня голова сильно болит и кружится, но как-нибудь я все-таки дотащусь.

Мадлэн с возмущением прервала его:

— Как тебе не стыдно говорить такие глупости! Как будто я сама не могу сходить и нарезать веток! И лежи пожалуйста смирно, слышишь!

Когда она отошла на несколько шагов, Ильин быстро заговорил:

— Я нарочно так повернул, чтобы Мадлэн ушла. Я вовсе не хочу, чтобы она возненавидела и нас. Все-таки ведь

это мы были причиной смерти ее мужа. Правда она чувствовала к нему только ужас, но все-таки...

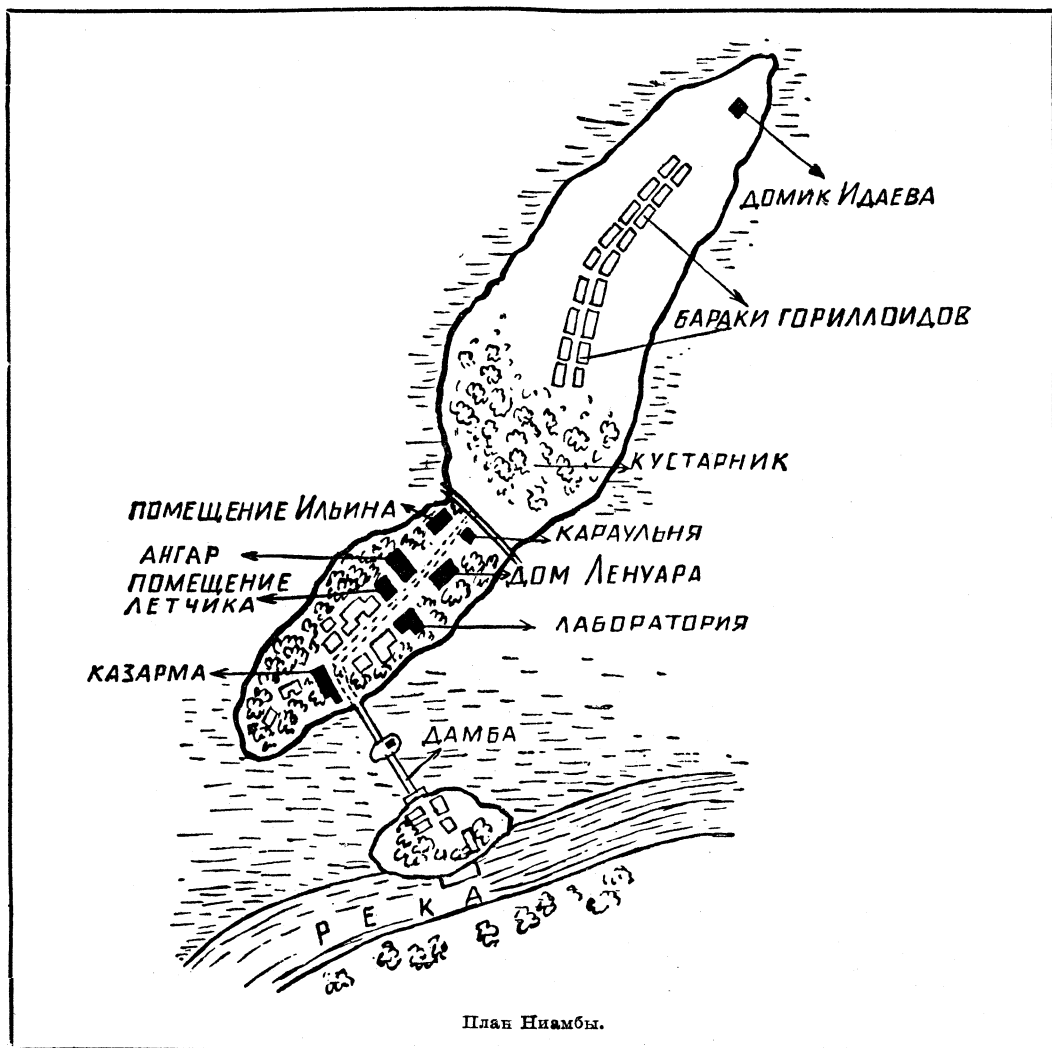
— Так значит Ленуар убит?

— Ну, конечно. Ты же видел, как я сворачивал в сторону, как только разговор подходил к этому пункту. Раненая обезьяна перегрызла ему горло.

— Здорово!

— Так видишь, — продолжал Ильин, — дело надо доводить до конца, но надо, чтобы она этого не знала. Перед насилем и кровью у нее болезненный ужас, и если она узнает, что разгром и резня в Ниамбе дело наших рук, она отвернется от меня.

Дюпон засмеялся:

План Ниамбы.

— Любовь, следовательно! Ну, ладно, пусть будет так. Теперь о деле. Когда мы спустились, я, уже теряя сознание, все же запомнил громадный столб дыма над Ниамбой. Доблестные воины покойного капитана, да кстати и их долготерпеливые черные мамыши теперь уже вероятно начисто разнесли и спалили все заведение. Луи был в толпе и направлял ее к складу. Но конечно руководить пьяными чертями во всем он не мог. Все-таки мне кажется, что это он нарочно отвлек толпу к продуктовому складу, иначе они мигом сломили бы наше сопротивление. Конечно у него свои соображения, и я никогда не мог влезть в его дикую сумасшедшую башку. Но я потому за него спокоен, что его чудовищные мечты о крови и власти требуют для осуществления как раз тех действий, которые нам сейчас нужны. Уговор же был такой: разнести Ниамбу, захватить большой катер на пристани, переправить зверей на ту сторону реки, чтобы двинуться на институт. Один молодой негр, с которым у меня завязались сношения и который работал на катере, должен был для этого вынуть на время какую-нибудь часть из машины и помешать отвести его от пристани, когда начнется суматоха. Радио я испортил сам сегодня ночью и испортил на совесть. По этой стороне реки пути нет ни направо ни налево из-за болота, да кроме того институт на той стороне. Значит там еще ничего не могут знать. Впрочем я не думаю, чтобы птенчики сегодня переправились через реку. Несомненно все обезьяны пьяны в доску, а с ними конечно и негры, кроме разве двоих наших.

— Так ты убежден, что они не тронули негров? — спросил Ильин.

— Ну, конечно. Все-таки ведь «родственники».

— Но в таком случае нам здесь нечего делать. Надо скорей лететь в институт и предупредить своих.

Дюпон отрицательно покачал головой:

— Сегодня я еще очень слаб, и скоро вечер — это-во первых и во-вторых, а в-третьих — армия генерала Луи прибудет туда берегом только завтра, во второй

половине дня. Значит самое правильное — сегодня отдохнуть и выспаться, а завтра утром двинуться в путь.

Когда Мадлэн притащила охапку ветвей, Ильин несмотря на протесты молодой женщины сходил за остальными нарезанными ею ветками и устроил довольно приличную постель.

Ночь пришла сразу, как это бывает под тропиками, и когда звездами загорелось черное небо, все трое, накрывшись брезентом, улеглись рядом под крылом аэроплана.

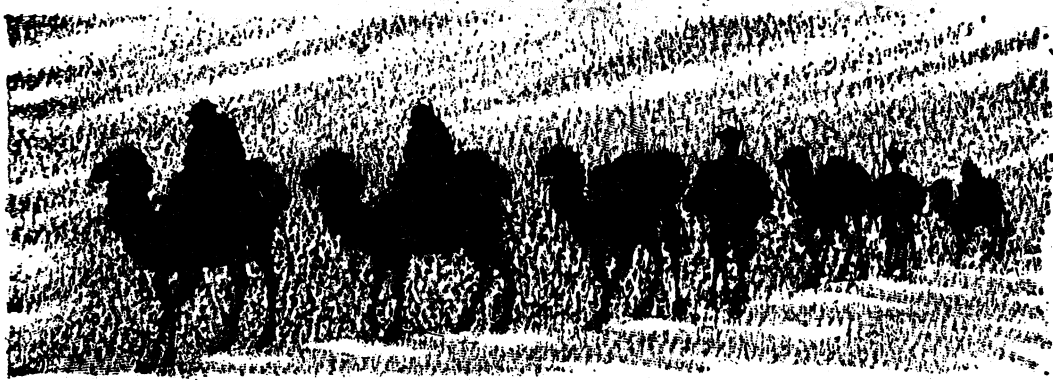
Мадлэн скоро задремала, положив голову на руку Ильина. Несколько раз она быстро-быстро начинала говорить жалобные и бессвязные слова, два раза во сне по-детски всхлинула, затем постепенно успокоилась и крепко заснула. Дюпон давно уже тихонько насвистывал носом. Ильину не спалось.

Ночь была тихая и теплая. Яркие звезды глядели с бездонного неба. Со всех сторон неслись переливающийся неумолчный звон цикад. Жутко кричала вдали на опушке леса какая-то ночная птица. Черные тени огромных летучих мышей ныряли откуда-то сверху к белевшему на поляне силуэту аэроплана и снова исчезали во мраке.

Прислушиваясь к звукам ночной жизни тропического леса, Ильин медленно перебирал в памяти сумбурные воспоминания сегодняшнего дня. Дикий рев толпы гориллоидов, окровавленная, с перегрызенным горлом бессильно закинувшаяся назад фигура Ленуара, злорадные нотки в голосе Тракара и сверкающая победная радость, когда глубоко внизу остались выстрелы и пылающие развалины Ниамбы и когда, обнимая одной рукой хрупкое безжизненное тело Мадлэн, он развязывал узлы веревок.

Потом, как на экране кинематографа, на мгновение почему-то вырисовались залитые весенним солнцем колонны Большого театра в Москве, красивые розово-щекие девушки в легких ярких платьях и сказочно прекрасный Кремль, нависший высоко над рекой, — и в звенящей радости жизни постепенно растворились остатки засыпающего здоровым сном сознания...

(Окончание в следующем номере)

ПОД МЛЕЧНЫМ ПУТЕМ

Рассказ П. Орловца

Рисунки худ. В. Щеглова

Солнце жгло немилосердно. Мой ишак еле передвигал ноги. Даже выносливые верблюды словно приуныли, и бубенцы звенели тоскливо и глухо. Переход этот самый большой. К тому же, вследствие долгой засухи, колодец, около которого мы провели последнюю ночь, оказался почти без воды, и на долю каждого верблюда ее досталось не более ведра. Только ослы и люди получили достаточные порции.

Караван покинул последнюю стоянку с рассветом, чтобы к вечеру достигнуть берега Сыр-дарьи, этой живительной артерии Голодной степи.

Таджик Амру, агент Хлопкотреста, он же и предводитель каравана, обливаясь потом, ехал впереди на ишаке. Верблюды идут охотнее, когда караван возглавляет ишак.

Ноги Амру касались земли, и маленького ишака почти не было видно под грузным седоком. Амру то-и-дело награждал своего ишака палочными ударами, чтобы он не замедлял движения идущего позади каравана. Двугорбые светлокарие великаны шли мерным широким шагом, таща на горбах огромные туки с хлопком.

Язык и губы до того пересохли, что, казалось, вот-вот растрескаются, как чернозем в засуху. Взгляд уныло скользил по безотрадной песчаной Голодной степи.

Я подогнал своего ишака и поравнялся с Амру:

— Скучное место.

— Голодная степь. — Амру пожал плечами. — Но все же это не пустыня. Ран-

ней весной здесь начинаются сильные дожди. На два-три месяца степь покрывается травой, и в это время сюда пригоняют свои стада киргизы-кочевники. Но в конце мая или в начале июня дожди прекращаются, и степь выгорает до последней травинки. Начиная с июня, здесь не увидишь даже мыши. Ты сам видел — на протяжении всей дороги через Голодную степь мы встретили всего два колодца, из которых один почти высох. Если я пойду обратно, то наберу для людей и ишаков воды в бурдюки. За верблюдов беспокоиться нечего. Они могут пробыть без воды три и четыре дня.

Амру любил поговорить и, очевидно, был рад, что я подъехал к нему.

— Ай, ай! — он улыбнулся. — Аллах создал пустыню, но человек перехитрил аллаха.

— Как так?

— Ой! Разве ты не слышал? Недавно сюда приезжали из Москвы инженеры и другие люди. Они говорят, что через пять-шесть лет Голодная степь превратится в зеленый рай. Они хотят строить здесь города и поселки, провести всюду оросительные каналы, засеять пустыню хлопком и засадить фруктовыми садами. Аллах силен, но человек еще сильнее!

Амру хотел поразить меня. Но мне хорошо был известен проект орошения Голодной степи. Через несколько лет мертвая пустыня превратится в плодородную цветущую равнину. Широко раскинутся поля хлопка и различных хлебных злаков. На это дело советское правительство решило ассигновать сто мил-

лионов рублей. В бытность мою в Ленинграде я помогал знакомому инженеру в работе по составлению сметы.

Наш разговор внезапно прервал резкий неприятный рев одного из верблюдов. И в ту же минуту все верблюды каравана заорали как один.

— Они все заодно, — заметил Амру. — Если беспокоится один, беспокоятся все; если сердится один, его поддерживают другие; если обидеть одного, все стадо выражает ему сочувствие. Нередко случается, что один верблюд жертвует собою ради всего стада.

— Ты, вероятно, хорошо изучил нравы верблюдов и ишаков, — улыбнулся я.

— Я провел жизнь среди них. Ишак упрям, но упрям глупо. За свое дурацкое упрямство он часто бывает бит. Когда на него найдет упрямая полоса, он не признает ничего. Верблюд же упрям, но самолюбив и умен. Он и упрям-то из-за самолюбия. Осел не обижается на палку, верблюд же ненавидит ее. Я знаю хорошую сказку...

— Ты расскажешь ее мне?

— Когда мы будем сидеть у костра, я тебе ее расскажу.

Позади раздался храп головного верблюда. Я обернулся и заметил, что он усиленно втягивает ноздрями воздух, вытянув длинную шею. Наши ишаки тоже подняли уши.

— Они почуяли воду, — заметил Амру.

Близость воды подбодрила животных, и они прибавили шаг. Солнце все ниже спускалось к горизонту, и сорокаградусная жара постепенно сменялась приятной прохладой. Начали попадаться травинки, редкие кустики. С каждым километром растительность становилась все гуще. Потянулись хлебные поля. Когда-то все эти места были засеяны хлопком, но голодные годы и железнодорожная разруха времен гражданской войны заставили прежних хлопководов засеять хлопковые поля хлебными злаками. В настоящее время хлопок мало-помалу начинает отвоевывать свои прежние участки.

У первого арыка верблюды и ослы с жадностью напились. Утомленные животные не желали идти дальше. Поднялся невероятный содом: рев верблюдов

и крики ишаков смешивались с воплями погонщиков и щелканьем бичей.

— Один за всех и все за одного, — смеялся Амру.

Однако люди в конце концов победили. Караван снова вытянулся в линию и двинулся дальше.

Изредка попадались кишлаки узбеков. Улицы казались пустынными, постройки были спрятаны за сырцовыми стенками дворов, и лишь на плоских кровлях кое-где виднелись туземцы.

А вот и Сыр-дарья, широкая и многоводная красавица-река. Ишаки и верблюды радостно заревели.

Амру довел караван до намеченного места. И снова рев. Верблюды прекрасно понимали, что сейчас с их горбов снимут груз, и все же не желали становиться на колени, потому что их к этому принуждали. Но вот тяжелые тюки упали на землю около раскинутых шатров. Затрещали костры, и таджики занялись приготовлением пищи.

* * *

— Амру, ты хотел рассказать мне сказку, — напомнил я, когда после сытного обеда мы принялись за чаепитие. Погонщики тесным кольцом окружили караванбаша (начальника каравана), усевшись по-восточному на кошмах около костра.

— Ты хочешь послушать сказку? — Амру погладил бороду. — Только это не совсем сказка. — Он поднял голову и задумчиво глядел на небосклон, где зажглись мириады звезд. Млечный путь мутно светящейся лентой перепоясывал небо.

— Что видишь ты там, Амру?

— Дорогу к истине. — Он указал на Млечный путь. — Дорога из звезд, и в каждой звезде — тайна. Когда человек познает тайну звезд, он познает тайну пути к истине.

— И тогда?

— Тогда он станет выше аллаха, потому что выше истины нет ничего.

— Но почему ты говоришь об истине, когда хотел рассказывать о верблюдах?

— Потому что, когда я думаю о верблюдах и о других животных, мне иногда кажется, что они знают больше чем мы,

но только мы не понимаем их языка. Отчего верблюд чувствует приближение бури, а я нет? Отчего он чует воду за десятки километров, а человек может умереть от жажды в каком-нибудь километре от воды? Разве ты не замечал, как часто верблюды задумчиво смотрят на небо, туда, где оно сходится с землей, куда уходит светлая дорога к истине? Почему один верблюд стоит за всех? Он зол и мстителен, но только по отношению к врагам. Он горд и не любит покоряться молча. Поэтому-то он и кричит, когда человек заставляет его становиться на колени или подыматься с земли.

— Об этом и говорится в твоей сказке? — перебил я.

— Да. — Амру кивнул головой. — Мулла Ирамэ был великий мудрец, хотя жил шестьсот лет назад. Он был мулла, но не очень-то веровал в пророка, зато верил в истину, потому что истина и есть бог. Он написал замечательную книгу притч, в виде сказок, но в эти сказки надо вдуматься. Сам шах распространял эту книгу, но муллы, прочитав ее, пришли в ярость. Они отобрали все книги у тех, кому их дал шах, и сожгли. Говорят, шах очень рассердился. Ведь этим поступком муллы оскорбили его самого. Он приказал снова размножить книгу в пятистах списках и роздал их придворным под расписку. Каждый, получивший книгу, должен был вернуть ее шаху через девять лет, иначе он лишился бы головы. А так как всякий иранец отлично знал, что для шаха

качан капусты дороже человеческой головы и даже головы визиря, то, конечно, никто не посмел отдать муллам страшную книгу.

— К чему ты это говоришь? — удивился я.

Амру остановил меня жестом:

— Любопытство свойственно людям. Иметь в доме девять лет книгу, которую сжигали муллы, и не прочесть ее — трудно. И понятно, все те, кто получил от шаха книгу, прочли ее и заинтересовались ею. Они давали ее читать родным и знакомым тоже под расписку. И хотя книга муллы Ирамэ говорит против корана, иранцы чтят ее как священную.

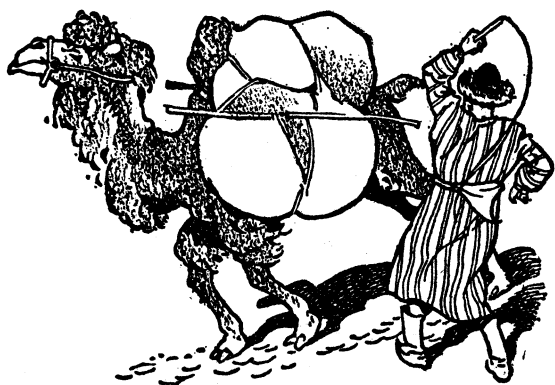
Амру погладил бороду и продолжал:

— Вот что рассказывает в своей книге мулла Ирамэ. Однажды по пустыне шел караван верблюдов. Прошло три дня, а караван все еще не мог добраться до зеленого оазиса, где находились ручьи и колодец. Под палящими лучами солнца тяжело нагруженные животные еле передвигали ноги. Но больше всех страдал задний верблюд. Он до того обессилел от жары, жажды и усталости, что несколько раз падал по дороге, и лишь бич безжалостного погонщика заставлял его напрягать последние силы и не отставать от каравана.

Кое-как доплелся он следом за другими до оазиса и грохнулся на траву. Напрасно погонщики, сняв с него кладь, старались поднять его, напрасно сovali к его морде ведро с водой. Несчастный верблюд лежал с закрытыми глазами, не будучи в состоянии поднять голову. И пока другие верблюды паслись на пышном лугу, больной верблюд неподвижно лежал на земле. Прошла ночь. Все верблюды наелись и напились, подкрепились сном, а больной верблюд продолжал лежать. Повидимому, он издыхал.

«Бросим его здесь, — сказал хозяин каравана. — Итти он не может, а шкура его так облезла, что ее не стоит и сдирать. Дикая птица уничтожит падаль, а если он выживет, мы его, может быть, когда-нибудь найдем».

Люди нагрузили верблюдов, и караван двинулся дальше. А больной верблюд остался в оазисе. Полдня лежал он без движения. Но вот он открыл глаза, на-

Больше всех страдал задний верблюд...

Караван ушел дальше, оставив больного ишака...

прыг силы, вытянул шею и запекшимися губами щипнул траву. Раз, другой, третий... Сочная трава освежила его, он поднялся на колени и начал жадно щипать траву вокруг себя. И чем больше он ел, тем быстрее восстанавливались его силы. Наконец он кое-как поднялся на ноги, шатаясь дошел до густой рощи и утолил жажду в прозрачном ручье.

С этого дня он стал быстро поправляться. На больших лесных полянах было достаточно сочной травы, а в ручьях — студеной воды. К тому же тяжелые тюки теперь не давили ему горба. Он окреп, пополнил, и шкура его покрылась густой мягкой шерстью, из которой люди делают такое прекрасное сукно и другие шерстяные ткани. Греясь под солнечными лучами, он прославлял аллаха, а по вечерам смотрел на широкий Млечный путь и думал о далеких братьях, попрежнему носящих на горбах тяжелые тюки.

Случилось однажды, что тою же дорогой шел караван ишаков. И то же, что и с верблюдом, случилось с одним из ишаков. Измученный и избитый, он едва добрался до оазиса и упал на землю. Он не пасся вместе с другими, не пил воды, и, когда на следующее утро караван собрался в путь, больной осел продолжал лежать неподвижно. Он был страшно худ, и ребра резко выделялись под облезлой шкурой.

«Придется бросить его здесь, он все равно издохнет, а за шкуру его дадут такие пустяки, что не стоит даже снимать ее», — сказал хозяин каравана. И караван ушел дальше, бросив больного ишака.

Весь день пролежал ишак без движения. Но вечерняя прохлада освежила его. Он вытянул шею, щипнул траву, еще и еще. Еда подкрепила его силы. Он поднялся на ноги, дошел до леса, отыскал ручей и утолил жажду.

С этого дня он зажил свободной жизнью. Ел сочную траву, пил прозрачную воду, грелся на солнце и толстел с каждым днем. Однажды, встретив верблюда, он произнес обычное приветствие:

«Селям алейкум. Да святится имя аллаха!»

«Алейкум селям. Да святится имя истины!» — ответил верблюд.

«Одно плохо: ты будешь жрать траву и пить воду, тогда как всем этим я мог бы пользоваться один», — проворчал осел.

«О, осел! — рассмеялся верблюд. — Разве ты не видишь, что травы и воды здесь хватило бы на сотни ослов и верблюдов. Что касается меня, я рад, что встретил в моем одиночестве товарища, хотя и... осла».

С этого дня они зажили вдвоем. Днем они паслись на великолепных лугах, ели цветистую сочную траву, пили воду, купались, а ночью спали в гуще леса. Так проходили недели и месяцы.

Но вот однажды, когда осел и верблюд паслись по обыкновению на пышном лугу, до их слуха долетели далекие звенящие звуки. Верблюд испуганно вытянул шею, а осел поднял длинные уши.

«Я узнаю их. Это звенят бубенцы ослов! — радостно воскликнул осел, подкинув задними ногами. — Это наши ослы. Я хочу петь!»

«Ты с ума сошел! — закричал верблюд. — Ты хочешь, чтобы тебя услышали люди и поймали нас. Неужели тебе не дорога свобода?»

«Это идут наши ослы. Я хочу петь», — упрямо твердил осел.

«Ради самой истины, перестань! И если тебе так уж хочется снова таскать тюки, так ступай один к каравану и пой там сколько угодно. Почему ты хочешь, чтобы и я пострадал из-за твоей глупости и упрямства?»

Но осел был осел. «Я хочу петь!» — взвизгнул он. Он радостно завертел хвостом, вытянул шею и заорал во все ослиное горло.

«Дурацкая подлая скотина!» — завопил верблюд. И тут он плюнул ослу прямо в морду.

А ты знаешь, как плюют верблюды, когда на кого-нибудь злятся. Они выплевывают разом добрый литр слюны — и прямо в лицо. Таким-то плевком и окатил рассерженный верблюд морду осла. Но осел только отряхнулся и продолжал орать изо всей силы.

«Эге! — сказал начальник каравана, услышав ослиный крик. — В этом оазисе нет селений, но я слышу крик осла. Видно это кричит отбившийся от какого-нибудь каравана осел. Если он достаточно хорош, то пригодится мне».

И он велел своим людям обшарить весь оазис. Люди обыскали луга и рощи и поймали осла и верблюда. Им надели недоуздки и привели к хозяину.

«Этот осел сильнее всех, и я поеду на нем впереди. А так как пойманный верблюд тоже сильнее моих, мы как следует навьючим его, и пусть он идет передним», — решил о радованный хозяин.

Громко кричал бедный верблюд, которому вместо прежней свободы дали тяжелую ношу. И когда караван тронулся в путь, досада его перешла в ярость. «О, осел из ослов! О дубина из дубин! Дурацким упорством ты лишил меня и себя свободы! — ворчал верблюд. — Ведь пришла же в голову ослиная мысль петь!»

Но осел презрительно махнул хвостом и хлопнул ушами: «Подумаешь, какая беда. Ведь теперь я знаю, как освободиться. И если я останусь в другом оазисе, я буду в нем полновластным хозяином».

«О, осел из ослов! — вздохнул верблюд. — Если б я знал...» Он не договорил, потому что вдали показался оазис.

Но лишь только караван вошел в оазис, осел упал на землю и притворился мертвым. Однако бока его раздувались от дыхания, и хозяин не поверил ему. Сначала он попробовал поднять осла за повод. Напрасно. Тогда он стал бить осла плетью, но и это не помогло. Выбившись из сил, хозяин бросил осла, не понимая, что с ним стряслось: «Пускай шайтан вырвет мне бороду, если тут можно что-нибудь понять. Он на

вид здоров и толст, и нельзя бросать такое животное в пустыне. Если в городе продать его на мясо и шкуру, за него дадут хорошие деньги. Привяжите его к горбам переднего верблюда, а груз распределите между остальными».

И упрямого осла укрепили на спине головного верблюда.

«О, проклятое, упрямое животное! — стонал верблюд, таща на горбах ненавистного осла. — Мало того, что он лишил меня и себя свободы, я должен еще тащить его!»

«А мне очень удобно и мягко на твоих горбах, — издевался осел. — Право, можно подумать, что я еду на подушках, словно богатый эффенди¹⁾».

«Ты еще раскасаешься в своей шутке», — проворчал верблюд. И он перестал от вечать на издевательства ишака.

К вечеру караван подошел к глубокой реке, через которую был перекинут узенький старый мост без перил. Выждав, пока хозяин переедет на другой берег реки, передний верблюд осторожно ступил на мост. Но, дойдя до середины, он вдруг остановился:

«Я хочу танцевать!»

«Ты с ума сошел! — закричал осел. — Разве ты не видишь, что это мост!»

Но верблюд упрямо повторял:

«Я хочу танцевать и буду танцевать».

«Дурацкий горбун, я вовсе не желаю тонуть из-за твоего упрямства! — вопил

Он радостно завертел хвостом, вытянул шею и заорал во все ослиное горло...

¹⁾ Эффенди — господин.

испуганный осел. — Ведь я привязан к твоим проклятым горбам. Переходи скорей на другой берег и там танцуй сколько угодно».

«Но ведь и я не хотел лишаться свободы, когда тебе захотелось петь. Разве я не просил тебя молчать и разве ты послушал меня? Не ты ли вопил во все свое ишачье горло до тех пор, пока люди не поймали меня и тебя». — И, повернувшись к собратьям, верблюд крикнул:

«Братья, когда в стадо верблюдов вмешается ишак, он своей глупостью и упорством испортит жизнь сотне верблюдов. Он предал меня и, аллах знает, может быть предаст и других. Так пусть же он погибнет, прежде чем сделает зло другим! Но я не в силах сбросить его, он привязан ко мне. А между тем звериный закон повелевает: пусть лучше погибнет один за всех, чем даст подлости и глупости погубить остальных. Итак, во имя истины...»

Тут верблюд поднялся на дыбы и изо всей силы грохнул копытами по ветхому мосту. Доски треснули, и... осел с верблюдом рухнули в реку вместе с обломками. Так погибли осел и верблюд.

«Ты с ума сошел!» — закричал осел...

— Нет лучше рассказчика чем Амру!
— Верблюд был мудр и поступил правильно.

Все слушатели наперебой высказывали свой восторг.

— Великим мудрецом был мулла Иромэ, — торжественно сказал Амру — И теперь он идет, а может быть уже дошел по светлой дороге к истине — он указал на Млечный путь — Мулла Иромэ говорил про осла и верблюда, но разве между людьми не случается то же самое, и разве верблюд не показал, как надо поступать с такими ишаками? И разве мало было людей, которые жертвовали собой ради счастья и покоя других?

Амру умолк. Костер лениво догорал и фигуры лежащих верблюдов казались темными кучами при слабых отблесках огня. Луна давно скрылась, и звезды насмешливо подмигивали земле с сонного небосклона. Перепоясывая небо, широкой лентой извивался искрящийся ту-

манно светлый Млечный путь. Дорога из звезд, и в каждой звезде — тайна. Когда человек познает тайну звезд и мироздания он познает истину.

Я лег на кошму накрылся одеялом и заснул.

Галерея Колониальных народов мира

НАРОДЫ САХАРЫ

Туареги

Нет живого существа на земле, которое отличалось бы такой поразительной приспособляемостью к природным условиям, как человек. Эта исключительная способность выживания является следствием того, что в отличие от животных человек принаровляется к окружающей его обстановке не только путем изменения строения своих органов, но главным образом через приспособление культуры, носителем которой он является, к новой обстановке. Всякая человеческая группа, народность, как бы низко она ни стояла, обладает культурным достоянием, которое и делает для нее возможной жизнь в данной природной обстановке; если бы человечество не обладало с древнейших времен способностью быть носителем хозяйственных и психологических навыков, оно никогда не смогло бы распространиться по всему земному шару, заняв даже мертвые пространства за полярным кругом, дышащие влажным зноем тропики, сожженные солнцем безводные пустыни и грозный океан.

Области внутренней Сахары, казалось бы, совсем не благоприятны для заселения. Однако и здесь мы находим многочисленные кочующие племена. Это племена воинственных туарегов и тиббусов. Территория их непрерывных передвижений ограничена горами Большого Атласа с севера, простирается на юг до реки Нигера и озера Чад и на восток до Ливийской пустыни. Ландшафт песчаной пустыни с редкими оазисами сменяется в некоторых местах горными пейзажами. Такова горная страна Тибести, населенная тиббусами, до сей поры почти недоступная для европейцев. С большими лишениями и опасностями для жизни ее изучал первый и почти единственный побывавший там европейец — немецкий путешественник врач Нахтигаль (экспедиция 1868 — 1870 годов).

В руках туарегов и тиббусов находятся караванные пути в Сахаре. Эти «дороги» соединяют побережье Средиземного моря с оазисами пустыни, а также с территориями негрских государств Судана. Туареги — предприимчивые торговцы. Торговлю они ведут частью за свой счет, частью в складчину; а иногда

нанимаются водить чужие караваны или сдают в наем верблюдов. В прошлом самым ценным «товаром», который вполне выдерживал дорогой караванный путь, были черные рабы — негры. С запрещением работорговли многие города Сахары запустели, и торговля сильно упала.

Города пустыни, конечно, не похожи на города Средиземного моря. В Гатском оазисе (к югу от Фессана) дома, несмотря на обилие камня в окрестностях, построены из глины. Минимальную потребность в строевом лесу для этих лачуг покрывает финиковая пальма.

Постройки таковы, что одного сильного дождя было бы достаточно, чтоб размыть их. Посередине города расположена четырехугольная базарная площадь. Город окружен стенами не выше трех метров; в стенах — шесть запирающихся ворот. За городской стеной к югу — предместье, имеющее около шестидесяти глиняных домов, с запада — деревня, представляющая собой разбросанные группы хижин из пальмовых ветвей. Городские стены имеют назначение защиты от врагов, так как военные столкновения между отдельными племенами туарегов, а также между туарегами и

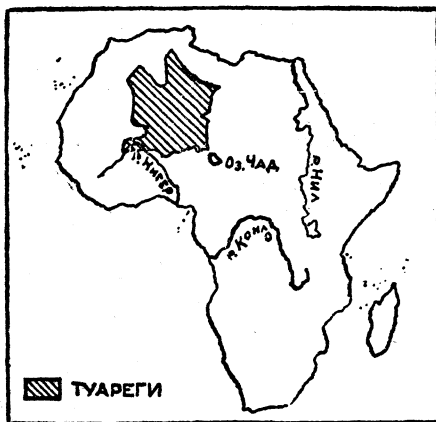
тиббусами, до настоящего времени самое обычное явление.

Поводами для столкновений часто служат споры за пастбища. Туареги, несмотря на наличие у них городов, не имеют все же твердой оседлости. Основу их хозяйства составляет скотоводство — разведение верблюдов, овец и коз (в Тибести). В сезон дождей население откочевывает и ходит со своими стадами по обширной территории; в период бездождя кочевники опять собираются в местах, где сохраняются в засушливое время года пастбища. Тут-то обычно и разыгрываются столкновения отдельных племен.

Во время перекочевки туареги живут в палатках, крытых шитыми шкурами или парусиной; тиббусы употребляют для покрытия плетеные из пальмы рогожи.

Туареги как по языку, так и по антропологическому типу резко отличаются от населения соседнего с ними Судана и вообще от негритянского населения Африки.

Это люди высокого роста, стройные, сухие и жилистые. Цвет кожи — светло-желтый; губы

Карта распространения туарегов на Африканском материке.

нетолстые, верхняя часть лица не выдается вперед. Всеми этими признаками они резко отличаются от негров. Носы узкие, с высоким переносьем, с изгибом, который можно видеть на стенной живописи древнего Египта.

Язык туарегов относится к группе хамитских языков. На языках этой же группы говорят также берберы Марокко и Алжирии и население полуострова Сомали. Язык древних египтян тоже причисляется к языкам хамитской группы.

Страна туарегов с запада, севера и востока окружена территориями различных арабских племен. От арабов туареги заимствовали ислам и целый ряд социальных и культурных установлений. Между прочим, и старый тип одежды (из шкур) вытеснен почти без остатка арабской одеждой из ткани. На голове носят турбан, а лицо обязательно завертывается покрывалом из прозрачной материи. Привилегированное сословие имеет покрывало синего цвета, простой народ — белого. Из сословия «благородных» выбираются вожди племен.

Кроме двух указанных групп (знати и простого народа), среди туарегов значительна еще прослойка негров-рабочих, лучше сказать — рабов, на которых лежит значительная доля работы по уходу за скотом, приготовление рогож, выделка шкур, окраска и шивание кож. Женщины занимаются изготовлением масла, сыра и других молочных продуктов, которые составляют основу питания кочевников. В оазисах, где возможны не-

которые формы земледелия и культур финиковой пальмы, главная часть работ по орошению также лежит на черных рабочих. Сословие знати земледелием совсем не занимается.

Жизнь в пустыне, полная лишений, вырабатала у туарегов своеобразные черты характера. Это люди с большим чувством собственного достоинства, стальной волей, большой отвагой, с многими прекрасными качествами. Они способны быть воинами и правителями, но также и разбойниками. Раздробленность племен крайне затрудняет какие бы то ни было договоры с ними.

Постоянная воинственная настороженность и чувство недоверия к встречному в пустыне человеку способствовали образованию ряда интересных обычаев. Существует форма приветствия, которая выражается в том, что двое встречных приветствуют друг друга без слов, сидя в седле друг против друга с закутанными лицами, с поднятым копьём в руке. При встрече двух караванов вперед выезжают дозорные; караваны останавливаются. Заряжаются длинные ружья, замки их освобождаются от обернутых вокруг лохмотьев оружие поднимается обеими руками высоко над головой, и лишь постепенно дело доходит до окликов и обмена словами. Когда обе стороны узнают друг друга, происходит уверение в самых мирных намерениях, и караваны разъезжаются с взаимными пожеланиями благополучия.

Б. В.

ОБО ВСЕМ И ОТОВСЮДА

КОСТЮМЫ ИЗ КРЫЛЬЕВ БАБОЧЕК.

Оригинальное применение крыльев бабочек нашел английский художник-мастер Горвард. Получив однажды заказ из детского театра разрисовать несколько фантастических костюмов, он на этот раз выбрал необычайный образец красок для своей работы, а именно составил целое полотно из одних только крылышек разных видов бабочек, которое и послужило ему основой для разрисовки костюмов. Не довольствуясь этим, Горвард сшил настоящие детские костюмчики (на тонкой шелковой подкладке) из одних крыльев бабочек. Получилось изумительное по своей красоте и оригинальности одеяние, которое было вместе с тем настолько прочно, что дети в нем могли свободно позировать художнику. На каждое такое платье шло несколько сот пар крыльев. Работа была очень кропотливая и требовала как большого художественного вкуса в сочетании красок, так и высокого технического выполнения.

Не всякие виды бабочек пригодны для этой цели. Горвард рассказывает, что в поисках за коллекциями бабочек ему пришлось познакомиться со многими энтомологами Англии и узнать от них наиболее красивые виды бабочек,

в особенности из крупных видов каких в Европе почти нет. Поэтому ему приходилось выписывать их из Ю. Америки и Африки.

Как наиболее красивые и крупные бабочки выделяются «урания», «сатурния», «ванесса» и др. Крылья их достигают нескольких десятков квадратных сантиметров, отличаются необычайно красивым рисунком и достаточной прочностью, чего не имеют другие виды бабочек.

«Урания» водится на острове Мадагаскар и в таком огромном количестве, что во время ее размножения поля и дороги острова сплошь покрываются причудливым золотисто-красным ковром этих бабочек. «Сатурния» водится в Ю. Америке, Азии и на океанских островах теплого пояса. Насколько красивы эти великаны-бабочки, видно из того, что солдаты английской армии в последнюю империалистическую войну с восточного берега Африки (при завоевании немецких колоний) присылали крылья бабочек в своих письмах родным в виде подарка, заменявшего самые лучшие цветы. Многие солдаты сделались настоящими коллекционерами, и один из таких любителей энтомологии подарил Горварду целую коллекцию бабочек, собранных им недалеко от Богамои на восточном берегу Африки.

Итак, коллекционирование бабочек может не только служить целям энтомологии, но и дать художнику образцы высоко совершенной работы самой природы.

Н. Б.

Праздник Книги

КРЫЛЬЯ «ЗИФ».

— И солнце за нас! — услышал я.

Затем: напор толпы, прыжок, «острое» ощущение отдавленных пальцев ног. Оборачиваюсь, негодуя. Лицо соседа, заключившего союз с солнцем, расплывается в улыбку.

— А погода действительно чудесная, — продолжает он.

Обижаться неловко, и я молчу.

Вагоны трамвая линии № 6 переполнены, у каждой остановки кондуктор неумолимо кричит: «граждане, мест нет!», но толпа не слушает и еще больше жмет. Подъезжаем к аэродрому. Бесконечную ограду его обвивают яркочерные лозунги. Лугом, зеленеющим сочной майской травой, пробираемся к импровизированной трибуне-грузовику.

Торжество открытия летней навигации гражданского воздушного флота и новых воздушных линий Союза ССР открывает начальник военно-воздушных сил республики тов. П. И. Баранов. Под звуки «Интернационала» и перекаत्याющийся гром аплодисментов десяти тысячной толпы на мачты вспархивают алые флаги СССР, Осоавиахима и советской гражданской авиации.

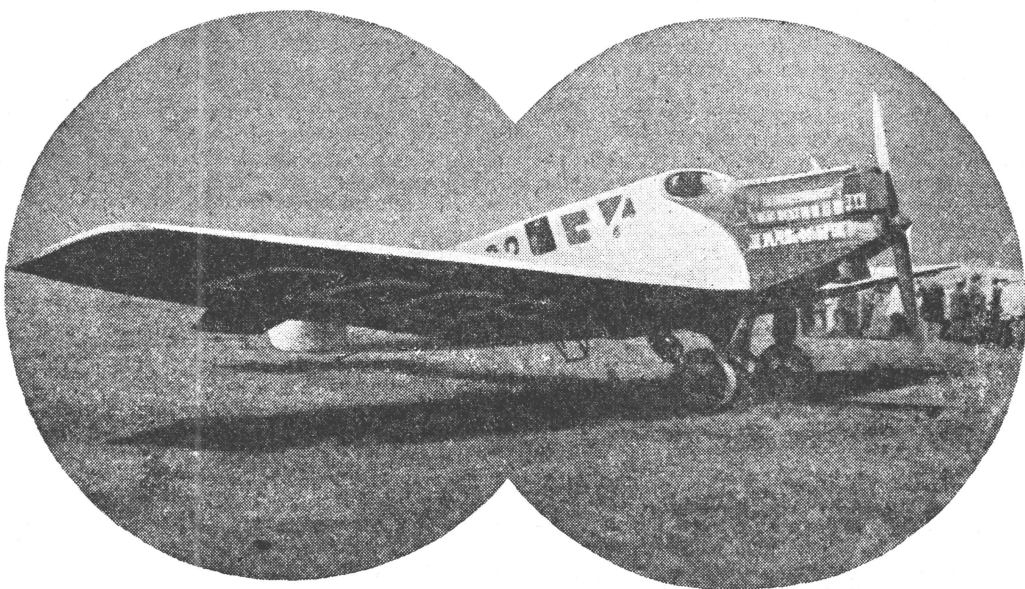
— Нынешний сезон, — говорит тов. Баранов, — знаменует собой начало осуществления пятилетки нашей гражданской авиации. Сей-

час гражданская авиация СССР переживает бурный рост. В этом году мы уже имеем даже превышение годовой доли пятилетки, ибо на целый год раньше срока открыли воздушную линию Москва — Иркутск, которая будет продолжена в ближайшие годы до Китая и Японии. Сейчас мы намеряем еще одну линию — для соединения Европы с Индией.

Следующим выступает зампредреввоенсовета тов. Уншлихт:

— В этом году мы совершим грандиознейший перелет, которого еще не видывал мир: в августе из Москвы вылетит двухмоторный самолет «Страна Советов», конструкции Центрального аэро-гидродинамического института. Финиш перелета — Северная Америка, Нью-Йорк! Самолет покроет более 20 000 километров, из коих 10 000 на колесах, 10 000 на поплавах¹⁾. Маршрут этого перелета будет проходить через Ново-Сибирск, Хабаровск, Петропавловск, Алеутские острова, Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорк.

¹⁾ Технический термин. «На колесах» — значит с колесным шасси для посадки на сушу. «На поплавах» — с поплавковым шасси при полетах над водой и местностями, пересеченными большими реками, озерами и другими водными пространствами.

Четырехместный самолет «Земля и Фабрика (ЗиФ)», переданный 26 мая 1929 года Осоавиахиму издательством «ЗиФ» от читателей, сотрудников, художников и писателей.

Командующий войсками Средне-азиатского военного округа тов. Дыбенко рассказывает об огромной, полной героизма работе летчиков Добролета в Таджикистане.

— Впервые, — сообщает тов. Дыбенко, — делегаты советского Памира были доставлены

рываются от земли и разлетаются в разные стороны — на юг, на восток, на запад...

Взоры всех обращены вверх. Узбек в толстом пестром халате улыбается, словно начиненный удовольствием: струйками пота оно катится по его лицу. Эскадрилья военных самолетов, выстроившись в воздухе в колонны, провожает «пассажиров». Наши красные пилоты показывают свое искусство. Бесстрашная игра мертвых петель, легких взмахов и нарочито беспомощных падений «листом»... Гул одобрения — и снова напряженная тишина.

— Папа, правда план приливан к небу?

Смех окружающих и теплая улыбка отца для недоумевающей крошки-девочки достаточно ясный ответ: конечно, приливан! Иначе разве он мог бы так «дергаться» — на ниточке?..

В 1 ч. 20 м. плавно подымается агитсамолет «Земля и Фабрика (ЗиФ)». Толпа аплодирует.

Группы «счастливицев», имеющих билеты на полет над Москвой, стоят у трибуны-грузовика, ждут очереди. Среди них

большинство полетят впервые, — эти задумчивы и сдержанно возбуждены. Есть и такие, которые боятся «рисковать» и, прячась от всеобщего недоумения и улыбок, тихонько уступают билеты.

Солнце постепенно умеряет свой «пыл». Катание гостей и показательные полеты продолжаются до вечера.

26 мая 1929 года — дата, которую несомненно запомнят те, кто по гривеннику вносил свои средства на стальную птицу — самолет «ЗИФ», переданный нашим издательством в этот день Красному воздушному флоту.

Г. В.

ВЕЧЕР ЮБИЛЯРОВ.

(Десятилетие Госиздата РСФСР.)

Начиная от писателя, редактора, типографа, книгоноши, библиотекаря и до читателя, в этот вечер 27 мая 1929 г. каждый чувствовал себя в праздничном настроении — каждый был частью юбиляра. Советская книга, родившаяся среди грохота пушек и визга огнеметов, прошедшая листовками через восставшие заводы, печатавшаяся сажей на рыжей расплавленной бумаге, теперь может поспорить за первое место по технике печати, по графике, по искусству и содержанию с любым из издательств «Запада».

«Без книги — нет знания, без знания — нет коммунизма» — слова Ленина горят на крас-

Слева направо: т. Ключко (борт-механик самолета «ЗиФ»), т. Камков («ЗиФ»), т. Сазонов (Осоавиахим), т. Венедиктов («ЗиФ»), т. Перегонов (пилот самолета «ЗиФ»), т. Немчинский («ЗиФ»).

на самолетах на Всесоюзный Съезд Советов, проделав этот путь в 2—3 дня.

Наконец слово предоставляется члену правления Гос. акц. изд. общества «Земля и Фабрика», тов. А. Г. Венедиктову. Передавая Осоавиахиму и в его лице Красному воздушному флоту самолет «Земля и Фабрика», построенный на средства, собранные среди десятков тысяч читателей, сотрудников, художников и писателей, т. Венедиктов говорит:

— Это — первый самолет, рожденный и построенный книгой для защиты социальных и культурных завоеваний Октября...

Торжественная часть заканчивается. Выстроившиеся шеренгой самолеты сверкают на солнце стальной чешуей. В центре — новый трехмоторный пассажирский самолет АНТ—9, рядом с ним — наш самолет «Земля и Фабрика (ЗиФ)».

Солнце в зените. Тут и там расселись группами и в одиночку делегаты Съезда Советов. Вот сидит на корточках смуглый киргиз, а вон — рослый кавказец. У него только три зуба, но они белее фарфора, и кавказец ухитряется при помощи их освещать свое лицо самой ослепительной улыбкой.

В 12 ч. 30 м. дается старт рейсовым самолетам, отправившимся по линии Укрвоздухпути в Персию, по линии Дерулуфт — в Германию и линии Доброфлота — в Иркутск.

Среди зрителей глухой гул оживления. Самолеты дрогнули, поползли, вот они уже от-

ном полотнище над сценой. Торжественный вечер-концерт, устроенный правлением и общественными организациями «ЗИФ»а и посвященный десятилетию ГИЗ'а и советской книге, — открыт.

С приветственными речами к многоликому юбиляру выступают писатели, редактора, издатели, типографчики.

Тов. Халатов, отвечая на приветствия от ГИЗ'а, указал, что еще много недостатков на литературном фронте. Художественная литература почти не отразила бурного подъема строительства, эпохи борьбы за индустриализацию страны. И все же значение советской книги неопределимо, ибо из агитатора она уже стала организатором.

Ленинских книг ГИЗ'ом издано 50 000 000 экземпляров, но этого мало. Ленина надо еще

более приблизить к массам, и поэтому в ближайшее время намечено выпустить около 10 000 000 экз. его книг.

Японский писатель т. Хаяши приветствовал советскую книгу как нужную и отвечающую запросам масс.

Летчик, пилот самолета «Земля и Фабрика» т. Перегонов, участник империалистической и гражданской войн, поделился своими мыслями о том, какой путь проделала советская авиация от чужих довоенных самолетов к аппаратам своей системы, которые теперь обслуживают все наши линии. Самолет «ЗИФ» — ценный вклад юбиляров в советский воздушный флот.

Вечер чествования юбиляров закончился прекрасным концертом и выступлениями поэтов и писателей.

М. Я.

Возвращение экспедиции «Следопыта».

В. Щеглов (слева) и С. Голубь (справа).

14 июня в Москву возвратилась первая летняя в 1929 году научно-краеведческая экспедиция «Следопыта» в Киргизию в составе беллетриста-комсомольца С. С. Голубя и художника В. В. Щеглова.

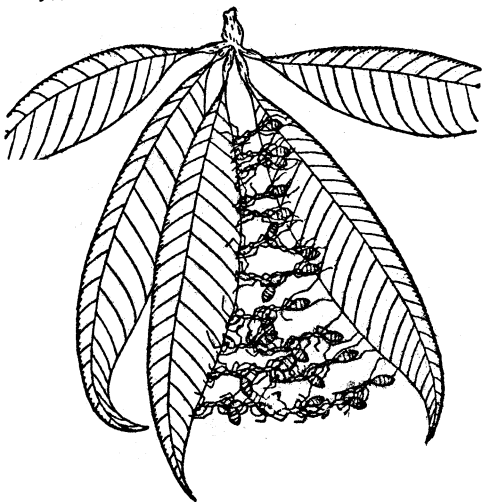
Экспедицией в течение двух месяцев проделан следующий круговой маршрут: г. Фрунзе — Алма-Ата (через перевал Кастек) — Илийск — прибалхашская фактория Истай-Тюбек — Илийск — Алма-Ата. При переходе через перевал Кастек экспедиция была застигнута снежным бураном; наши сотрудники принимали участие в охоте на кабанов, собрали ряд ценных и интересных наблюдений и материалов. Всего экспедицией пройдено в седлах около тысячи километров.

Из великой книги природы

РАЗУМ ИЛИ ИНСТИКТ?

Вопрос о том, есть ли у насекомых разум, или они действуют только по инстинкту, давно уже занимает исследователей. Этому же вопросу посвящена недавно вышедшая в Америке чрезвычайно интересная книга Хингстона. Можно не соглашаться с выводами автора, но то, что он описывает в своем труде, безусловно заслуживает внимания всякого, кто интересуется великой книгой природы. Автор дает не отвлеченные рассуждения, а живое описание многочисленных фактов из жизни насекомых, которые он сам наблюдал и на основании которых он — в противоположность Фабру — приходит к заключению, что у насекомых имеется не только инстинкт, но и подлинный элемент разума, зачатки индуктивного мышления.

Когда оса оканчивает свое гнездо, она, прежде чем отправиться на поживу, начинает описывать вокруг гнезда круги, сперва маленькие, потом все более широкие, словно систематически «изучает» окрестности и запоминает местонахождение гнезда. Лишь после того как оса составит таким путем «мысленный образ» своего местожительства, она улетает в лес, откуда безошибочно находит дорогу домой.

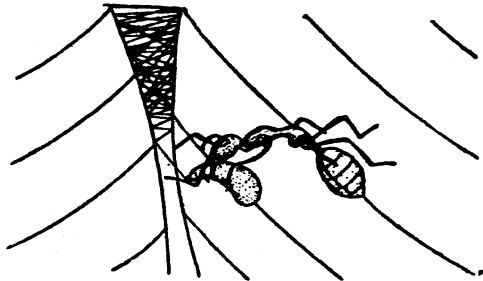

...Оближают два мангровых листа для устройства гнезда.

Но если она почему-либо не собирается возвращаться к построенному гнезду, то не продлевает описанной церемонии.

То же самое у пчел. Отнесите несколько взрослых пчел далеко от улья. Они немедленно найдут дорогу домой, потому что, очевидно, уже «изучили» топографию местности. Но проделайте этот опыт с молодыми пчелами, еще не успевшими изучить местность вокруг улья, и вы увидите, что они совершенно растеряются.

Или вот вам красные муравьи, которые строят себе большие гнезда на листьях мангрового дерева. Для этого требуется прежде всего сблизить и скрепить листья друг с другом. Муравьи делают это очень остроумно. Вытянувшись во всю длину туловища, они захватывают край одного листа челюстями а край другого — задними лапками, и подтяги-

...Сшивают края листьев при помощи личинки.

вают таким способом лист к листу. Если расстояние между листьями слишком велико для одного муравья, то двое, трое и даже четверо образуют цепь, взяв друг друга за талию. Потом все муравьи начинают тянуть сразу, словно по команде.

Но сблизить листья — только половина задачи. Необходимо закрепить их в новом положении, иначе они не смогут держать гнездо. Это делается при помощи шелковой паутины. Взрослые муравьи не могут выпускать из себя паутинку, поэтому они прибегают к помощи своих личинок. Каждый работник берет в челюсти одну личинку и начинает ритмически передвигать ее справа налево и слева направо между листьями, которые нужно скрепить друг с другом. Там, где личинка коснется края листа, она закрепляет шелковую ниточку, которая обычно служит ей для изготовления кокона, но теперь идет на сшивание листьев. Когда личинка истощит весь свой шелк, приносят другую. Так продолжается до тех пор, пока все необходимые для постройки гнезда листья не будут скреплены друг с другом толстым белым шелковым швом.

Очень интересно поступили одни муравьи в Родезии, перед которыми встала задача: как отнести к себе в муравейник великолепную гусеницу, выпускавшую из щетинок чрезвычайно неприятную для муравьев жидкость? Они начали с того, что покрыли все щетинки гусеницы сухой землей. Земля впитала жидкость, и муравьи откусили кончики щетинок. Появились новые капли жидкости, на них немедленно наложили свежей земли, и опять щетинки были обкусаны. Так продолжалось до тех пор, пока весь выпускающий жидкость механизм гусеницы не был разрушен. Тогда муравьи торжественно отнесли добычу в муравейник.

М. Р.

Шахматная доска „Следопыта“

Отдел ведет Б. Д. Ильинский

РИХАРД РЕТИ

Весь шахматный мир опечален тяжелой утратой. 5 июня умер гроссмейстер Р. Рети. Нет ни одного шахматиста-любителя во всем мире, который не знал бы этого мастера, партиями которого и этюдами нельзя не восхищаться. Недостаток места не позволяет нам подробно охарактеризовать Рети. Мы призываем всех внимательно присмотреться к его творчеству, ибо каждый найдет в нем много поучительного и восхижительного. Приводим коротенькую партию Рети.

ДЕБЮТ КАРО-КАНН.

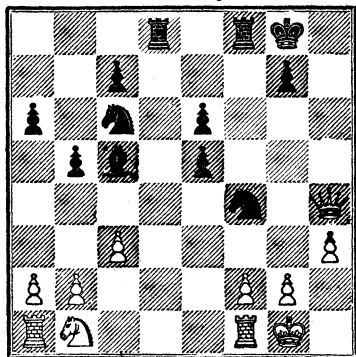
Рети	Тартаковер
1. e2—e4	c7—c6
2. d2—d4	d7—d5
3. Kbt—c3	d5 : e4
4. Kc3 : e4	Kg8—f6
5. Фd1—d3	e7—e5
6. d4—e5	Фd8—a5+
7. Cc1—d2	Фа5 : e5
8. o—o—o!	...
Гениальная идея редкой красоты	Kf6 : e4
9. Фd3—d8+!!	...
Неожиданная превосходная жертва ферзя.	Kpe8 : d8
9. ...	Kpd8—c7
10. Cd2—g5+	
11. Cg5—d8×	

КОНЦЫ ПАРТИЙ.

Не всегда сила игры М. И. Чигорина была даже приблизительно одинакова. Оттого может быть он, близкий к завоеванию мирового чемпионата, так и не добился его. На ряду с его замечательно глубокими, смелыми и красивыми комбинациями, которыми он поражал своих даже первоклассных противников и которые восхищали современников так же, как восхищают и нас, он удивлял иногда необъяснимыми провалами и просто зевками, необъяснимыми для игрока такой силы.

Ниже предлагаем внимательно рассмотреть две партии М. И. Чигорина. В первой из них он тонко, но и очень убедительно доказал парадокс: две легкие фигуры сильнее ферзя. Во второй он просмотрел матовую комбинацию в пять ходов — комбинацию нетрудную, заключающую в себе всего один мотив и состоящую из одного только варианта.

И. М. И. Чигорин.

Союзники.

Партия закончилась следующим образом:

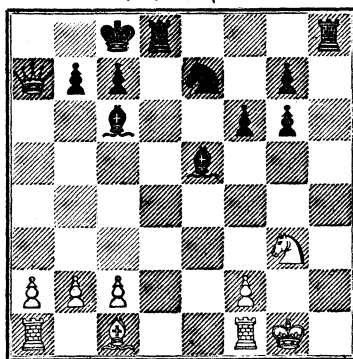
18. b2—b4

После этого хода белые не могут спасти ферзя. Последствия хода 18. Раз были бы еще хуже для белых.

18. ...	Cc5—e7
19. Фh4—g4	e5—e4
20. Лf1—d1	
На 20. Лf1 последовало бы Kc5; 21. Фg3, Лd3; 22. Лe3 (Фh2, K : h3+ и т. д.), Лd1+; 23. Kph2, Kh5; 24. Ф : e5, Cc6.	
20. ...	Kc6—e5
21. Лd1 : d8	Лf8 : d8!
22. Фg4 : f4	Лd8—d1+
23. Kpg1—h2	Ce7—e6
24. g2—g3	...
Если 24. Ф : e4, то Kf8×	
24. ...	Ke5—f3+
25. Фf4 : f3	e4 : f3
Сдались.	

П.

М. И. Чигорин.

Э. Шифферс.

Ход черных, и они могут форсированно дать мат в пять ходов. М. И. Чигорин проглядел этот мат. Даем нашим читателям редкую возможность сыграть лучше самого Чигорина, найдя решение!

КУСОЧЕК ИСТОРИИ.

В одной старинной книге, переведенной на русский язык и изданной в Москве в 1800—1804 гг. под названием: „Открытые тайны древних магов и чародеев, или волшебные силы природы, в пользу и увеселение употребления“, есть целый ряд очень любопытных страниц, посвященных шахматам. Между прочим, в VI части, в разделе „Увеселение числами“, встречаем описание задачи, взятой из итальянской книги 1604 года. Любопытно, что уже самое описание этой задачи, равно как и приводимое решение ее представляет из себя задачу, — настолько оно запутанно для нас, привыкших к простой и удобной нотации фигур и клеток. Вот это описание: Увеселение LVIII. Проиграш в шашки чрезвычайный.

Учреждение игры шашек белых: царь в клетке слона со стороны царя игры противной. Ладья в клетке слона со стороны царя своей игры. Другая ладья в клетке или месте своей ферзи. Конь в третьей клетке слона своего царя. Пешка в четвертой клетке своего царя.

Учреждение шашек черных: царь в третьей клетке. Ферзь в четвертой клетке своей ладьи. Ладья со стороны царя в своей второй клетке. Вторая ладья в третьей клетке коня со стороны своей ферзи. Конь в третьей клетке ладьи своей ферзи. Пешка в четвертой клетке своего царя.

По установлении таковым образом шашек, играющий белыми скажет своему противнику, что, не взирая на худое расположение своей игры и видный проигрыш, может сделать ему мат со всем выгодным его учреждением шашек, и это исполняет таковым образом: Белый е — конь вступает в четвертую клетку коня со стороны ферзиной про-

тивной партии и дает шах. Черные — ладья принуждена будет взять сего коня. Белые — ладья дает шах, в третью клетку слона стороны царя противной партии став. Черные — царь принужден взять эту ладью. Белые — вторая

ладья, становясь в третью клетку царя противной стороны, дает ему шах и мат".

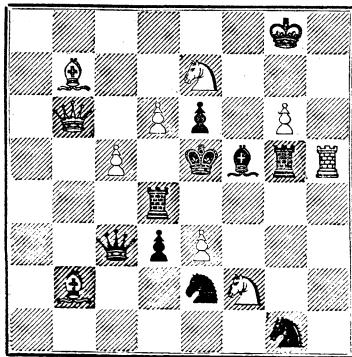
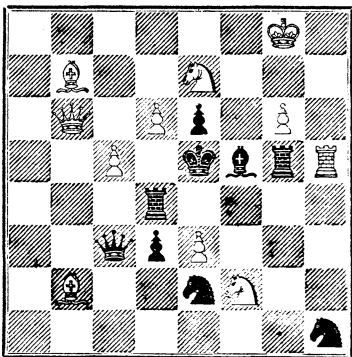
Мы предлагаем читателям воспроизвести на доске всю задачу по этому описанию.

Тяжеловесно „увеселялись“ наши предки!

ЗАДАЧИ-БЛИЗНЕЦЫ Л. ЦЕРИАНИ.

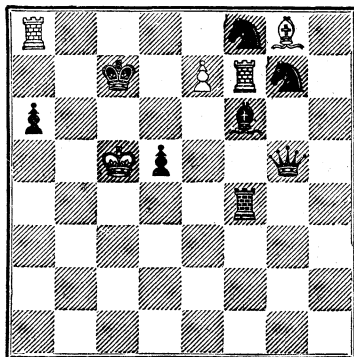
В № 11 „Вс. След.“ за 1928 г. мы поместили две трехходовые задачи-близнецы Э. Вельми. Очевидно решение их оказалось довольно трудным для наших читателей: правильных решений было прислано всего три. Ниже приводим еще две зада-

чи с одинаковым расположением всех фигур (за исключением одного черного коня), но с несходным решением. Эти задачи-близнецы легче решаются, несмотря на большее количество фигур, чем у двух ранее приводимых близнецов.

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

ЗАДАЧА-ШУТКА.

Белые начинают и заставляют сделать себе мат в один ход.

ПАРТИЯ-МИНИАТЮРА.

Фианкетто дель Ре.

Играна на турнир-чемпионате Франции в 1927 г.

Шерон.	Поликье.
1. d2—d4	g7—g6
2. e2—e4	С18—g7
3. Kg1—f3	g7—d6
4. Kb1—c3	Kb8—d7
5. Cfr—c4	Kg8—f6?
6. e4—e5	d6 : e5
7. d4 : e5	Kf6—h5
8. Ce4 : f7+	Kpe8 : f7
9. Kf3—g5+	Kpf7—g8
10. Фd1—d5+	Сдался.

Подумать только, что эту партию играли первые два победителя турнира!

Ответственный редактор И. Я. Свистанов.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

ЗАОЧНЫЕ ГОСКУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ

при Моск. Техн. Куст.-Кооп. Пр. ВСНХ утв. Главпрофборм

открывают СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ:

- 1) ЗАКРОЙЩИКОВ (муж., женск., детск. платья и белья);
- 2) ПОМ. ИНСТРУКТОРОВ И КРУЖКОВОДОВ КРОЙКИ И ШИТЬЯ;
- 3) Мужск. ГОЛОВНЫХ УБОРОВ и женск. ШЛЯП;
- 4) ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫШИВАНИЯ (платьев, шляп, белья);
- 5) ОБУЧЕНИЯ КРОЙКЕ И ШИТЬЮ ПО ПЛАКАТАМ.

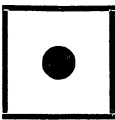
На складе имеется полный курс (основного отделения Курсов КРОЙКИ И ШИТЬЯ).

Начало занятий спец. Отделения с 1 Октября. По окончании выдается свидетельство.

НОВЫЙ СПРАВОЧНИК 20 к. мелк. марками.

МОСКВА, 9, Тверская, 24.

На курсах
обучаются
12 500 чел.

О-во ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА (б. РОТ)

К ТУРИСТСКОМУ СЕЗОНУ!

МАГАЗИН
„ТУРИСТ“

Москва, Петровка, 5/5
Телефон 1-65-75

**ВСЕ ДЛЯ
ТУРИЗМА, ФОТО,
СПОРТА И ДОРОГИ**

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

**ФЛЯГИ, РЮКЗАКИ, ЛЕДОРУ-
БЫ, АЛЬПЕНШТОКИ, КОШ-
КИ, ТУРИСТСКИЕ ПОЯСА**

и прочее снаряжение.

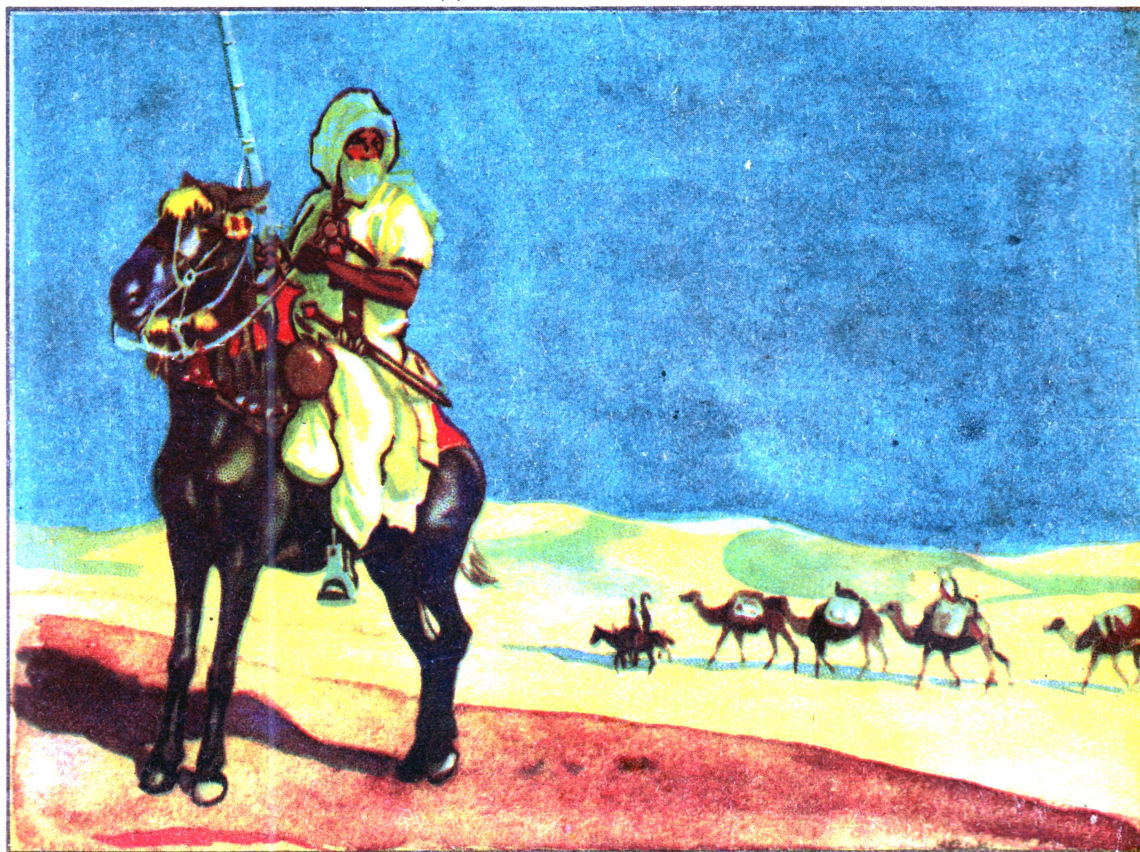
ЛИТЕРАТУРА по дальнему и
ближнему туризму, фото и спорту.

Мастерской «**ТУРИСТ**» принимаются
заказы на **палатки**.

ВСЕ ТОВАРЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕН.
ПЛАТЕЖОМ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА 20%.

ПРОКАТ ЛОДОК, ПАЛАТОК и другого
ТУРИСТСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ.

ОТКРЫТ РАБОЧИЙ КРЕДИТ
НА ТУРИСТСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ, СПОРТ- и ФОТО-ТОВАРЫ.

ТУАРЕГИ. Караван в пути по Сахаре.

ТУАРЕГИ. Лагерь кочевников в оазисе.